

Проф. М.Е.МАССОН

АХАНГЕРАН

АРХЕОЛОГО-ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

М. Е. МАССОН

АХАНГЕРАН

АРХЕОЛОГО - ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УзССР
ТАШКЕНТ—1953

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	3
I. Историко-археологическое изучение Ахангерана до 1934 года	7
II. Археологические памятники Илака до VIII века н. э.	10
III. Средневековый Илак по данным авторов X века	32
IV. Маршрутное описание Ахангерана	41
Маршрут Ташкент—Той-тюбе	41
Маршрут Той-тюбе—Ханабад и прилежащий северный район	54
Маршрут Той-тюбе—Пскент—Кереучи	63
Тункет—Имлак	70
Маршрут Тункет—Куль-ата—Пскент	93
Маршрут Тункет—Теляу—Кархана	99
Маршрут Пскент—Канка—Бука	103
Маршрут Канка—Бука	114
Маршрут от Каратаг-ата до Кураминский хребет	117
V. Историко-археологические силуэты старого Ахангерана	120
VI. Заключение	127
Примечания	128
Цитируемая литература	139
Перечень сокращений	144

Ответственный редактор *Р. Н. Набиев*
 Редактор Издательства *Е. И. Новикова*
 Технический редактор *А. Т. Шепельков*
 Корректор *Е. А. Лапина*

P08469. Подписано к печати II/XI-53 г. Бумага 70×108¹/₁₆—4,5 бум.—9,0
 печ. л. Изд. л. 12,6. Тираж 1000. Цена 8 р. 80 к. Перепле. 1 р. 50 к.

Ташкент, 1953 г. Типография Из-ва АН УзССР. Заказ 206.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В составе Таджикско-Памирской экспедиции 1934 года находился небольшой 29-й отряд, имевший своей целью предварительное изучение в археологическом отношении района среднего течения Ангрена в связи с историей горной промышленности.

Известная новизна самой тематики определила специфику работ этого отряда, которому по основному заданию предстояло столкнуться с проблемами из области истории техники горного дела и металлургии. Само же решение их не могло пройти без выяснения общего хода исторического развития здесь человеческого общества, поскольку в отрыве от социальной среды и конкретных условий материальных отношений не может быть никакого самостоятельного исторического процесса развития техники. Было бы слишком большой смелостью стремиться разрешить за один сезон все вопросы истории горного дела и металлургии в Ахангеране, как-то: добыча сырья, последовательная переработка, обмен и бытовое распределение предметов металлургической промышленности, классовое расслоение и классовая борьба в условиях различных общественных формаций и т. д. С другой стороны, высказанное положение приводило к тому, что на первое время объектами изучения должны были явиться и действительно явились не одни только бесчисленные заброшенные выработки и места давно потухших плавильных печей. Напротив, на начальном этапе исследования пришлось в основном сосредоточить внимание на суммарном ознакомлении со всем комплексом памятников материальной культуры на изучаемой территории, чтобы, сопоставив полученные наблюдения с данными, заключающимися в остатках, непосредственно относящихся к бывшей горной промышленности, в порядке первого приближения установить для всех объектов некоторые хронологические датировки, уловить между ними взаимную связь и последовательность и попытаться определить былую функциональную значимость как со стороны экономической, так и социальной, если не каждого объекта, то хотя бы отдельных их групп.

29 отряд включал в себя по линии Таджикско-Памирской экспедиции начальника отряда М. Е. Массона, научного сотрудника В. Д. Жукова и непостоянных рабочих. Кроме того, на средства Узбекстанского комитета по охране памятников материальной культуры специально для производства съемки развалин столицы Илака, Тункета, была организована топографическая партия в составе топо-

графа К. И. Лехновича, счетчика А. Н. Лехнович и нескольких переменных рабочих, работавших под руководством начальника отряда. Полевой период длился с 13/VI по 29/VII 1934 года, т. е. всего только 45 дней, но без единого простоя.

Ограниченный срок, обширность района, неизведанность его в историко-археологическом отношении и, наконец, обилие остатков материальной культуры не позволили развернуть стационарные археологические раскопки. При обследовании того или иного пункта приходилось ограничиваться зачистками, а в большинстве случаев только регистрацией и сбором подъемного материала. Попутно шла фотофиксация, иногда производилась компасная съемка. Крайним северным пунктом наших маршрутов была точка, находящаяся в 13 км к северу от Кайнара; самым южным—Алтын-топкан в Карамазарских горах. На восток мы продвинулись до кишлака Яхши в 7 км восточнее Теляу, а на запад до селения Ильтамгалы в 8 км от берега Сырдарьи.

Природные условия для работы нельзя было признать благоприятными. Обильные осадки весны и начала лета 1934 года способствовали буйному росту дикой и сорной растительности, во многих местах мешавшей даже продвижению, сильно затруднявшей сбор подъемного материала и делавшей почти невозможным наблюдение по поверхности археологического микрорельефа.

Несмотря на все перечисленные осложнения, отряд не только выполнил возложенную на него задачу, но посетил еще разрабатывавшееся в древности месторождение Алтын-топкан. После обследования ряда мест древних плавок были собраны для анализов и переданы в соответствующие организации образцы шлаков.

В течение 45 дней напряженного полевого периода удалось посетить, открыть, выявить и зарегистрировать некоторые границы средневекового Илака, несколько древних торговых дорог, следы былой ирригационной сети, тысячи курганных погребений различных эпох, несколько старых мазаров, ям для углежжения, мест плавильных заводов, скал с высеченными рисунками и надписями, десятки тепе и десять более или менее значительных городищ: Имлак, Канка, Куль-ата, Ак-тепе, Курган-тепе, Джумишказы-тепе, Уваит, Мунчак-тепе, Кырк-джангиз, Бука. Огромное большинство памятников не было известно ни по описаниям, ни просто по упоминаниям в научной литературе. Собранный вещественный археологический материал передан в Узбекистанский комитет по охране и изучению памятников материальной культуры.

В процессе массового обследования тепе в долине Ангрена, когда в разных местах приходилось сталкиваться как бы с одноименными буграми, при попытках осмыслить их названия мне вновь пришла в голову мысль, что иногда здесь мы имеем дело не столько с собственным именем, сколько с термином, которым обозначаются тепе определенного типа и в который население, пустившее в обиход то или иное наименование, вкладывало определенный смысл по ряду усмотренных им признаков. К таким названиям относятся, например, Суйры-тепе, или Суйру-тепе, получившие прозвания от конусообразной формы с более или менее заостренной вершиной, от слова „суйри“ [سويرو] - „конический остроконечный“, ; „Куль-тепе“ от слова „кул“ [كول] или [كل] - „зола“, характеризуются наличием зольных слоев. Как известно, последние достигают мощности до несколько метров на местах поселений родового общества, если эти пункты были обитаемы в течение многих поколений.

Термином „ак-тепе“ — в буквальном переводе „белый бугор“ — обозначаются многочисленные тепа часто без всяких признаков белого цвета или светлых оттенков поверхности. Очевидно, эпитет „ак“ имеет здесь такое же переносное значение, как и в целом ряде других сложных слов: „ак-суяк“ — „белая кость“, в смысле обозначения султанского происхождения; „аксакал“ — „белобородый“, — каковым званием обозначали старшин вне зависимости от их возраста и седины их волос; „ак-падша“ — „белый царь“ — титул русского государя. Слово „ак-уй“ или „белое жилище“ обозначало, с одной стороны, свадебные юрты из белых кошм, а с другой, — большие юрты в 10—12 канатов, бывшие еще в середине прошлого столетия принадлежностью исключительно наиболее владетельных лиц из казахской эксплуататорской верхушки. Отсюда „ак-уйли“ — „белокибиточник“, то есть лицо, по своему происхождению относящееся к феодально-родовой кочевой аристократии. Такой же характер имеет архитектурный термин „ак-сарай“ — „белый дворец“ или „белая палата“ для обозначения или крупных дворцов или помещений, в которых погребены ханы и члены их семей, а также видные представители мусульманского духовенства. Несомненно, и в названии „ак-тепе“ следует улавливать тот же оттенок, и это наименование осмысливается населением, как указание на былые местопребывания прежних владетелей, то есть как развалины замков или укрепленных усадеб дехкан — феодалов.

В этом же отношении интересно наименование „Шаш-тепе“; это имя носит несколько бугров в Чирчик-Ангренском районе. В первый момент очень соблазнительно видеть здесь отзвук старого политико-географического термина Шаш, как наименование области, и переводить как „тепа или укрепление Шаша“. Однако этот термин имеет широкое распространение далеко за пределами упомянутой средневековой области. В Средней Азии „шаш-тепа“ мне известны на пространстве от долины реки Чу (в произношении „шиш-тепа“) до долины Кашка-дарьи и Сурхана включительно. В афганском Бадахшане имеется мост Шаш-пуль на реке Кукча выше Файзабадских ущелий. Сложные со словом „шаш“ названия встречаются и в северной Индии. Так, например, в Синде на большой торговой и скотопрогонной дороге в XIV в. была местность Шаш-накар, где, по словам Ибн Батуты, торговцы лошадьми из Мавераннахра должны были уплачивать первые взносы по семь динаров серебром за каждую лошадь.¹ Вероятно, происхождение этого термина идет от перешедшего из согдийского в тюркский язык چاش, چاش, چاش „куча“ [в частности, смелотого хлеба, собранного горкой в котле палау], откуда چاشلامق или چاچلامق — „собирать в кучу“ (ср. также شش, شيش или شوش — „опухоль“, „вздутие“). Таким образом, „шаш-тепа“ — обозначает искусственно насыпанный бугор.

Было бы весьма желательно продолжить работу по расшифровке подобных терминов и привлечь к ней внимание других специалистов, что в дальнейшем должно облегчить исследователям ориентировку при археологических разведках в мало изученных районах не только Узбекистана и сопредельных братских республик, но и зарубежных стран.

Камеральная работа 29 отряда ТПЭ заключалась в выяснении материалов предшествующих исследований Ахангерана, в выборке касающихся его сведений из письменных средневековых восточных первоисточников и в сопоставлении их с полученными отрядом археологическими наблюдениями. Помимо общего отчета о результатах всей деятельности отряда, основная его тема, заключавшаяся в выяснении истории добычи меди в Средней Азии, нашла отражение в моей од-

ноименной работе, опубликованной в серии трудов ТПЭ². В этой более или менее узко специальной публикации не могли быть отражены все полученные отрядом археологические данные и выяснившиеся в результате сопоставлений и анализа исторические факты. Учитывая, что они в условиях малой изученности Узбекистана в историко-археологическом отношении представляют своей новизной известный научный интерес, было сочтено целесообразным доработать все эти материалы по исторической топографии Ахангерана и изложить дополнительно в особой монографии.

Автор полагает, что публикуемый труд послужит основой при дальнейших крупных историко-археологических работах в Ахангеране. Этот район Узбекской ССР, разбуженный к новой интенсивной жизни Великой Октябрьской Социалистической революцией, быстро движется по пути культурного развития и материального благополучия. Есть все основания полагать, что публикуемый труд очень своевременно поможет развертыванию на местах краеведческой работы в части изучения прошлого своего района, жажда знать которое год от году растет в широких массах населения.

---

1. ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АХАНГЕРАНА до 1934 года

Обследованная 29 отрядом площадь являлась непосредственным продолжением территории бывшего горнопромышленного округа Кураминских гор и входила в состав средневековой области Илак.

Несмотря на близость к такому культурному центру, как Ташкент, и на относительно легкую доступность район среднего течения Ангрена, когда-то именовавшийся также Кураминским, в историко-археологическом отношении принадлежал к числу наименее изученных в Средней Азии участков прежних культурных земель. Лишь отчасти это можно объяснить исключительной скудностью сведений о нем в письменных исторических источниках. И приходится констатировать, что за весьма малым исключением отряду пришлось буквально поднимать археологическую целину.

До присоединения среднеазиатских ханств к России было очень мало литературных сведений об Ахангеране; в большинстве своем они представляют собой опросные показания, собранные от разных лиц в пограничной полосе и почти не содержат упоминаний, интересных в историко-археологическом отношении. Позднее, с образованием Туркестанского генерал-губернаторства, на страницах местной прессы иногда отмечались случаи обнаружения в Ахангеране предметов древности, причем последние очень редко попадали в музейные собрания, а в большинстве расходились по рукам и бесследно утрачивались для науки.

В дореволюционное время известно несколько отдельных лиц, пытавшихся производить эпизодически кратковременные поиски археологических объектов «для коллекции» у Той-тюбе. Это были педагог Д. М. Граменицкий (1875 г.)³, провизор И. И. Краузе (90-е годы прошлого столетия), кураmineц Султан Пиримкулов (торговавший старинными предметами). Краткие сведения об «Ахангеранской старине» за прошлое столетие принадлежат одному из слушателей Туркестанской учительской семинарии, М. С. Андрееву, который в 1893 году, будучи еще молодым человеком, проводил лето в долине Ангрена и кое-что наблюдал лично, а кое-что записал со слов местных кураминцев. Позднее ему же приходилось несколько раз проезжать по долине реки Ангрэн от Пскента до кишлака Тюрк и выше до теплых ключей Арасан. Все это позволило уже в конце прошлого столетия признать, что долина реки Ангрэн представляет собою весьма интересную для археолога местность, при чем им там отмечалось 8 пунктов, заслуживающих археологического изучения⁴.

Не много способствовал изучению Ахангерана и учрежденный в Ташкенте Туркестанский кружок любителей археологии, хотя им уже в первый год существования делались попытки собрать сведения о Тункете⁵. В том же 1896 году председатель кружка Н. П. Остроумов в сопровождении нескольких лиц осуществил небольшую поездку для осмотра бугров у Той-тюбе и Имышказы-тепе⁶. Ряд маршрутных проездов членов ТКЛА через Ахангеран, повидимому, не сопровождавшихся его хотя бы попутным обследованием и, во всяком случае, прошедших почти бесследно для науки, связан с посещением городища Шахрухия или Шаркия на берегу Сыр-дарьи и близлежащих развалин Канка, выходящих за пределы Илака и относящихся уже к территории собственно Шаша (Е. Т. Смирнов—1896 г.; П. А. Комаров—1905 г.; И. А. Беляев—1907 г.).

Еще меньше в этом отношении было сделано центральными археологическими организациями. Лишь один раз в конце декабря 1884 года находившийся в годичной командировке в Туркестан от Археологической комиссии Н. И. Веселовский выехал в Ахангеран, где в течение трех дней провел земляные вскрытия на городище Той-тюбе, не удовлетворившие производителя работ и мало способствовавшие научному опознанию этого объекта⁷.

Наиболее полные данные заключены в труде академика В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». В его географическом очерке Мавераннахра имеется до сих пор наиболее подробный разбор письменных известий об Илаке, обнимающий в общей сложности 70 строк⁸. Они также не свободны от многих дефектов в истолковании текстов, которые подвергаются разбору в основной части этой работы; это объясняется столь типичным для дореволюционного времени разрывом между деятельностью историков ориенталистов и более слабыми успехами местной археологии. Для малой изученности и популярности древностей Илака характерно, что они не нашли совершенно отражения в единственной сводке археологических памятников в Средней Азии, составленной в 1925 году А. А. Семеновым, где упомянуты только развалины пограничных шашских городов Шахрухия и Канка⁹.

Мало дала и буржуазная историография. Сведения об Илаке, включая сюда и Ахангеран и Карамазарские горы, имеются лишь у очень ограниченного числа старых ориенталистов и в большинстве своем обличают, при исключительной краткости, нечеткость представлений об этой области у авторов, так как характеризуются или туманностью или общностью высказываний, или искажением сведений источников, или такими «уточненными» определениями, которые могут иметь значение лишь в аспекте выяснения развития в прошлом исторических представлений об Узбекистане. Среди западноевропейских ученых XX века подробнее всего говорит об Илаке Г. ле Стрендж, посвящающий ему в своем труде «Страны восточного халифата» 23 строчки¹⁰. Малая удовлетворительность приводящихся там сведений отмечается ниже в нескольких соответствующих местах.

Начало специальным археологическим исследованиям в Ахангеране за время советской власти было положено моими работами в 1928 году в районе Той-тюбе, проводившимися от Главного Среднеазиатского музея с участием каллиграфа Т. Миргиязова, коллектора К. И. Массон и членов кружка «Друзей музея» Д. Нестерова и Н. Вундецеттеля. Обследовано было зороастрийское кладбище с глиняными гробиками — оссуариями, раскопано два курганных погребения, обнаружена крупная каменная стела с высеченной уплощенным барельефом фигурой мужчины, подвергнуты предварительному изучению городища Улькан Той-тюбе и Чардара. Первое, на основании сопоставления с данны-

ми арабских источников, признано было мной тогда уже за развалины города Нукета¹¹.

В 1929 и 1930 годах по заданию Узкомстариса, А. А. Потапов, под руководством М. В. Воеводского, произвел раскопку нескольких разновременных могильных курганов в группе близ Пскента.

В 1929 году, по инициативе геолога Б. Н. Наследова, мной были проделаны по линии Среднеазиатского отделения Геолкома два попутных замкнутых маршрута по Ахангерану (один самостоятельный и другой — в сопровождении Т. Миргиязова) в связи с основным обследованием Кармазарского участка древней горно-рудной промышленности. Именно тогда, между прочим, был снят первый план городища Сарзайляк, произведено его предварительное археолого-топографическое исследование и положительно разрешен вопрос о принадлежности развалин древней столицы Илака Тункету¹². Однако, в основном, внимание уделялось при всех перечисленных исследованиях Кармазару, и только в 1934 году работы 29 отряда более широко захватили центральную часть собственно Ахангерана.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИЛАКА ДО VIII века н. э.

Ахангеран, или долина реки Ангрен, правого притока Сыр-дарьи, представляет часть важного и обширного Чирчик-Ангренского земледельческого района. Ангрен берет начало в Чаткальских горах. Примерно в средней части вода из реки разбирается многочисленными арыками на поля, а современное главное русло, устланное галькой и песком, уклоняясь на северо-запад, на протяжении нескольких километров, остается безводным и оживает только при весенних разливах. Несколько западнее пересечения с главной дорогой Ташкент—Ленинобад в русле появляются родники. Дойдя до Чирчикской долины, Ангрен принимает в себя, помимо мелких каналов, воды большого протока из Чирчика, Карасу, и, повернув в юго-западном направлении, впадает, наконец, в Сыр-дарью. Между этим главным или правым руслом Ангрена и левым его руслом, кончающимся сухим логом Гиджигена, расположено Пскентское плато. Оно представляет обширную платформу, пересеченную оврагами и вырезанную от той характеризующейся безводностью лёссовой террасы, которая тянется между Чирчиком на западе и горами на востоке.

Современный физико-географический облик поверхности Ахангерана сложился под влиянием разнообразных геологических агентов, с одной стороны, и интенсивной длительной деятельности человека, с другой. Вода, ветер, солнце вместе с прочими факторами физико-химического порядка определили тип послетретичных отложений района — элювий, делювий, выносы силевых потоков, аллювий, крупнообломочный вверху долины и тонкозернистый внизу, на заливных лугах, наконец, болота низовьев Ангрена и Чирчика.

Люди вырубали леса, распахивали склоны гор, проникали в недра при поисках полезных ископаемых, прорезали лёссовые поверхности оросительными каналами, создали отложения ирригационных наносов, вызвали заболачивание нижних частей долины, всячески способствовали изменению рельефа, то нивеллируя, то расчленяя его, то накапливая толщи культурных наслоений. Следы этого участия человека в борьбе с природными условиями, в подчинении их своим потребностям и в переустройстве поверхности в Ахангеране очень многочисленны и разнообразны, охватывая хронологически много тысячелетий. Те из них, которые относятся к древнейшим временам, пока еще не выявляются с четкостью, достаточной для конкретной реконструкции хода исторического развития человеческого общества на ранних стадиях.

В настоящее время нам неизвестно еще ни одной стоянки человека времени первобытно-общинного строя, равно как не зарегистрировано сколько-нибудь достоверных находок хотя бы отдельных палеолитических и неолитических предметов. Единственное каменное орудие, полученное из Ахангерана, представляет собой осколок порфиритовой гальки, по форме близкий к так называемым остроконечникам (длина 9,5 см, ширина 7,5 см, толщина 2 см). Вдоль его лезвия можно усмотреть как бы следы отделки. Найден он был в 1932 году на правом берегу Алмалык-сая ниже кишлака Джанибек. Однако, принимая во внимание, что этот предмет поднят с поверхности и не связан стратиграфически с определенным культурным горизонтом, нельзя с уверенностью признавать его обязательно наконечником дротика неометаллической эпохи, поскольку подобной формы орудия известны из культурных слоев кангюйско-кушанского времени и, кроме того, употреблялись здесь еще недавно при обработке кож. Между тем, несомненно, что со временем будут сделаны находки кремневых изделий и даже местного производства, так как в горах имеются месторождения кремневых пород. На это, в частности, указывает название одного из правых притоков Ангрена (выше Теляу), носящего название Чакмак-таш (сай кремневого камня).

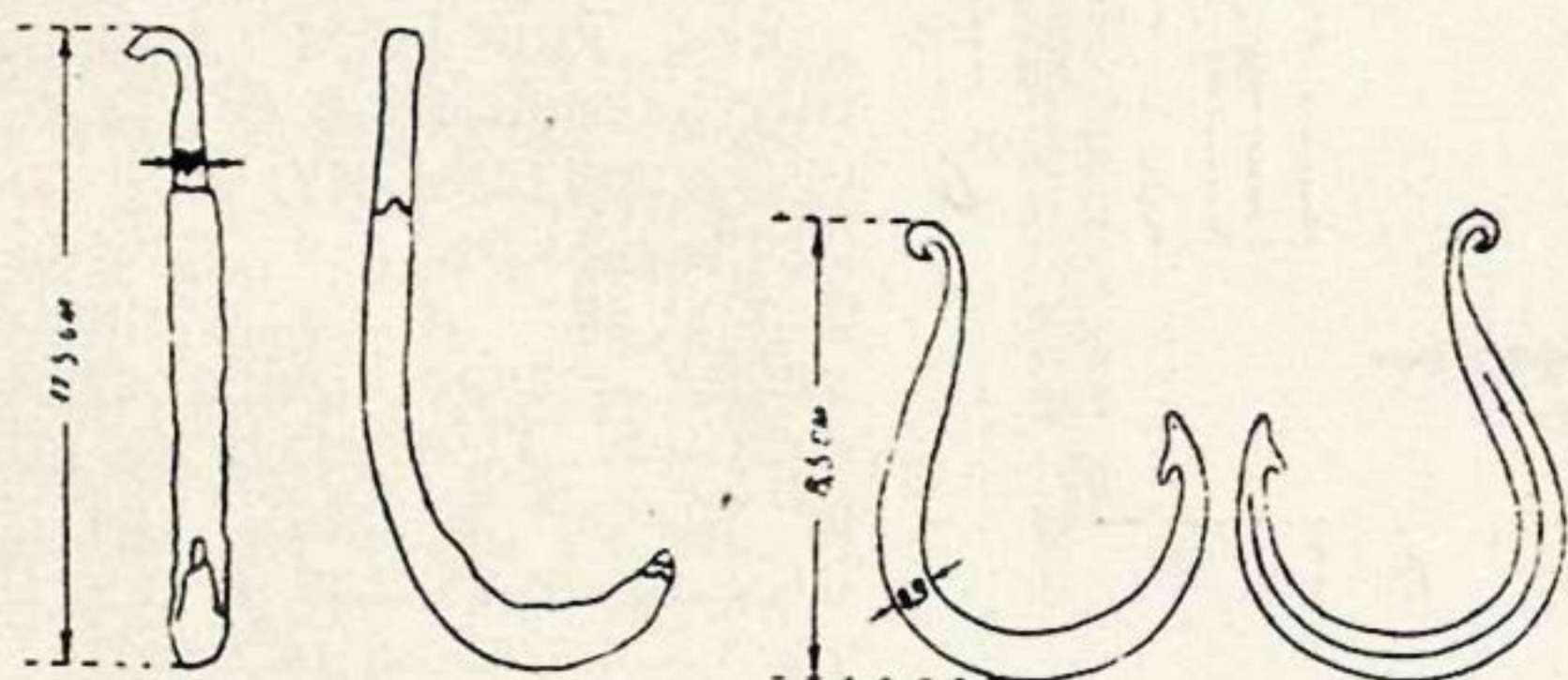

Рис. 1. Бронзовые крючки из Дальверзина.

Несколько больше удалось зарегистрировать за последние годы отдельных находок древних бронзовых предметов конца II, начала I тысячелетия до н. э. Наиболее интересными среди них являются три крупных бронзовых крючка разных размеров и форм, обнаруженных в 1929 году при работах на Дальверзинском канале, примерно в 10 км от головного сооружения. Здесь они были извлечены из аллювиальных галечников с глубины от 3 до 4 м от поверхности и любезно доставлены мне на определение геологом Б. И. Вейц. Два из них очень массивны (длина с изгибом 8,5 и 11,5, в разогнутом виде свыше 17 см), округлого сечения (до 0,7 и 0,9 см толщины); предназначались несомненно для ловли исключительно крупной рыбы, какой могли быть только сырдарьинские сомы. Как известно, они достигают иногда до 200 кг весу и служили во многих местах Средней Азии излюбленным объектом местных рыбаков чуть ли не до последнего времени. Третий крючок, размером в длину с загнутым ушком 8 см, имеет прямоугольное сечение (до 3 мм в средней части). Он предназначался, очевидно, для улова рыбы несколько меньших размеров или для подвешивания над огнем котелков при варке пищи. Вместе с крючками был обнаружен бронзовый кинжал, разломанный при находке на несколько кусков. Из них мне доставлено только два, позволяющие получить лишь неполное представление об его форме¹³. Это был небольшой (около 40 см длины) обоюдоострый

кинжал. Видимо, короткая и узкая рукоять его отбита. Крестовина имеет вид полубантика, опущенного скошенными концами книзу с двумя желобками по одной из поверхностей. Узкий в начале клинок расширяется слегка к середине до 27 мм и заканчивается затем острием. С одной стороны имеется вдоль стержня 4 желобка, начинавшихся, должно быть, на ручке, слегка раздвигающиеся в более широкой части лезвия и сходящиеся ближе к острию. На обратной поверхности по лезвию от ручки пущены два такие же, но более широкие желобка. Кинжал был отлит в одной общей форме с рукоятью. Его возраст можно определять примерно в 3000 лет. Количественный анализ показал наличие в металле: меди 83,62%, олова — 10,23%.

В 1929 году в Кармазарских горах у кишлака Долона студентом-геологом Н. П. Васильковским был найден слегка дугообразный примитивный бронзовый нож более грубой отливки, отличающийся от сибирских типов большей прямизной. В раковистых местах металл этого ножа мелкопузырчат. Односторонний, прямой, гладкий, с уплощенной спинкой и ровными сторонами, он имеет ширину предельно 15 мм, а толщину тыльной своей части 3 мм. „Головка“ ручки кончается двойным скосом. Внутренний край с 7 см утончается (что, повидимому, было вызвано ударами молотка) и, слегка выступая, переходит в постепенно суживающееся лезвие, конец острия которого отломан. При находке нож был перерублен пополам на расстоянии 10,6 см от начала ручки. Длина обеих частей, сложенных вместе, — 21 см. Металл ножа содержит: меди 97,08% олова — 0,24%.

Не менее любопытны находки бронзовых наконечников стрел. Один из них был найден в 1927 году у древнего рудника Кани-Мансур и приспособлен рабочими в качестве шила. В 1934 году я видел у И. А. Анбоева два бронзовых наконечника стрел, найденные техником гидрометеорологического поста в Аблыке Л. М. Барковским на месте развалин старой крепости. Один из них черенковый, другой — втульчатый. Первый плоский, напоминающий костяные наконечники, имеет общую длину 67 мм, сплюсненной формы черенок и копьецо ланцетовидной формы с боковыми желобками. Второй принадлежит к типу двуперых ромбических наконечников с круглой втулкой, имеет в длину 40 мм и может быть датирован VIII—VI вв. до н. э.

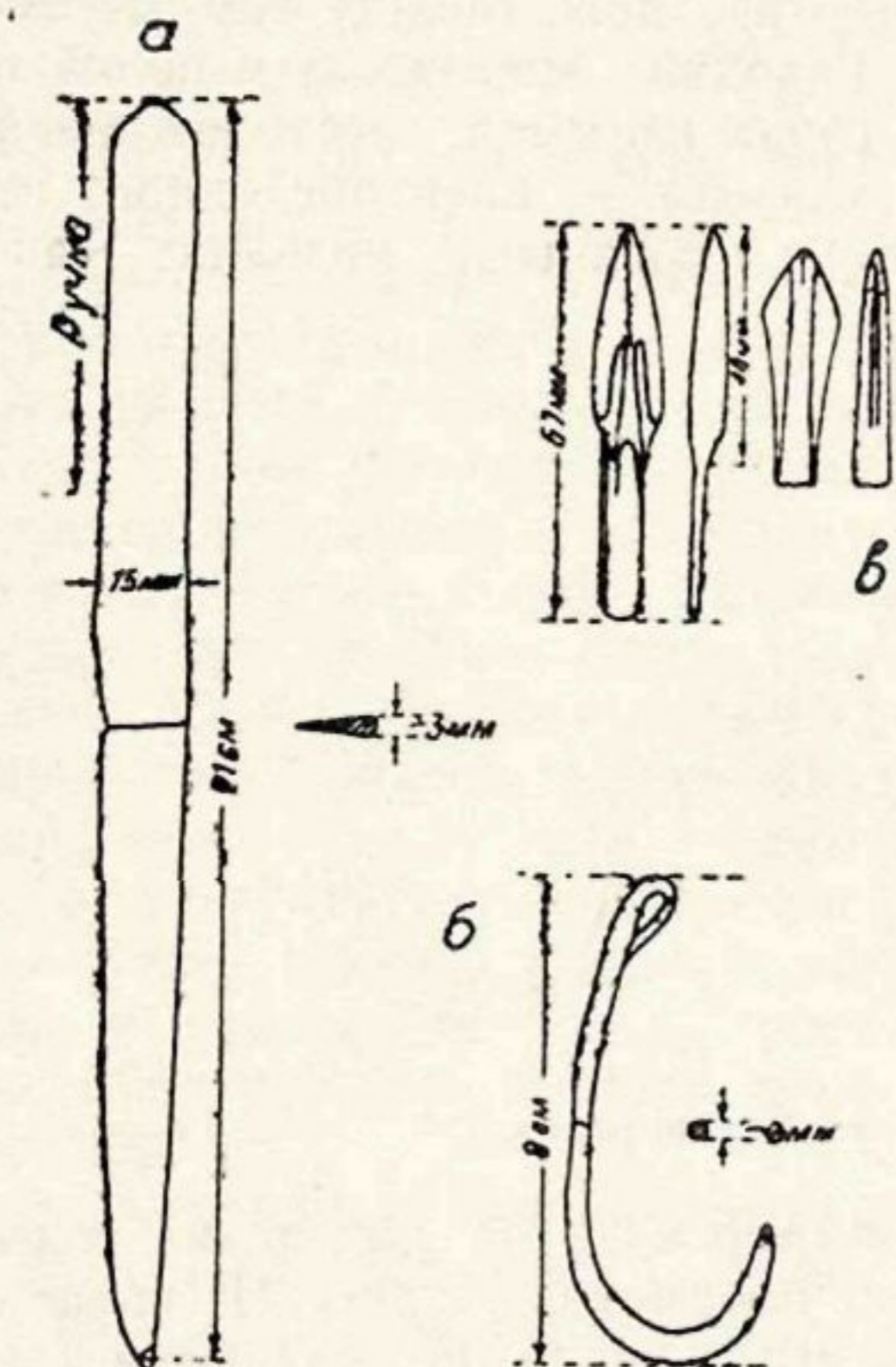

Рис. 2.

а) бронзовый нож из Долона; б) бронзовый крючок из Дальверзина; в) бронзовые наконечники из Аблыка.

Все перечисленные находки представляют не только местный интерес, так как до их обнаружения среди археологических объектов из Узбекистана не было известно ни бронзовых рыболовных крючков, ни бронзовых кинжалов и ножей упомянутых типов, ни описанной формы наконечников стрел. Пока нельзя ответить, являются ли все они предметами местного производства (что для большинства, по моему, очевидно), сделаны ли они из местного или привозного сырья и, наконец, какие из

Все перечисленные находки представляют не только местный интерес, так как до их обнаружения среди археологических объектов из Узбекистана не было известно ни бронзовых рыболовных крючков, ни бронзовых кинжалов и ножей упомянутых типов, ни описанной формы наконечников стрел. Пока нельзя ответить, являются ли все они предметами местного производства (что для большинства, по моему, очевидно), сделаны ли они из местного или привозного сырья и, наконец, какие из

них следует отнести к числу импортных. Помимо химического анализа всех этих бронзовых предметов, в дальнейшем было бы важно провести специальные работы по изучению соответствующих культурных слоев в некоторых пунктах Илака.

В этом отношении заслуживает внимания древний некрополь на правом берегу Сыр-дарьи ниже Ленинабада, где в обложенных каменными плитами могилах, по показанию местных жителей из коренного населения, встречаются между прочим изделия из бронзы в союствии керамических объектов. Только после получения большого и разнообразного комплекса вещей явится возможность более уверенно и уточненно датировать и вышеупомянутые находки. При этом нельзя забывать указаний Геродота, что массагеты в V в. до н. э. за отсутствием якобы в их стране железа, делали копья, стрелы и секиры, а также грудные панцыри для лошадей из меди, и что они „ничего не сеют, питаются домашними животными и рыбою, которую в изобилии доставляет им река Аракс“¹⁴. Позднее писавший Страбон отмечал, что железа у массагетов мало и различал среди них общества, жившие скотоводством, охотой и рыболовством¹⁵.

Родовому обществу, мне кажется, можно приписать совершенно неизвестный до сих пор памятник, впервые осмотренный 29 отрядом и носящий название Ургаз-караташ. Он расположен в горах к югу от Теляу, в 9 км по прямому направлению. Население считает, что Ургаз-караташ был укрепленной резиденцией и оплотом государя Имлака до времени арабского завоевания и что место это соединено со столицей Тункетом подземным ходом, который в середине перегорожен прочными воротами. Бывшая столица Илака расположена отсюда на расстоянии 10 км к северо-западу по прямому направлению.

Развалины Караташа громоздятся на обрывистой столовой вершине левого берега Ургаз-сая, в переводе означающего «сай копаной ямы». Легче всего они доступны со стороны Саукбулак-сая¹⁶. Тропа идет по одному из его правых притоков, затем через горные кишлачки Карабулак и Кайрагач подводит с западной стороны к крутому подъему на Ургаз-караташ. Последний представляет собой резко покатую площадку вершины скалы примерно 210 м в длину и до 100 м в ширину, неправильной формы и более широкую в северной части. С единственной относительно доступной западной стороны площадка, на протяжении свыше 200 м, была обнесена по изломанной линии стеной, повторяющей изгибы рельефа по горизонтали. Она была сложена из необделанных

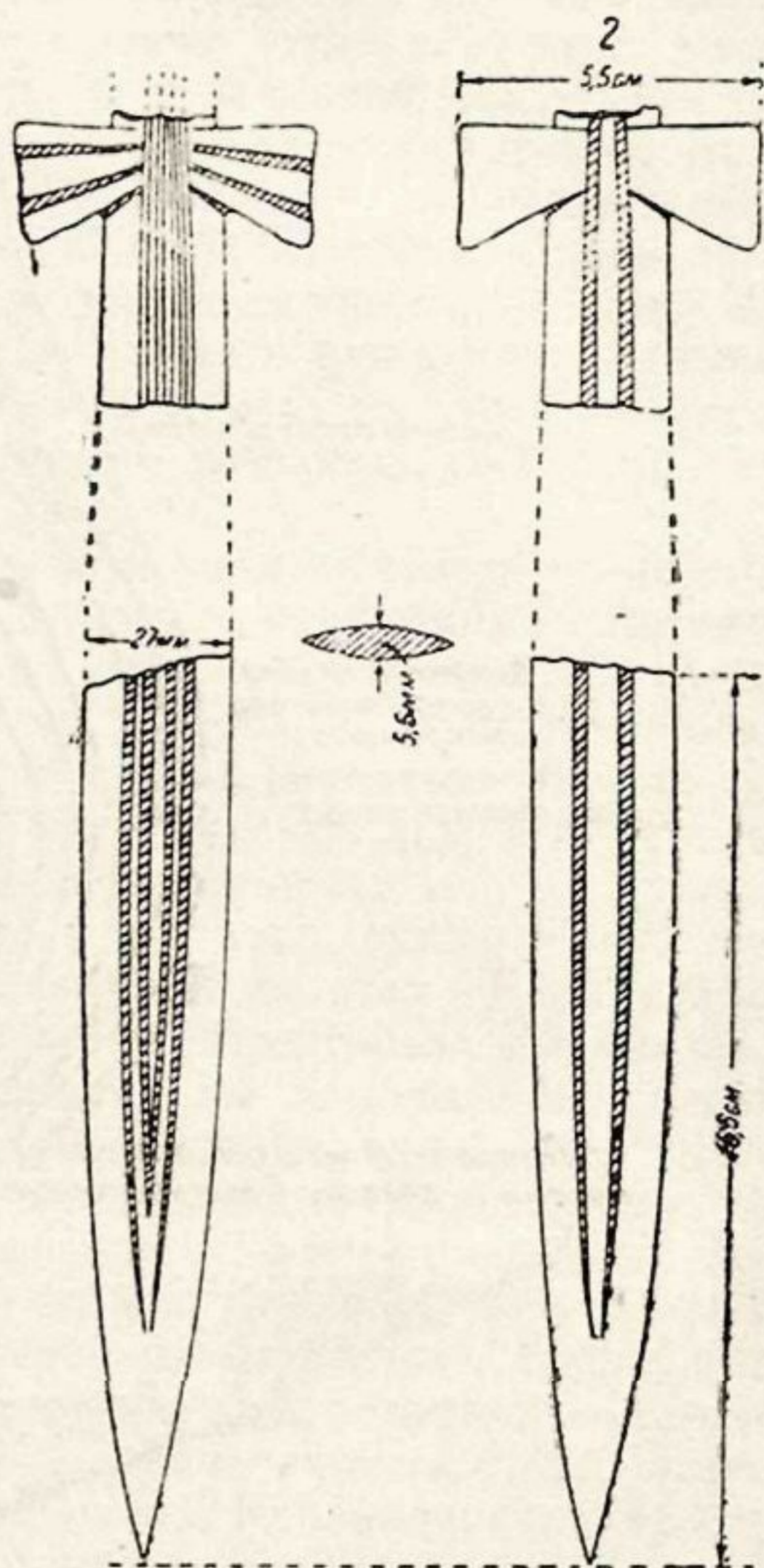

Рис. 3. Бронзовый кинжал из Дальверзина.

кусков известняка разных размеров, без раствора, причем некоторые камни имеют до 1 м в длину и до 400 кг весу. В настоящее время стена пришла в упадок, и россыпь камней из кладки легла вдоль нее целой полосой на довольно крутом западном склоне. В южном конце, где остатки стены сохранились лучше всего, она имеет снаружи около 2 м высоты, а внутри, благодаря скату, около 0,5 м. Ширина ее на этой высоте колеблется от 1,7 до 1,8 м, а ширина кладки в основании, измеренная несколько севернее этого места, доходит до 2,5 м.

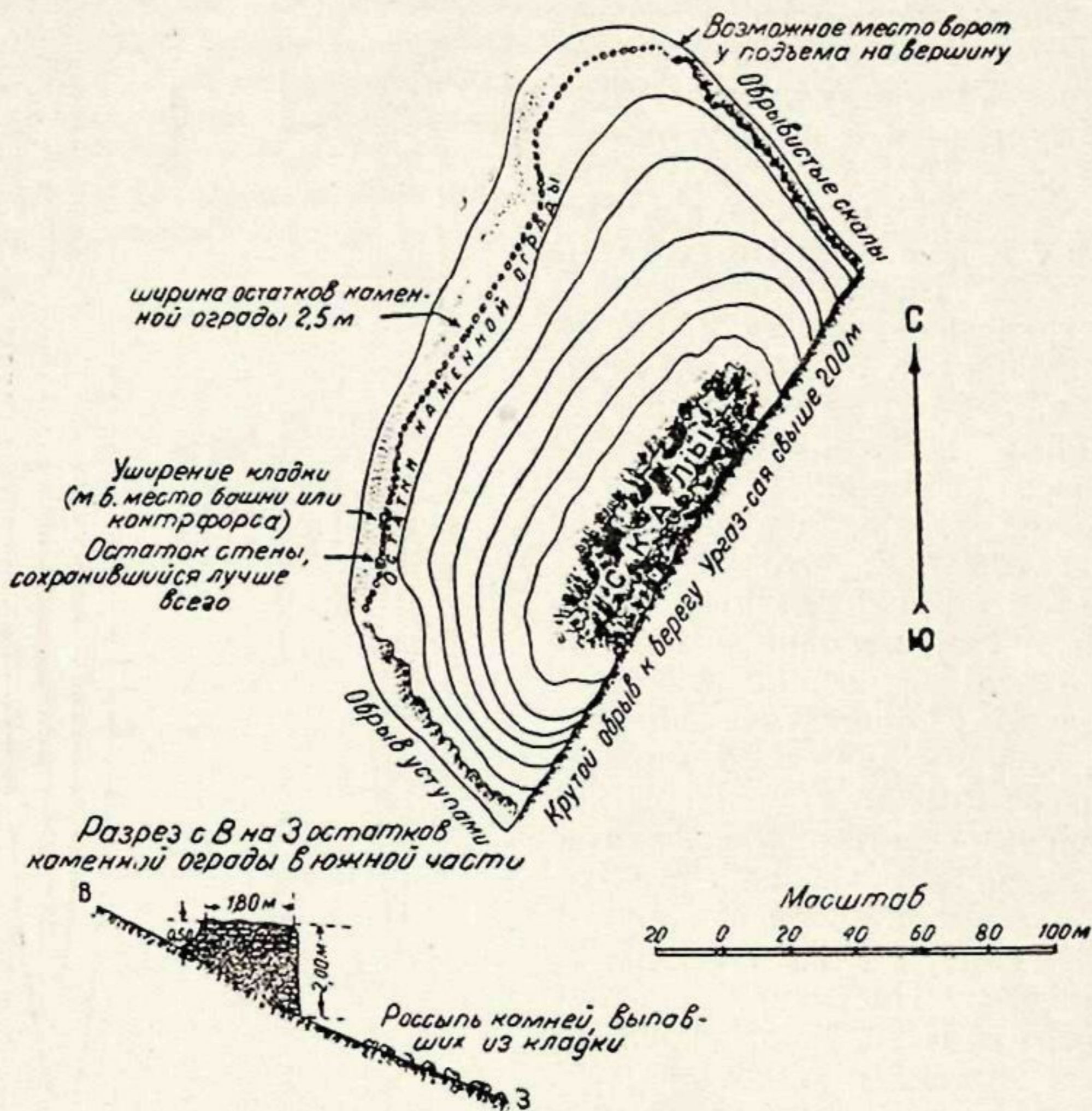

Рис. 4. Укрепление Ургаз-караташ.

Недалеко от южного края стены имеется весьма заметное расширение кладки; может быть, тут был устроен или контрфорс или опорная башня. Возможное место прохода на площадку следует искать в северном конце стены у наиболее удобного подъема на вершину. С трех других сторон площадки прочных стен не возводили, так как в них при наличии крутых, иногда почти отвесных обрывов, не было особой необходимости. При необходимости обороны с северной и южной сторон достаточно было навалить гряды камней по борту для сбрасывания их на смельчаков, решившихся бы карабкаться в этих местах. Восточная же стена, обращенная к Ургаз-саю, с чуть ли не отвесным обрывом в сотни метров, абсолютно неприступна. Вершина отгороженной площадки занята исключительно голыми скалами. В скалах, в нескольких местах имеются узкие и глубокие отверстия, иногда напоминающие работу рук человека.

Ургаз-караташ является прекрасным наблюдательным пунктом. С него видны и восточная и западная части долины, в том числе и раз-

валины Тункета. Обрывистые скалы с трех сторон и крутой западный склон делали это место надежным убежищем и легко обороняемым пунктом в случае нападения соседей или налета кочевников на расположенные в долинах саев поселения земледельцев, на что уже давно не могли не обратить внимание прежние жители Ахангерана.

Ургаз-караташ, мне кажется, является примитивным типом городища, вернее всего военного назначения, быть может одновременно использовавшегося и как обрядовое или жертвенное место, с чем легко связать и упоминавшиеся проточенные в скалах отверстия. До производства археологических раскопок трудно определить датировку этого интересного памятника. Никаких предметов материальной культуры на поверхности городища найти не удалось; только по дороге к нему на тропинке был поднят кусок уплощенной глиняной ручки от большого кувшина, приспособленного для ношения воды на плече. Фрагмент этот можно отнести к последним векам, предшествовавшим арабскому завоеванию, тогда как городище, вероятно, функционировало и значительно раньше. Как уже отмечалось выше, допустимо считать, что его могло создать земледельческое родовое общество по крайней мере II или I тысячелетия до н. э.

В разных местах Карамазарских гор встречаются остатки несомненно очень древних и интересных в научном отношении памятников, именуемых «мык-хана», «муг-хана или «хана-и-муг», то есть жилища мугов или магов. Как и в горах северной Ферганы, местные коренные жители связывали происхождение их с тем населением, которое жило здесь задолго до прихода арабов и в народных представлениях о которых есть много общих черт с представлениями о «чуди» на Урале и в западной Сибири¹⁷. Около десятка таких муг-хана, сравнительно лучше других сохранившихся, было обнаружено при работах Карамазарской геологической партии в 1928 году в северных предгорьях Карамазара, к востоку от урочища Каули, примерно в 1,5 км от кишлачка Таракен, на склонах Мугташ-сая. Как мне было сообщено, они представляют собой сложенные без всякого раствора из крупных необделанных камней известняка однокамерные помещения, прямоугольные в плане (примерно 5 × 6 м) при высоте от 2,5 до 3 м, причем кровли сделаны из того же материала. Отличительную черту их составляют большая толщина стен и очень незначительные размеры единственного входного отверстия — лаза, расположенного на половине высоты стены, напоминающего своим видом скорее окно, чем дверь. Карамазарские муг-хана, еще не отмечавшиеся в литературе, исследованию не подвергались. Судя по внешности, они несколько отличаются от тех каменных «жилищ мугов», которые зарегистрированы уже в прошлом столетии в северной Фергане и в Могол-тау¹⁸. По своему назначению это скорее всего могильные сооружения оседлого населения, датируемые на позднее самого начала н. э.

Кое-где на склонах предгорий и на отдельных тепе нами отмечались следы не то поселений оседлого и полuosедлого населения, не то стойбищ кочевников, что может быть разрешено только путем раскопок. В некоторых местах зольные слои, вырисовывающиеся в случайных обрезах, отличаются большой мощностью и залегают на большой глубине. А в лежащем на территории Шаша бугре Кыр-буран, расположенном на берегу Карасу против впадения в нее Кызыл-сая, обнаружен зольный слой с черепками глиняной посуды и битыми костями животных на глубине 4—5 м от поверхности.

Легче связать с полукочевым-полuosедлым населением многочисленные курганные погребения. Они разбросаны как по долине Ангрена,

так и по Илакским горам. В последних, вместо земляной насыпи, курганы. в огромном большинстве случаев оказываются сложенными из различной величины рваных осколочных камней, что объясняется в основном избытком под рукой этого материала. У местных жителей эти многочисленные каменные курганы, напоминающие издали полурассыпанные кучи штабелей, носят название «муг-таш» или «мык-таш», то есть «камень муга» или «камень-мага»¹⁹.

Горными условиями, очевидно, вызвано и то обстоятельство, что каменные курганы не встречаются крупными скоплениями, а попадаются

или небольшими группами или даже одиноко стоящими. Их можно наблюдать на водоразделах, на перевалах, вдоль горных троп, в чем нельзя не усмотреть практической целесообразности устройства этих могильных сооружений именно в таких местах, где они могли бы служить или дорожными или межевыми знаками и где культ мертвых сочетался бы с практическими интересами живых, помогая опознавать пути и границы кочевий. Последние, кроме того, повидимому, отмечались еще специальными «каменными дорожками», нередко встречающимися в горах и предгорьях, но не сразу бросающимися в глаза, вследствие чего до сих пор о них нет упоминаний в литературе. Они представляют собой ряды утопленных в земле почти вровень с поверхностью камней, положенных в одну или две далеко не пря-

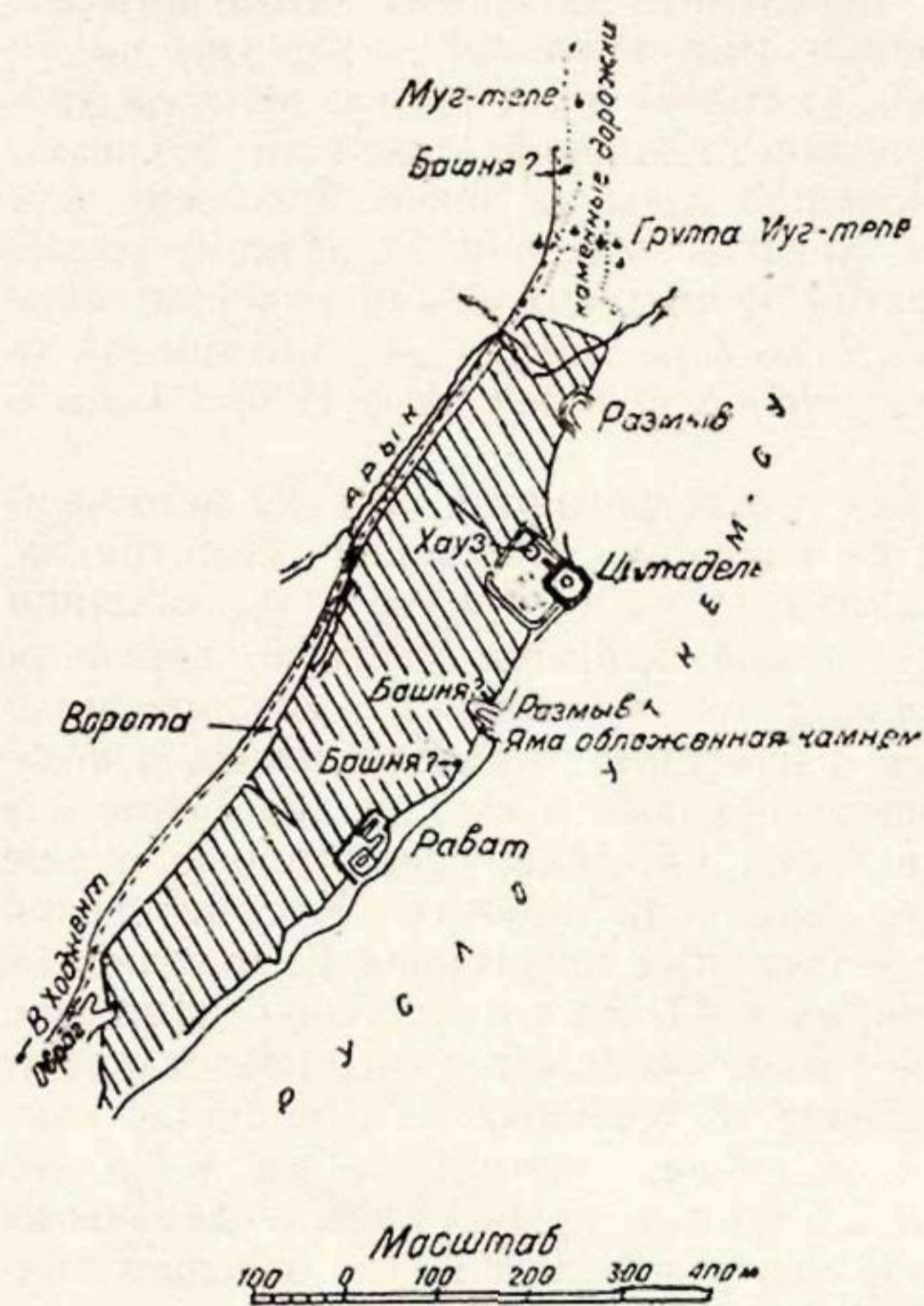

Рис. 5. Рават при замке Мухинан.

мые линии и даже с резкими изгибами и ответвлениями. Такие дорожки тянутся в некоторых случаях на протяжении до 200—300 м и бывают связаны иногда с муг-ташами, как это имеет место, например, на берегу Уткем-су в Кармазарском районе, к северу от упоминаемого в арабских источниках и установленных нами развалин средневекового замка Мухинан. Не подобные ли «дорожки» имеются в виду в сообщении Квинта Курция Руфа о «Пограничной черте отца Либера, отмеченной камнями на частом расстоянии», которую перешла кавалерия Александра Македонского, когда она преследовала скифов на правом берегу Яксарта (Сыр-дарьи), севернее Александрии Эсхаты?

Муг-таши, еще не служившие объектом специального изучения, принадлежат к разным временам и имеют разное устройство. В Илакских горах это, по преимуществу, надземные более или менее правильной формы продолговатые могилы, сложенные из камня без всякого раствора, перекрытые крупными плоскими плитами и обложенные со всех сторон камнями так, что курган приобретал очертания заниженного конуса с широким основанием. На перевале при повороте дороги из Канджола на Табошар мной обмерена могильная камера одного из двух

расположенных там муг-ташей, которая была ориентирована в направлении северо-северо-восток — юго-юго-запад и имела в длину 2,12 м, в ширину у дна около 0,85 м и у края около 0,6 м при высоте от дна до нижней поверхности плиты покрытия 0,95 м. Близ Кан-сая мне пришлось наблюдать сохранившийся лучше других каменный курган, имевший в высоту 1,8 м. Диаметр площади, занятой рассыпавшимися с него камнями, равен 15—16 м². Поскольку муг-таши научно еще не вскрывались, то остаются невыясненными приемы помещения в них трупов и содержимое могильного инвентаря. По случайным и отрывочным наблюдениям, а также на основании опросных сведений, собранных у населения, у меня создалось впечатление, что чаще всего в муг-ташах встречаются грубые глиняные сосуды, изготовленные без гончарного круга.

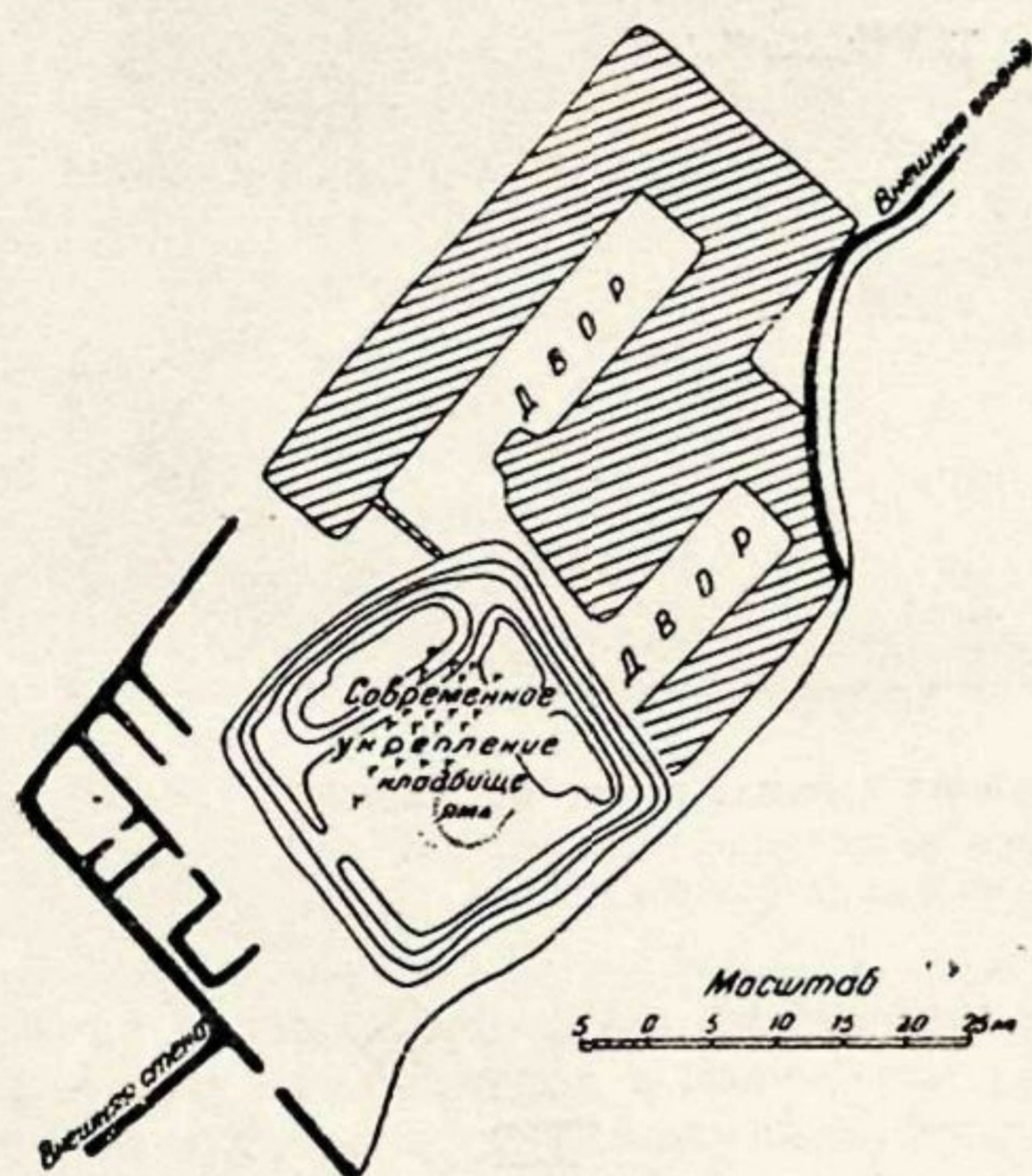

Рис. 6. Замок Мухинан.

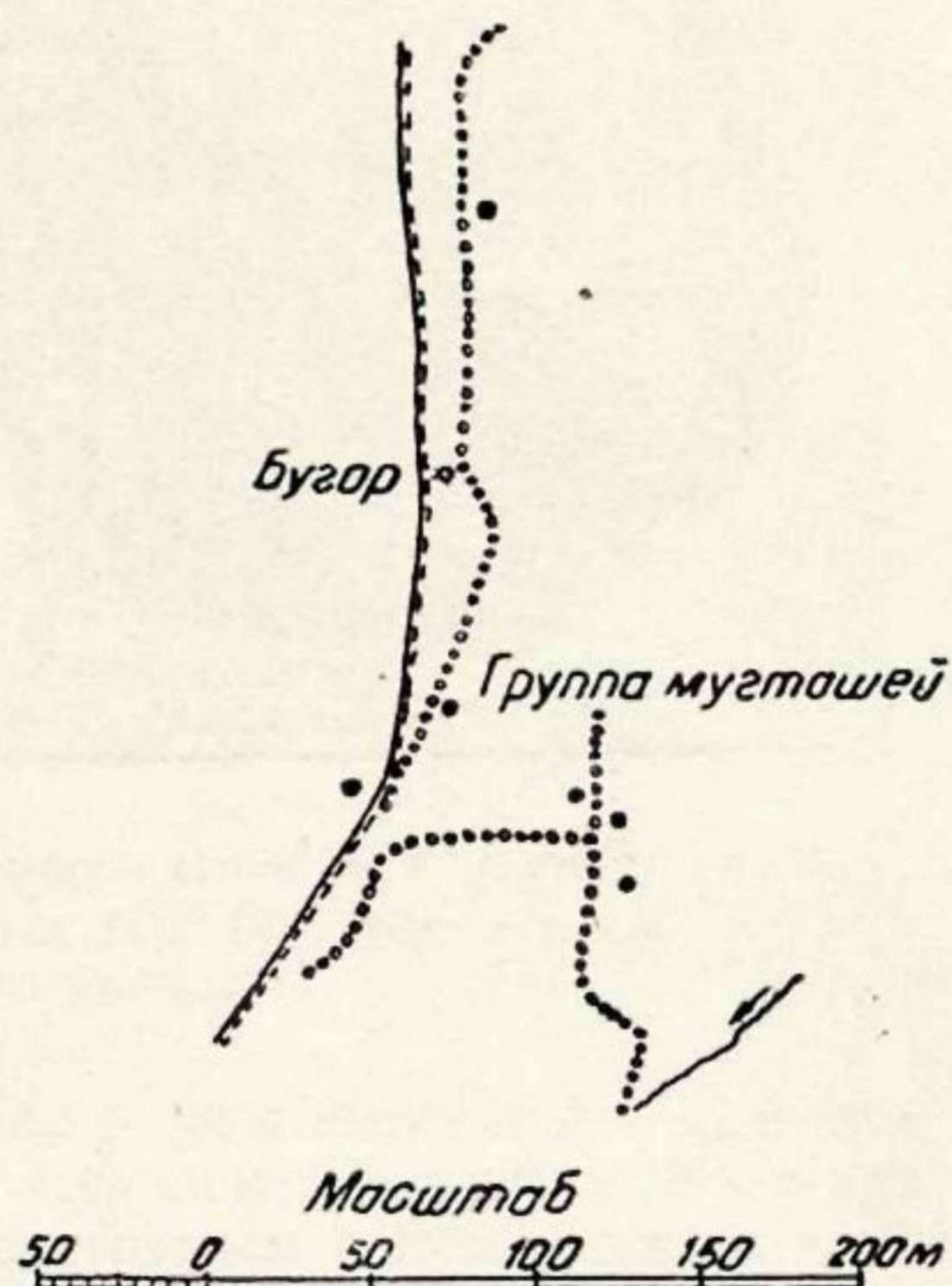

Рис. 7. „Каменные дорожки“ к северу от замка Мухинан.

Среди них бывают кринки, кувшинчики, реже плоские чашки. В одной разграбленной могиле я видел грубый глиняный фрагмент, словно от плошки, употреблявшийся в качестве светильника, со следами копоти, но без признаков носика. В другом оказались куски деревянных чашек. Из металлических изделий изредка встречаются небольшие железные, а отчасти медные или бронзовые предметы. Ручки некоторых глиняных сосудов бывают трактованы как примитивные фигурки баранов с закрученными рогами. Если мои впечатления верны, то значительное количество муг-ташей может иметь возраст около 2000 лет и несколько менее. Почти все они, вследствие легкой доступности могилы, в разные времена опустошены добытчиками. Между прочим, в Кармазарских горах на территории рудничной колонии X—XI вв., известной под названием Джаркамар, среди фрагментов средневековой посуды я встретил несколько кусков от сосудов, явно синхроничных и типичных для муг-ташей, из могильного инвентаря которых они, вероятнее всего, и были извлечены около тысячи лет назад жителями этого поселка горняков. В XIX в. к муг-ташам и всякого такого же рода объектам особое внимание проявляли пастухи отчасти из любопытства, отчасти ради добычи.

Рис. 8. Фрагменты керамики из каразских муг-ташей.

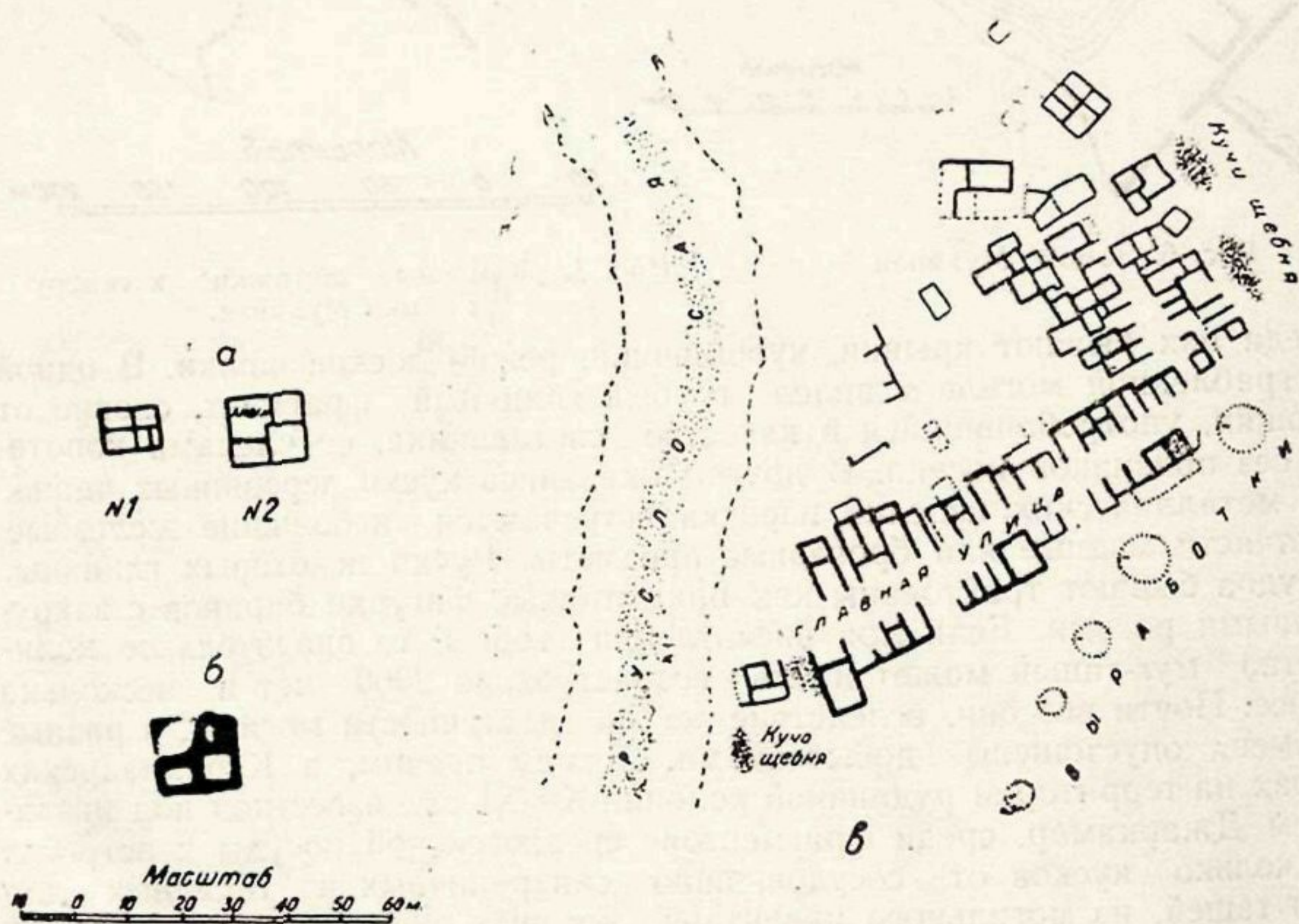

Рис. 9. Селение рудокопов X—XI вв. Джаркамар:
 а—группа крупных зданий в ю.-в. части селения; б—современный вид развалины здания № 2;
 в—схематический план центральной части.

В самой долине Ангерана и на склонах предгорий могильные курганы распространены значительно больше и насчитываются многими тысячами. Одиночные курганы здесь представляют собой сравнительно редкое явление. Зато попадаются небольшие группы в семь курганов, вытянутые цепочкой в каком-нибудь направлении и обозначаемые термином «джетты-тюбе». В некоторых местах можно встретить разреженные группы небольших курганчиков, тянущиеся на большом пространстве, но так далеко отстоящие друг от друга, что взаимная связь их между собой почти не улавливается. Больше бросаются в глаза скопления курганов, именуемые населением термином «минг-тепе», то есть «тысяча бугров»,

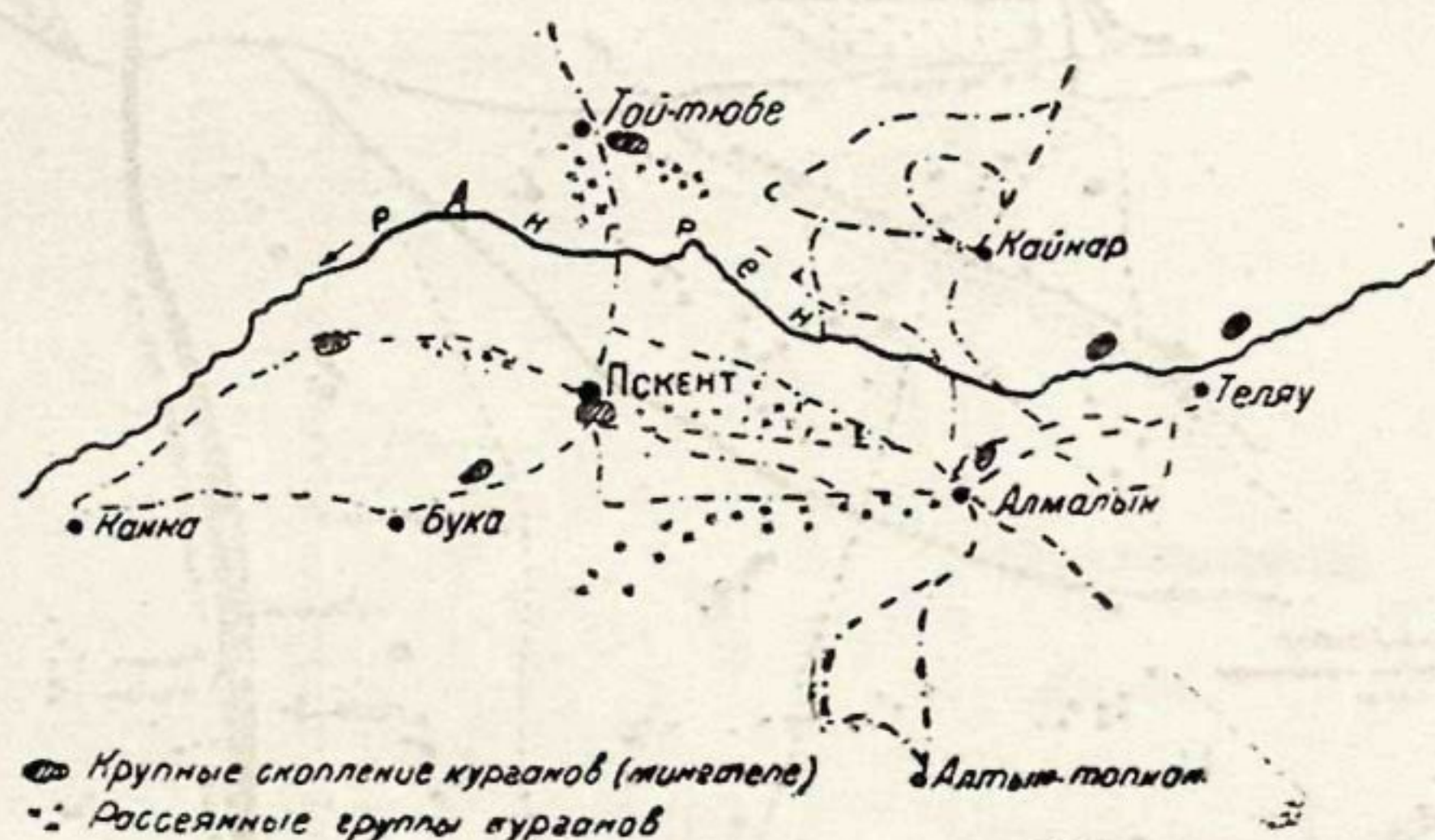

Рис. 10. Схема маршрутов 29 отряда ТПЭ 1934 года с указанием курганных групп минг-тепе.

когда площадь в 1—2 кв. км бывает густо усеяна могильными курганчиками разных размеров в количестве до нескольких сот штук. На территории средней части Ахангерана мы насчитываем сейчас 7 таких крупных курганных скоплений. К ним относятся: той-тюбинское, начиная с района кирпичных заводов, в 1,5 км от этого селения; пскентское минг-тепе, занимающее обширную площадь лёссовой платформы отчасти к югу, а, главным образом, к востоку от Пскента, на которой имеются места густых скоплений курганчиков, чередующихся с более разреженными; алмкентское к юго-западу от одноименного селения; минг-тепе в 4,5 км от Буки на дороге Бука—Пскент; накпайское на водоразделе между Алмалык-саем и Накпаем, главным образом, вдоль левого берега последнего; карактайское к северо-западу от одноименного кишлака и акчайское — восточнее селения Акча.

Хронологически эти курганы датируются промежутком времени, измеряемым тысячелетиями. В некоторых из них находились якобы такие предметы из бронзы, как широкие наконечники копий с уплощенным черенком или ножи андроновского типа, а также колечки из медной проволоки. Из числа научно обследованных курганных погребений самыми древними пока являются, повидимому, те два типа захоронений, которые были установлены мной в 1928 году в Той-тюбинской группе «минг-тепе» на правом берегу большого каньона арыка Ислахат.

Курган первого типа (курган № 2) имел насыпь высотой в 1,25 м и диаметр основания — 13 м. С южной стороны его был вскрыт узкий дромос (0,75 м), прослеженный на протяжении несколько более 2,5 м;

пол его находился всего на глубине 1,9 м от уровня бывшей поверхности. Отсюда сводчатый ход (высотой в 0,75 м при ширине 0,70 м) вел в поперечно расположенную по отношению к дромосу сводчатую, вырытую в земле камеру такого же мелкого заложения с обмазанным известью полом длиной около 2,30 м, шириной 1,20 м и вышиной несколько более 1 м. В ней оказались погребенными в разное время пять покойников.

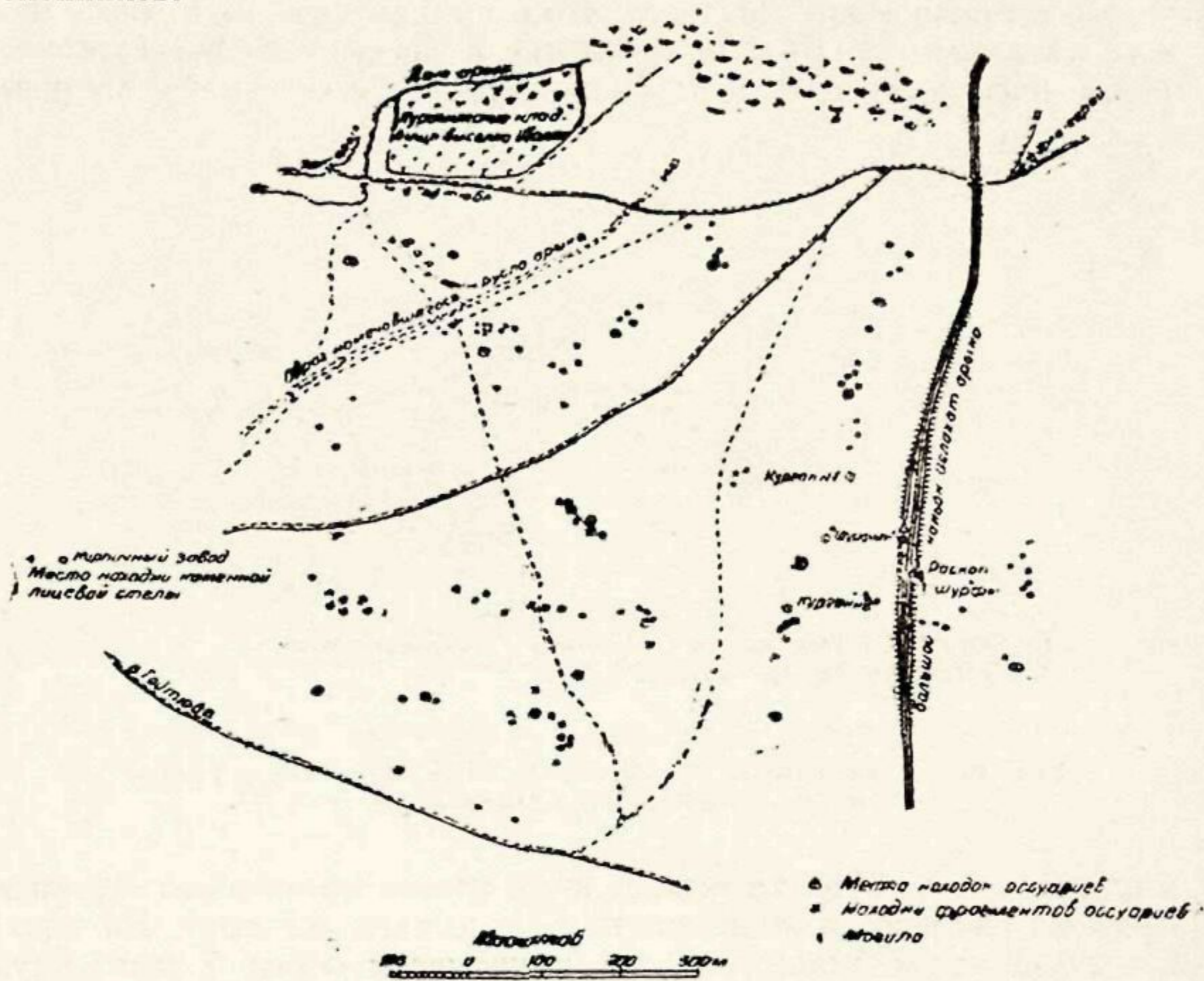

Рис. 11. Группа курганов к востоку от с. Той-тюбе у большого каньона Ислахат-арыка.

Первичному погребению соответствовал скелет мужчины средних лет с пробитым правым виском, лежавший в направлении, примерно, с юго-востока-востока на северо-западо-запад, головою на восток. Выше головы, у правого виска, был поставлен глиняный сосуд с ручкой в виде собаки или барана (без рогов) с перепревшими остатками какой-то пищи, а рядом оказался кусок перержавевшего мелкого железного предмета. Ниже левого плеча находился пустой кувшин, возможно наполненный когда-то жидкостью. Наконец, у колена правой ноги стояли глиняная чашка с мелко нарубленными ребрами барана, а также крышка с перепревшими зёрнами пшеницы. Все предметы глиняной утвари сделаны без гончарного круга и принадлежат к археологическому инвентарю, широко распространенному на территории Чирчик—Ангренского района и отчасти Ферганы и относящемуся ко времени около начала н. э.

Вторым по очереди погребением явилось захоронение ребенка, труп которого был положен у самого входа в дромос. Оба костяка были нарушены, повидимому, одновременным погребением двух взрослых покойников, для помещения которых еще не совсем распавшийся скелет первого был сдвинут в сторону. Положение костей трех скелетов взрослых мужчин намекает на то, что покойники клались в скорченном со-

стоянии. Более длительное время спустя под курганом был погребен в той же камере пятый, взрослый, покойник, труп которого был водворен через специально выкопанную небольшую впускную яму ($1 \times 1 \text{ м}^2$), пришедшуюся несколько под углом у западной короткой стороны могилы и заложенную затем комьями глины (гуваляк). Этот пятый мужской скелет был уложен прямо на скелеты двух своих непосредственных предшественников. При расчистке впускной ямы обнаружено два фрагмента от казана из огнеупорного состава глины. Этому типу погребений, хорошо известному по Приташкентскому району (в частности на так называемых «Никифоровских землях»), принадлежит, по моим наблю-

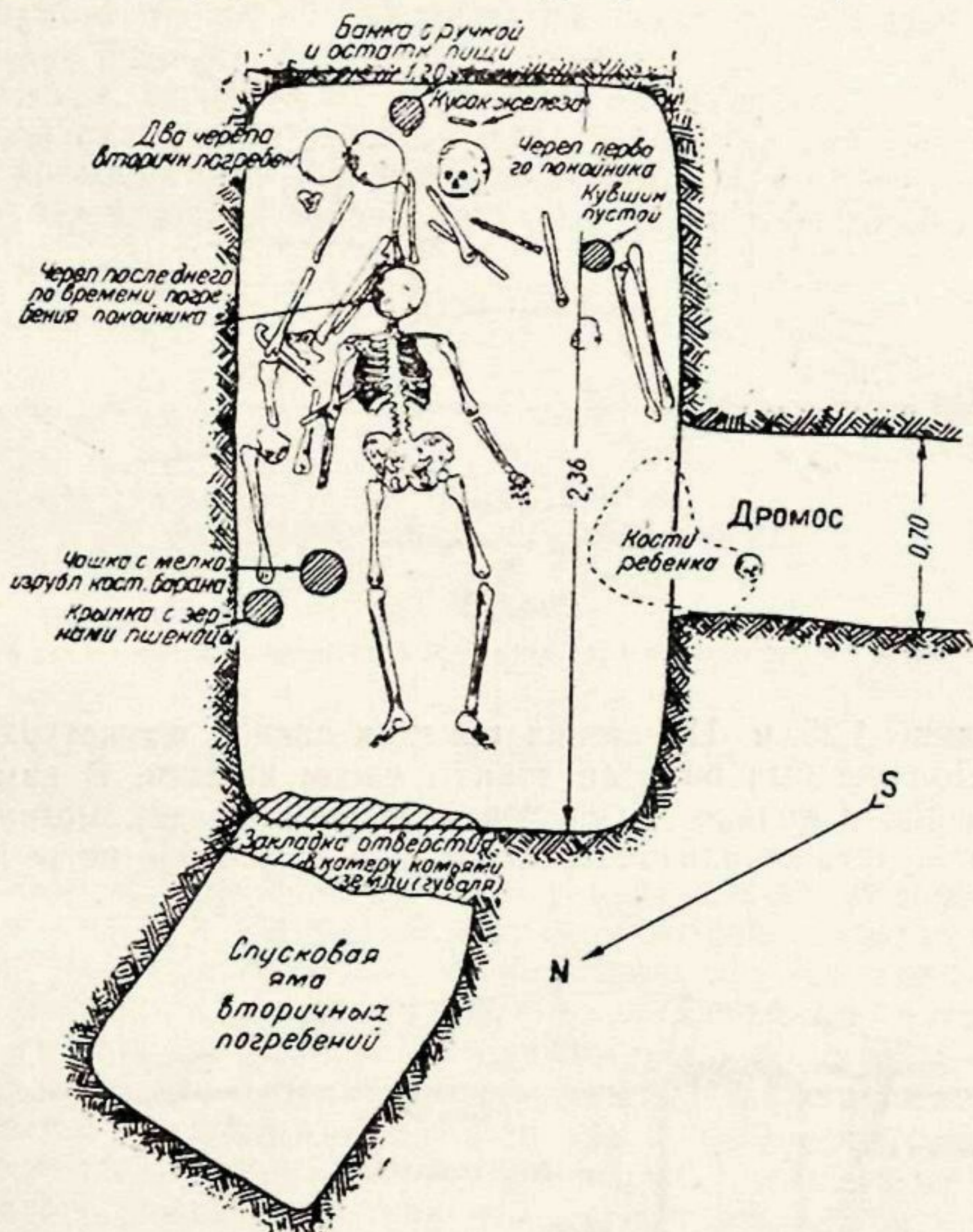

Рис. 12. Могильная камера кургана № 2 близ Той-тюбе в момент вскрытия.

дениям, немалое число ангренинских курганов. Между прочим, в 1929 году я видел сосуд, изготовленный без гончарного станка из белой глины (гильбута), имевший ручку в виде примитивной фигурки барана с завитыми рогами. Сосуд был найден в одном из курганных погребений левого берега Ангрена у кишлака Хурдан, против Кенджигалы.

В той же Тойтубинской группе минг-тепе, неподалеку от описанного кургана, мной был вскрыт курган больших размеров (№ 1) и установлен другой, неизвестный до того, тип древнего погребения. Его курганная насыпь в момент начала раскопок была высотой 2,00 м при наибольшем диаметре 18 м. Дно могильной камеры, или «ляхада», было заложено на глубине несколько более 4 м от первоначальной поверх-

ности земли. Попадали в нее через устроенную южнее большую впускную яму или айван около 2,5 м длины и несколько менее 2 м ширины, которая, слегка суживаясь книзу и не доходя до полу 0,62 м, имела с трех сторон правильно разделанный ступенчатый уступ шириною 30—35 см. Ступени не было только со стороны самой могильной камеры. Ляхад представлял собой выдолбленное в лёссе сводчатое продолговатое помещение длиной 2,6 м, шириной несколько более 1,5 м, при вы-

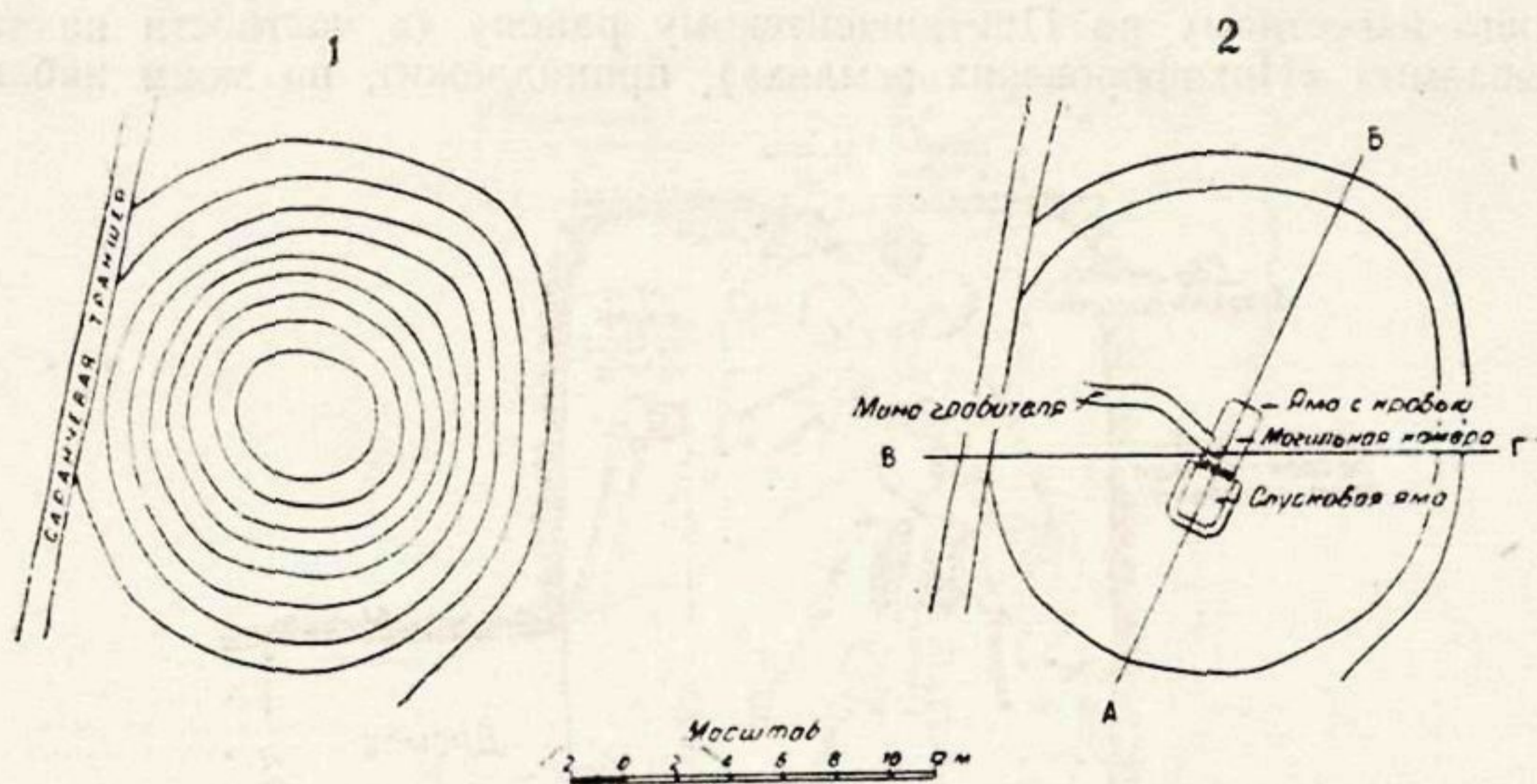

Рис. 13.

1) план кургана № 1 в горизонталях через каждые 25 см; 2) план раскопанного кургана № 1.

оте в середине 1,25 м. На стенах никаких следов штукатурки не обнаружено. Пол же был обмазан тонким слоем извести. В камере оказался положенным только один покойник, но так как могила была ограблена, получить детальное представление о способе погребения было невозможно.

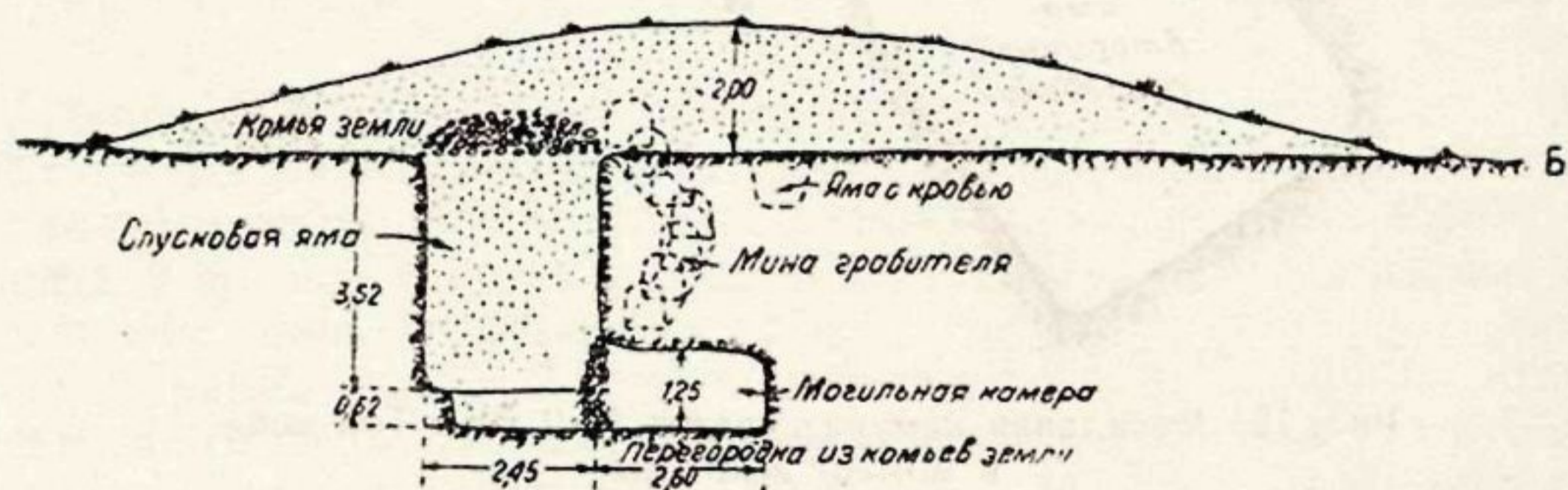

Рис. 14. Разрез кургана № 1 с юго-запада на северо-восток по линии АБ.

Судя по скоплениям разбросанных, разломанных и растоптанных при ограблении костей скелета, у которого отсутствовал череп и сохранилась только нижняя челюсть, покойник был положен головой на север или точнее, в зависимости от плана ляхада, с небольшим отклонением на север-северо-восток. Среди остатков могильного инвентаря оказалось несколько кусков большого, прямого, двустороннего меча и куски короткого, прямого, двустороннего кинжала с перекрестием из двух поперечных пластинок и ручкой, составляющей одно целое с клинком и кончающейся парными завитками, типа обращенных внутрь ба-

ранних рогов. По расположению кусков кинжала видно, что он должен был приходиться в свое время у правого бедра покойника. Из предметов вооружения в ногах погребения найдено было несколько разбросанных и частью спаявшихся трехперых железных черенковых наконечников стрел двух типов. Они были насажены, повидимому, на еловые древки, так как в могиле оказалось несколько кусков истлевших палочек тьяншанской ели (*Picea Schrenkiana*). Как известно, об употреблении ели для стрел скифами, живущими к северу от реки Яксарт, упоминал еще Страбон (I в. до н. э.).

Кроме того, на полу камеры оказались разбросанными еще несколько кусков от сильно разрушенных мелких железных предметов (может быть, пряжек, бляшек, несомкнутых колец и т. п.), маленькая медная шляпка, вероятно, от украшения ремня и небольшая баночка из огнеупорной глины с двумя дырочками и следами охвата огнем. После того, как покойник был положен в ляхад, вход в него из спусковой ямы заложили перегородкой из комьев глины (гуваляк), которые в момент

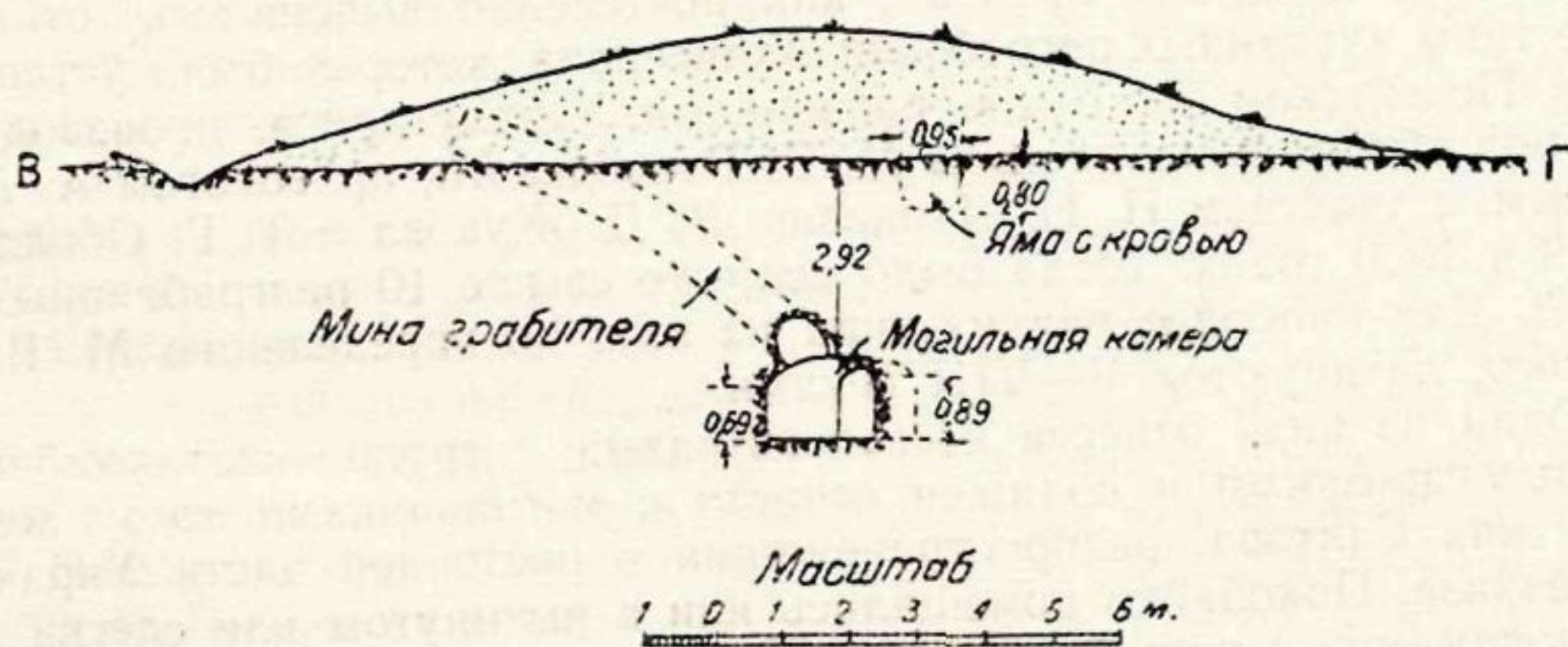

Рис. 15. Разрез кургана № 1 с запада на восток по линии ВГ.

раскопа были во влажном состоянии, а некоторые из них отличались буроватым цветом и структурой, сильно измененной деятельностью червей и каких-то личинок насекомых. Очевидно, эти комья перед употреблением в дело были смочены в каком-то органическом растворе, обладающем свойствами делать их привлекательной средой для червей. Такой же измененный последними буроватый слой оказался и на дне ямы, вырытой на поверхности земли над северо-восточным углом могильной камеры и имевшей 0,8 м глубины и 0,95 м в верхнем диаметре. Мне думается, можно допустить, что в яму спускали кровь резавшихся над могилой жертвенных животных, и в этой крови смачивались ради магических целей некоторые комья, употребленные на перегородку камеры. Сама впускная яма была засыпана в уровень с поверхностью рыхлой землей, а сверху перекрыта твердыми серыми гуваляками с прослойкой земли. После того куча из комьев земли и жертвенная яма были погребены под курганной насыпью.

Ограбление кургана было произведено с помощью специального узкого минного хода, пробитого опытным лицом. Начатый у подножья кургана с западной стороны, ход велся им сперва с запада на восток, с постепенным понижением, а затем на половине глубины был повернут на юго-восток и пришелся как раз над кровлей ляхада. В завале его хода оказались оброненные предметы: половина каменной зернотерки, кусок железного меча и фрагмент глиняного сосуда. Ограбление, произведенное с целью кладоискательства, произошло много времени спу-

стя после погребения, когда скелет уже распался, кости стали хрупкими и разламывались при прикосновении, а железные предметы сильно разрушились и легко ломались на куски. Часть последних грабитель с прочей добычей захватил с собой, но по дороге обронил упомянутый один кусок меча. Повидимому, проникновение его в могильную камеру произошло очень давно, о чем ясно говорит очерченное при раскопе пятно отверстия грабительского входа. Заложенный в свое время на склоне кургана у поверхности земли, он четко наметился при археологическом исследовании с большим отступом от современной подошвы кургана и, следовательно, был начат тогда, когда сильно оплывшая ныне могильная насыпь сохраняла свою более близкую к первоначальной конусообразную форму. По примерным расчетам, диаметр кургана к моменту ограбления был на 5—6 м меньше современного, а высота по крайней мере на 1,5 м больше. Судя по инвентарю и особенно по характерным предметам вооружения, погребение это можно датировать второй четвертью I тысячелетия н. э. и приписывать его военачальнику или вождю какого-то полукочевого народа.

К более позднему времени, как постепенно выяснилось, относятся все те типы курганных погребений Ахангерана, которые были установлены на Пскентском минг-тепе раскопками Узкомстариса, производившимися под общим руководством М. В. Воеводского, археологом А. А. Потаповым, с участием И. Н. Луцкевич, В. Д. Жукова и Т. Г. Оболдуевой в 1929 и 1930 годах. Тогда было вскрыто свыше 10 разграбленных курганов²¹. Два наиболее ранних типа из них, по определению М. В. Воеводского, датируются V—VIII веками.

Один из них отнесен исследователями к группе «катакомбных» с длинным дромосом и сближен отчасти с могильниками того же времени типа Салтова, распространенными в восточной части Украины и на Кавказе. Покойники помещались или в вытянутом или слегка согнутом положении с востока на запад, головой на восток. В одной камере были обнаружены костяки нескольких особей. Среди погребального инвентаря имелись бронзовые зеркала (одно с китайской надписью), мелкие предметы из железа, украшения от костюма, керамика.

Второй тип курганных погребений имел надземные склепы. Остатки одного из них, незаконченного исследованием 1930 года, осматривались 29 отрядом ТПЭ. Они находятся к западу от дороги Бука—Пскент, недалеко от подъема на Пскентское плато. Уцелевшие части слегка покатых стен склепа, двухметровой толщины, выведенных из четырех и пяти рядов пахсы на поверхности земли, по наружному плану имеют круглое очертание около 6 м в диаметре. С южной стороны внутрь склепа, слегка выдаваясь наружу, отходит узкий коридор, заканчивающийся почти квадратным помещением площадью около 4 кв. м. С внутренней стороны, на высоте двух рядов пахсы, стены начинают переходить в коробовый свод, выведенный из положенных наискось сырцовых кирпичей (размером $28 \times ? \times 9$ см); от свода сохранилось только три ряда. Был ли этот склеп после совершения в нем погребения засыпан сверху землей наподобие кургана или своим современным видом как бы небольшого, но не раздавшегося по сторонам курганчика, он обязан был оплыву сильно разрушившегося сооружения — мне, как не присутствовавшему в момент раскопок, решить очень трудно. По словам В. Д. Жукова, бывшего непосредственным исполнителем раскопок курганов в 1930 году, подлинного пола склепа при расчистке может быть и не установили, так как глубже исследовавшегося уровня находится рыхлая земля и кости. Из предметов тут были обнаружены, между прочим, пряслице и косметическая палочка, дающая при при-

основании черную окраску и, возможно, употреблявшаяся для подведения бровей. Снаружи, под надземным склепом, с юго-западной стороны, установлено наличие дромоса до 3 метров глубиной, принадлежащего, очевидно, более раннему погребению. Рядом же расположен нетронутый бугор с крутыми боками, видимо, того же типа, что и раскапывавшийся надземный склеп. От двух других исследовавшихся здесь курганов остались только незасыпанные ямы. Для окончательного решения вопроса, не является ли описанный вид позднейшего погребения «мнимокурганным» и не относится ли он к усыпальницам примитивного башенного типа мавзолеев, следует произвести раскопку упомянутого соседнего бугра, а заодно довести до конца вскрытие первого.

Третий установленный тип погребений Пскентского минг-тепе, точно датированный анонимными монетами джагатаидского чекана конца XIII — самого начала XIV-вв., представлен захоронениями в выдолбленных из дерева гробах-колодах, помещавшихся в узких ямах, над которыми уже и насыпались курганы. Под одним из них были вскрыты две такие обособленные, вытянутые с севера на юг, ямы с мужским и женским погребениями, обращенными головами на север. Около мужского погребения оказались, между прочим, остатки колчана, когда-то покрытого вырезанными из кости пластинками, серебряная чашка, а в ногах остатки седла. В могиле с женским скелетом, кроме седла, лежали зеркало, коробочка, бусы и другие мелкие предметы. Всего в погребениях оказалось шесть джагатаидского чекана монет, три из которых, были целые, а три поломанные. В других случайно обнаруживавшихся в Ахангеране монгольских могилах встречались, как мне известно, вещи из нефрита в виде пряжек, амулетов, колец и мелких предметов утвари, которые в прежнее время часто попадали на антикварный ташкентский рынок. Наконец, следует упомянуть, что на пскентском минг-тепе исследователи 1930 года под двумя курганами не обнаружили никаких погребений.

С курганными погребениями связан открытый в Ахангеране намгильный лицевой памятник, близкий к той категории, которая именуется «каменными бабами» и обычно отождествляется с «каменными балбалами». Наличие последних в северных частях Средней Азии засвидетельствовано очень давно. Уже в 1800 году горные инженеры Поспелов и Бурнашев на пути в Ташкент отметили, что в степи, на могильном кургане, «в одном месте на двух поставленных в землю больших гранитных камнях видны иссечения», хотя и грубые, но довольно явственно изображавшие фигуры мужчины и женщины²².

Тем не менее, в специальной литературе, принято считать, что первые каменные бабы были открыты здесь в 1870 году²³. В пределы зафиксированного их распространения не входил Чирчик-Ангренский район, равно как и области к югу от гор Тяньшанской системы, хотя, по непроверенным показаниям, изваянные из камня фигуры людей якобы имеются в районе Оша, Самарканда и в Сурхандарьинской области. Вот почему полученные нами в 1929 году в Той-тюбе от местных жителей сведения, что вблизи их селения была как-то найдена каменная статуя, явились известной неожиданностью. Путем опроса удалось установить, что в 1918 году при разnose одного кургана ради земли для нужд кирпичного завода на вершине бугра, с небольшой глубины, был извлечен расколотый пополам крупных размеров камень с изображением человека. Владелец завода велел перевезти оба куска в кишлак и употребил их на перекрытие моста через арык против ворот свсего дома, который при нас занимал волостной исполком. С разрешения и при содействии последнего плиты нами были откопаны и доставлены в Таш-

кентский музей. Посещение самого места находки этого памятника показало, что он находится к востоку от кишлака, вблизи начала урочища Минг-тепе, в ста шагах от бывшего кирпичного завода. Хотя курганная насыпь снесена почти целиком, но подземная могильная камера при этом осталась совершенно не потревоженной и в дальнейшем может быть подвергнута исследованию.

В открытом памятнике все оказалось необычным по сравнению с

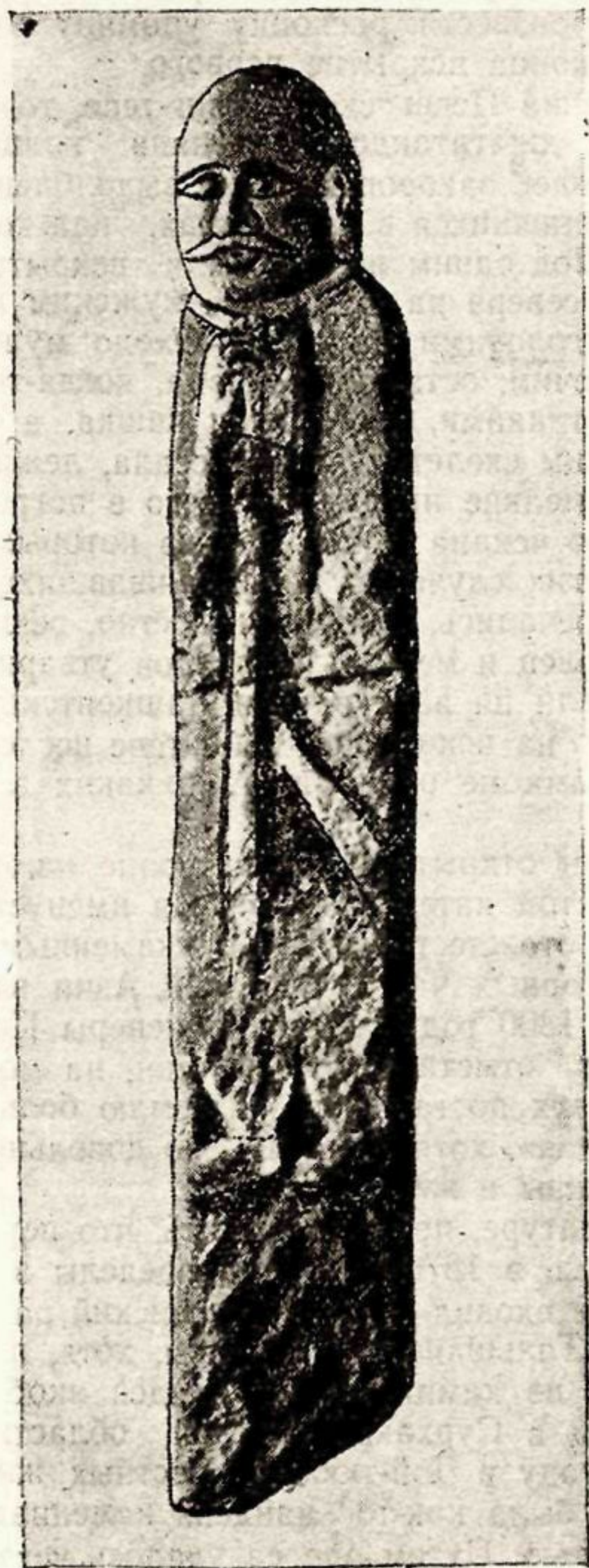

Рис. 16. Каменный лицевой памятник из Той-тюбе.

известными среднеазиатскими «каменными бабами». По форме своей камень представляет крупных размеров длинную (несколько более 3 м), узкую (до 0,5 м) и относительно тонкую (около 20 см) плиту, обработанную в виде плоской стелы со скульптурным завершением абриса головы в верхнем конце. Все поверхности плиты стесаны более или менее ровно. На лицевой стороне, занимая более $\frac{3}{4}$ поверхности по высоте, во всю ширину стелы уплощенным барельефом грубо и несколько условно высечена стоящая влево фигура мужчины с непропорционально крупными размерами повернутой в $\frac{3}{4}$ головы и показанными в профиль маленькими ступнями ног. Лицо без всяких признаков монголоидности характеризуется высоким лбом, как будто не прикрытым головным убором, крупным возвышенным носом почти малоазиатского типа, прямо посаженными миндалевидными глазами. Борода отсутствует, но имеются небольшие, слегка опущенные вниз усы. В единственно видимом левом ухе висит тяжелая серьга, а на шее одето массивное ожерелье, может быть типа гривны. Обе руки согнуты в локтях, приподняты слегка вверх и не то держат палку, не то опираются на посох. Вдоль левого плеча приходится кем-то высеченная широкая борозда, что затрудняет теперь правильное восприятие положения левой руки. Одежду составляют, повидимому, узкий кафтан с узкими же рукавами и штаны, засунутые в короткие и мягкие чарыки. Несколько ниже талии видны следы какого-то как

бы висящего на поясе или заткнутого за него прямого, короткого и наискось изображенного предмета, слегка расширяющегося книзу на подобие бутылеобразной гимнастической палки и совершенно не похожего на кинжал.

Этот исключительно интересный и уникальный памятник в древности преднамеренно был разбит на два куска. Весь облик фигуры говорит за то, что здесь изображен не вождь полукочевого племени, при котором можно ожидать наличия оружия, а жрец или шаман с посохом. Если признавать в тойтубинской стеле тюркского балбала, то его следовало бы считать наиболее древним из всех известных в Средней Азии намогильных памятников этого рода и, может быть, связать с теми тюрками, которые в VI веке разгромили государство эфталитов. Вместе с тем, поскольку тойтубинская находка выходит из ряда обычных «каменных баб» и имеет, по сравнению с ними, многие своеобразные черты, допустимо и иное толкование и более раннее ее происхождение. Намек на то, что у кочевников Средней Азии существовал и до тюрков обычай ставить статуи на могилах вождей, имеется в переданной греками легенде (Диодор Сицилийский, Ктесий). В ней говорится, что саки, в память своей правительницы Зарины, воздвигли огромную (по одним данным — трехстороннюю, а по другим — четырехгранную) пирамиду, якобы имевшую в стороне основания по 3 стадия (около 470 м), с колоссальной золотой статуей царицы²⁴. Учитывая вполне естественное для легенды преувеличение размеров, легко предположить, что под этим памятником следует понимать крупных размеров курган, увенчанный статуей или стелой, может быть даже позолоченной. Поскольку тойтубинская каменная лицевая стела найдена была в свое время на кургане того же типа, что и вскрывавшийся мной курган на территории этого минг-тепе, вероятно, ее следует относить к памятникам второй четверти первого тысячелетия н. э. Такая датировка статуи отчасти подкрепляется наличием у нее тяжелой мужской серьги в ухе, что наблюдается, между прочим, у лиц, изображенных на некоторых среднеазиатских монетах IV—V вв. н. э.

Синхроничных перечисленным курганным погребениям памятников и следов деятельности оседлого населения до VIII в. н. э. в Илаке имеется немало, как это частично отражено в маршрутных описаниях 29 отряда. К ним относятся, между прочим, городища и некоторые тепе, являющиеся остатками укрепленных селений, городов и усадеб-замков. Культурные слои в последних характеризуются наличием керамики, окрашенной красной охрой, и иногда красного лощения, а в кладках массивных стен часто можно встретить, наряду с пахсой, сырцовые продолговатые кирпичи крупного размера от 40 до 60 см в длину при толщине 8 см. Наиболее ранние медные монеты из числа местных находок в Ахангеране зарегистрированы мной по Дальверзинскому кладу в количестве 15 экземпляров и по одному экземпляру с городища Канка. Последний кружок, полученный от жителей кишлака на этом городище и найденный им на цитадели, слегка вогнут, несколько угловат, около 1 мм толщины, имеет 18 и 19 мм в диаметрах. На Av изображена голова царя в диадеме влево с падающими вниз кудрями. Нос несколько возвышенный; глаз скошенный; небольшие узкие и прямые усы; слегка выдающийся бритый подбородок. На Rv — витиеватая тамага, по сторонам которой следы легенды одной из разновидностей согдийского монетного алфавита.

Описание клада из Дальверзина, найденного осенью 1930 года близ Узун-кулдука, мной приведено было в одной из предшествующих работ²⁵. Я отношу всю эту группу монет к местному кангюйскому чекану III — начала IV вв. н. э. Эта датировка косвенно подтверждается наличием идентичной тамги на хранящемся в Эрмитаже серебряном сасанидском блюде с изображением Варахрана I (273 — 276) в образе индо-скифского царя верхом на лошади, поражающего мечом кабана²⁶.

Надо думать, что блюдо было изготовлено в то время, когда Варахран I, будучи наследником иранского престола до 273 года, являлся с титулом кушаншаха правителем северной Хорасанской провинции, к которой относились земли левобережного Тохаристана в районе Балха. Очевидно, тогда же, или несколько позже, по тому или иному поводу (при вручении подарка, захвате добычи и т. п.) могла появиться на нем

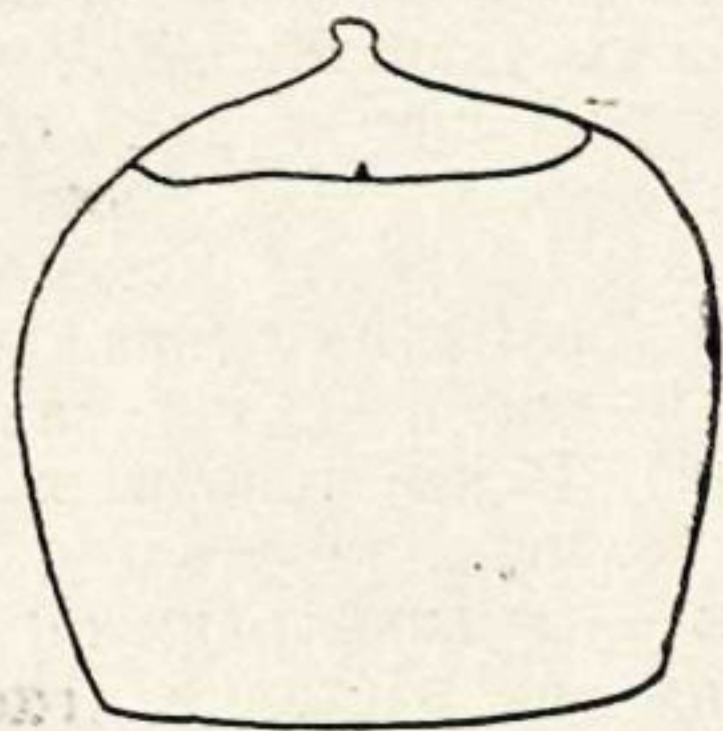

Рис. 17. Оссуарий из долины Ангрена, поступивший в Музей ТКЛА в 1904 г.

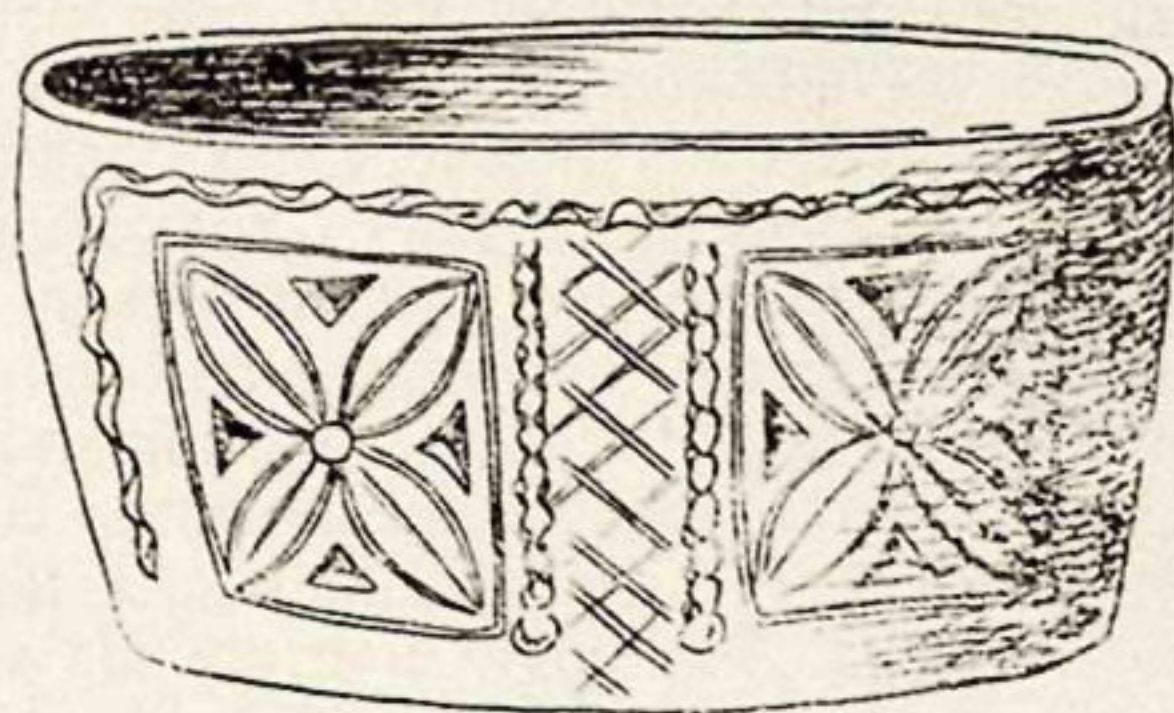
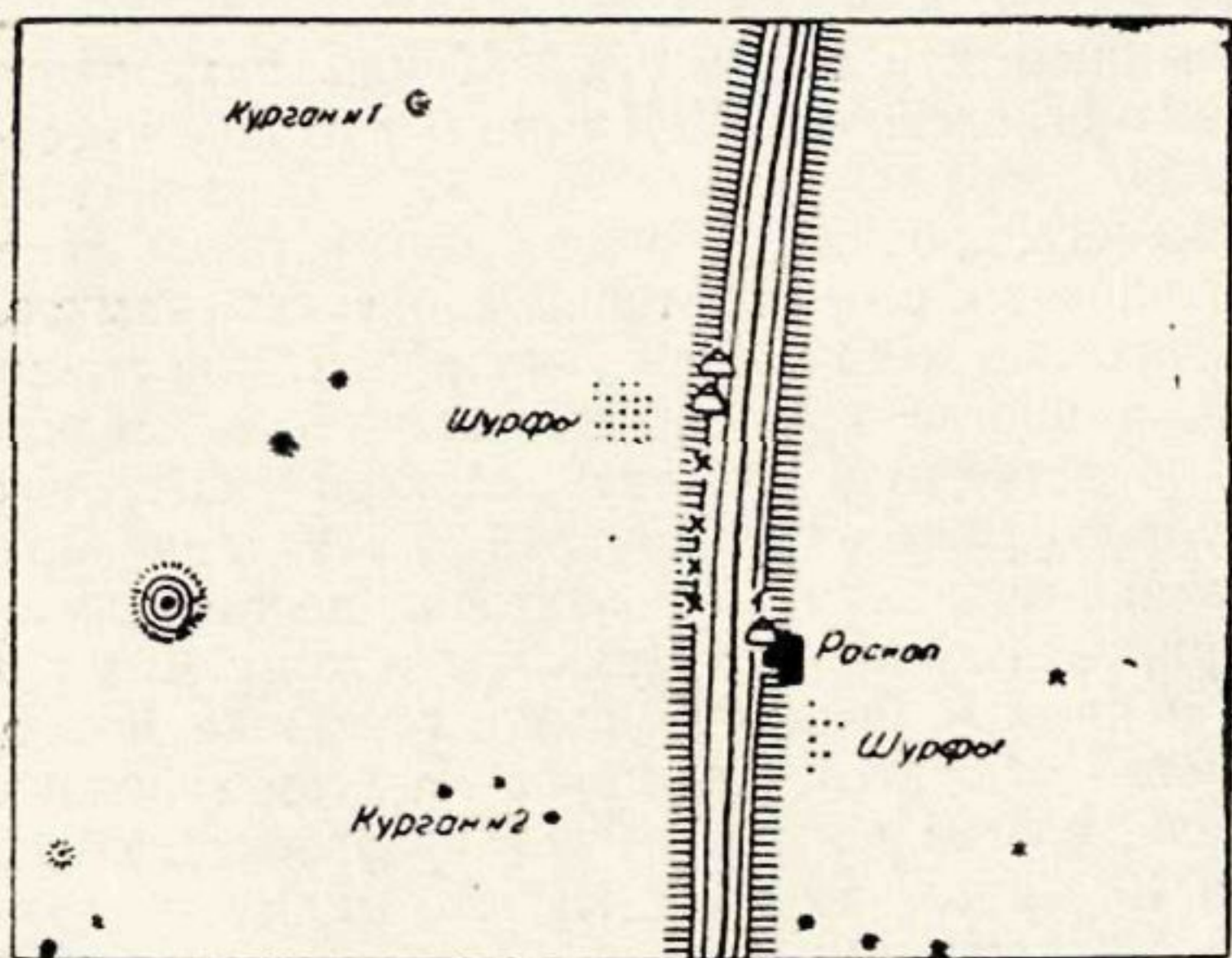

Рис. 18. Оссуарий из долины Ангрена, поступивший в Музей ТКЛА в 1904 г.

тамга правителя земель по другую сторону Аму-дарьи. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что разновидности подобной тамги встречаются и на той группе якобы «турушкинских» монет, которые, как установлено мной, на основании учета их находок с дореволюционного времени, принадлежат чекану древнего Хорезма²⁷. Поскольку в

долине Чирчика мной зарегистрированы находки более ранних монет с I в. н. э.²⁸, не исключена возможность, что таковые будут со временем обнаружены и в Ахангеране.

Интересную группу археологических памятников долины Ангрена последних веков перед арабским завоеванием составляют глиняные гробики—оссуарии, являющиеся специфическим аксессуаром погребений, совершенных

△ Места находок оссуариев × Находки фрагментов оссуариев и Могила

Рис. 19. План мест находок оссуариев у большого каньона Ислахат-арыка в 1928 г.

по одной из местных разновидностей маздеистического ритуала, который остается пока окончательно не выясненным. Первыми и единственно известными до сих пор в литературе оссуариями из Ахангерана надо считать те два глиняных гробика-костехранилища, которые найдены были там казахами и которые в ноябре 1904 года пожертвовал музею ТКЛА член кружка Мирза Абдулла Иса Мухаммедов²⁹. К сожалению, место находки их точно не установлено.

Как мне известно по устному сообщению Ю. А. Скворцова, в 1911—1912 годах в Ахангеране, вблизи места впадения Сары-су в Ангрэн, был найден овальной формы оссуарий с разбитой пополам крышкой. Лицевая сторона гробика была покрыта орнаментом в виде веток елочки. Среди прочих частей скелета сохранились череп человека и кости женского таза. Оссуарий позднее был передан А. Е. Скворцовым в Ташкентский музей, где долгое время считался объектом без всяких данных о своем происхождении.

Более важным в научном отношении надо признать случайное обнаружение в 1928 году предварительно изучавшегося мной кладбища у большого каньона Ислахат-арыка в 1,5 км восточнее современного селения Той-тюбе. Из него было получено тогда 11 целых оссуариев.

овальной формы, несколько разнообразных крышек, довольно много фрагментов от разбитых гробиков, а также кусков погребальных хумов — корчаг. Большинство той-тюбинских оссуариев покрыто прорезным орнаментом и наклепными фестонами с лицевой стороны. Крышки некоторых из них увенчаны небольшими примитивными человеческими головами (то бородатыми, то безбородыми и птицеподобными) или фигуркой летящей птицы. Несколько гробиков имеют сквозные отверстия в лицевой стенке. На узкой боковой стороне одного из оссуариев сделано по сырой глине овальное отверстие, причем вырезанный кусок служит для него как бы заслонкой, плотно входящей на свое место.

На двух других гробиках это отверстие для пропуска света внутрь костехранилища намечено глубокой прорезью в виде прямоугольника. Исключительно маленькая крышка от недошедшего до нас оссуария своими размерами наталкивает на мысль, что она принадлежала гробику, изготовленному специально для детского погребения. Это вполне вероятно, поскольку содержимое костного материала, пересыпанного в других оссуариях рыхлой землей, показывает, что в них были погребены не только взрослые лица, но и дети. Пробитый череп в одном из гробиков свидетельствует о насильственной смерти одного из покойников. Гробики помещались без всякой взаимной ориентации или по странам света, по несколько штук (от двух и более) в отдельных подземных камерах — ляхадах, куда попадали через впускной проход в разное время. Иногда при новых погребениях оссуарии перемещались на полу ляхада, а проход каждый раз засыпался вновь. Самый характер захоронения той-тюбинских оссуариев обособленными группами, которые, кроме того, объединяют гробики одного типа, дает возможность выска-

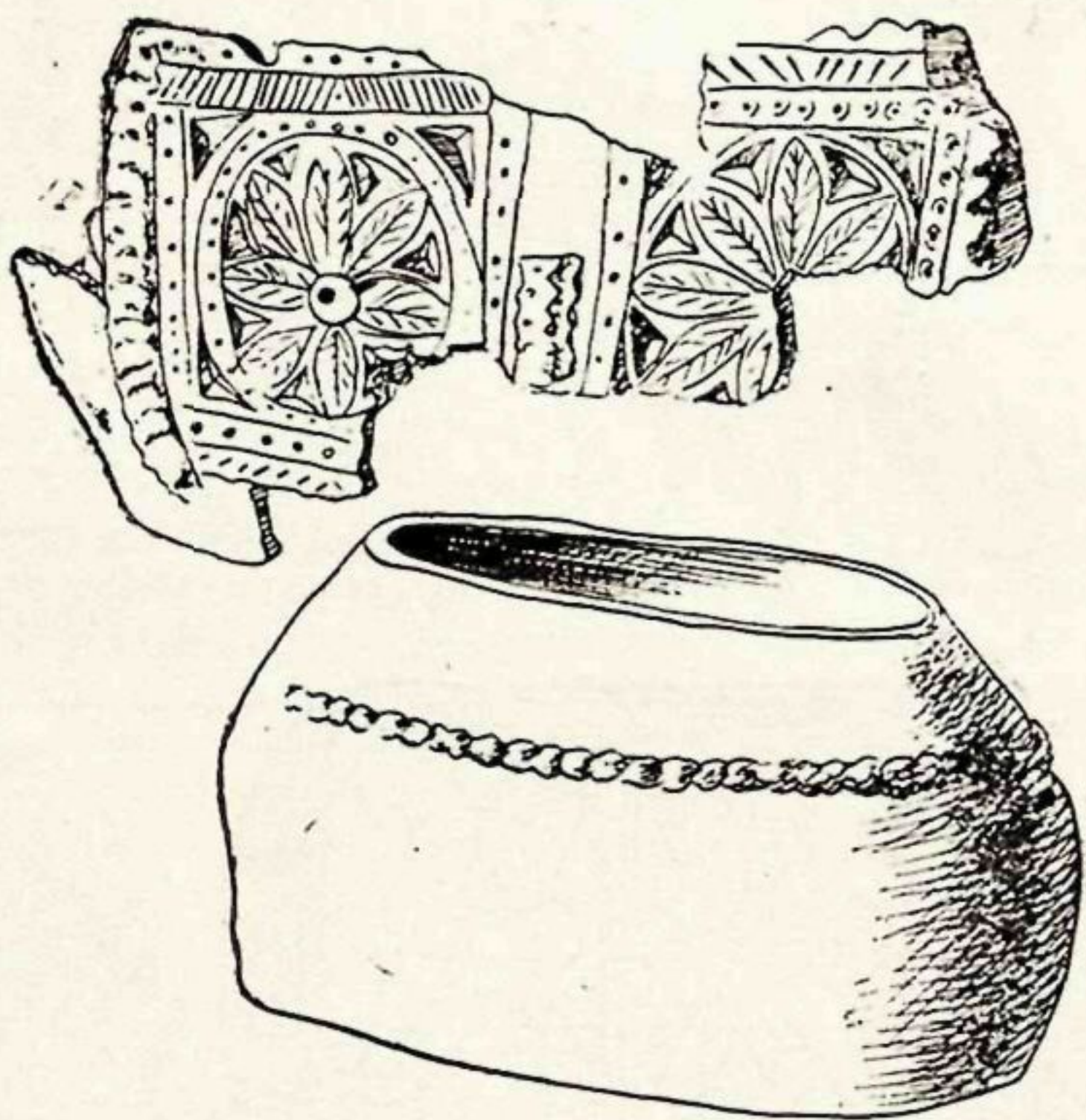

Рис. 20. Оссуарии из Той-тюбе. 1928.

зять предположение, что местное кладбище служило в VI—VII вв. некрополем для отдельных дворяно-дехканских семей. Но являлись ли последние жителями древнего Нукета (Той-тюбе) или имели местопребывание в своих соседних усадьбах, установить пока не удалось³⁰. Насколько можно судить на основании нашего предварительного изучения Тойтюбинского кладбища, при последующих работах на его территории можно было ожидать новых находок оссуариев, которые должны будут уточнить сделанные в 1928 году наблюдения³¹.

29 отряду ТПЭ удалось; сверх того, установить новый пункт распространения оссуариев в долине Ангрена благодаря находке В. Д. Жуковым на Кыркджанги-тепе, вблизи городища Канка, богато орнаментированного фрагмента от лицевой стенки глиняного оссуария овальной формы.

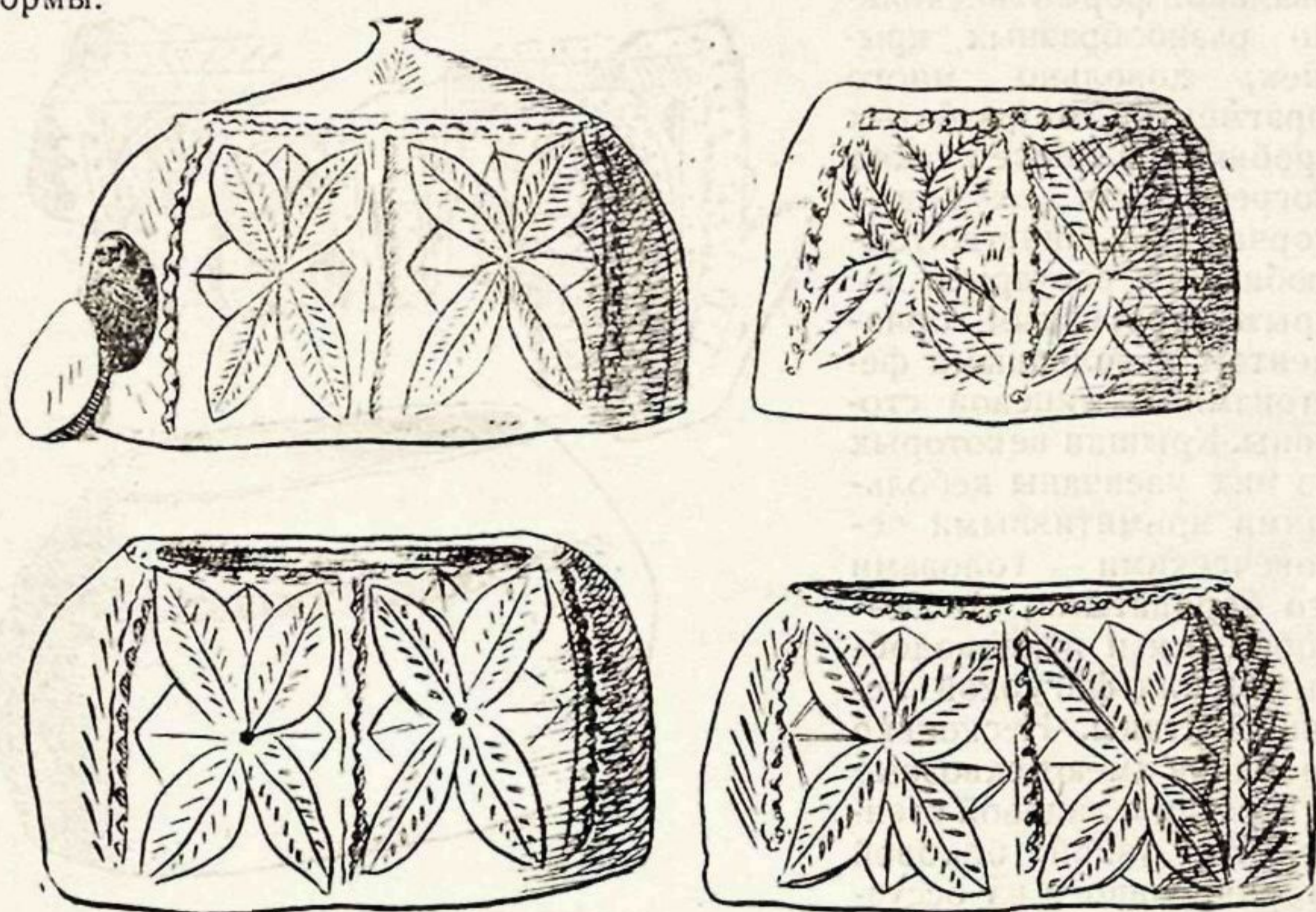

Рис. 21. Оссуарии из Той-тюбе. 1923 г.

В Ангренском и прилежащем Карамазарском районах встречаются кое-где также примитивные контурно-плоскостные наскальные рисунки, среди которых имеются, между прочим, изображения диких козлов. На группу их, обнаруженную, примерно, в 6 км от кишлака Акча, на дороге в Аблык, указал мне А. Г. Усов, обративший на них внимание еще в 1919 году. Точная регистрация мест находок наскальных рисунков и их изучение как в этом районе, так и вообще на территории Узбекистана — одна из очередных частных задач местной археологии³². При этом, с точки зрения возможного установления абсолютной датировки во времени, особый интерес представляют те изображения, которые отмечены были мной в 1929 году в ущелье Чарык-дарон или Тюя-богзы гор Моголтау, на восточной стороне дороги из Кансая в Ленинабад. Там на скале высечены надписи по-таджикски и по-арабски, две из которых точно датированы. Одна из них имеет тарих, заключающийся в словах *درهفت جد* («в семь стараний») и соответствует 696 г. х. или 1296/7 г. н. э. Вторая датируется 587 г. х., т. е. 1191 г. н. э. Это одна из древнейших надписей в Средней Азии на таджикском языке (см. М. Е. Массон.

(144), стр. 74). Из рисунков на скалах ущелья Чарык-дарон заслуживает упоминания сцена охоты, в которой пеший стрелок с луком и с собакой преследует бегущего влево марала. Судя по интенсивности пу-

Рис. 22. Оссуарии из Той-тюбе. 1923 г.

стынного загара, рисунок этот моложе надписи. Древнее его следует признать расположенное выше схематическое изображение козла, туловище и ноги которого переданы прямыми линиями.

Такого же типа изображение козла отмечено 29 отрядом по Кызата-саю.

О других зарегистрированных археологических памятниках до VIII века н. э. упоминается в разделе маршрутных описаний.

III. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИЛАК ПО ДАННЫМ АВТОРОВ X в.

Как и во многих других случаях, письменные известия средневековой литературы об Ахангеране для X века значительно подробнее, чем для всех предыдущих и последующих эпох, вплоть до XIX века. Однако и они довольно отрывочны, скудны, часто неопределенны, а в передаче собственных имен, географических терминов и в части определения местонахождения тех или иных пунктов сильно искажены. Этим в значительной степени объясняется ряд неудач при попытках разрешения как общих, так и отдельных вопросов по исторической топографии Илака на основании только письменных источников без привлечения данных археологического порядка³³.

Авторы X века в разных выражениях свидетельствуют, что Шаш и Илак в географическом отношении две тесно слитых области и что они **служат** продолжением друг друга, занимая, по Истахри, пространство площадью в 2 или 3 дня пути. По словам Ибн Хаукаля, Илак и Шаш даже были почти равны по размерам территорий. Однако в экономическом отношении Шаш играл преобладающую роль, и Илак считался как бы его подобластью. Это можно усмотреть хотя бы в наименовании главного серебро-свинцового рудника в Илакских горах или всего их горнорудного района «Мааден аш Шаш («рудник Шаша»), в указании, что столица Илака—Тункет—принадлежит к городам Шаша и т. д. Вместе с тем, из сопоставления сведений различных авторов явствует, что некоторое различие в географической характеристике обеих областей ими все-таки улавливалось. Так, считалось, что в ландшафте собственно Шаша преобладали равнина («не видно ни гор, ни холмов») и возделанные земли (пашни, сады, огороды). Область же Илак включала в себя, кроме культурных и невозделанных земель, степь и горы, среди которых она находилась³⁴.

По области, впадая в реку Шаша, протекала, согласно средневековой географической терминологии, «река Илака». Современное ее название Ангрен есть искаженное Ахангеран (река рудных дел мастеров), которое в письменных источниках начинает встречаться только после монгольского завоевания в XIII веке. Река Илак брала начало в горах

Чадгал (جَدَغَل, читавшееся раньше Джидгиль جَدِغَل; современное название—Чаткал, что значит, как установил М. С. Андреев, «береза»). Она протекала, между прочим, мимо стоявшей на ее левом берегу столицы Илака, Тункета. Отождествляя остатки развалин древнего города у современного кишлака Бискент (или Пскент) со средневековым Бискетом и принимая во внимание показание Истахри и Ибн Хаукаля, что

этот город находился между реками Илак и Парк (Чирчиком)³⁵, то есть к северу от Ангрена, можно прийти к очень интересному и до сих пор не отмечавшемуся никем выводу, что в X веке воды этой реки протекали по южному и сухому теперь руслу Гиджиген и что в течение какого-то периода времени оно было главным³⁶. При этом исчезает недоумение, вызывавшееся до сих пор фактом отнесения средневековыми географами Бенакета к области Шаш, тогда как развалины упомянутого города находятся сейчас к югу от Ангрена³⁷. Коль скоро главное русло реки Илак шло по Гиджигену, то Бенакет (позднее Шахрухия) оказывался тогда в отношении его на несколько километров севернее и на правом, то есть шашском берегу.

О границах Илака определеннее всего говорится в «Худуд ал Алем»³⁸. Там приводится, что область граничит с Ферганой, с горным

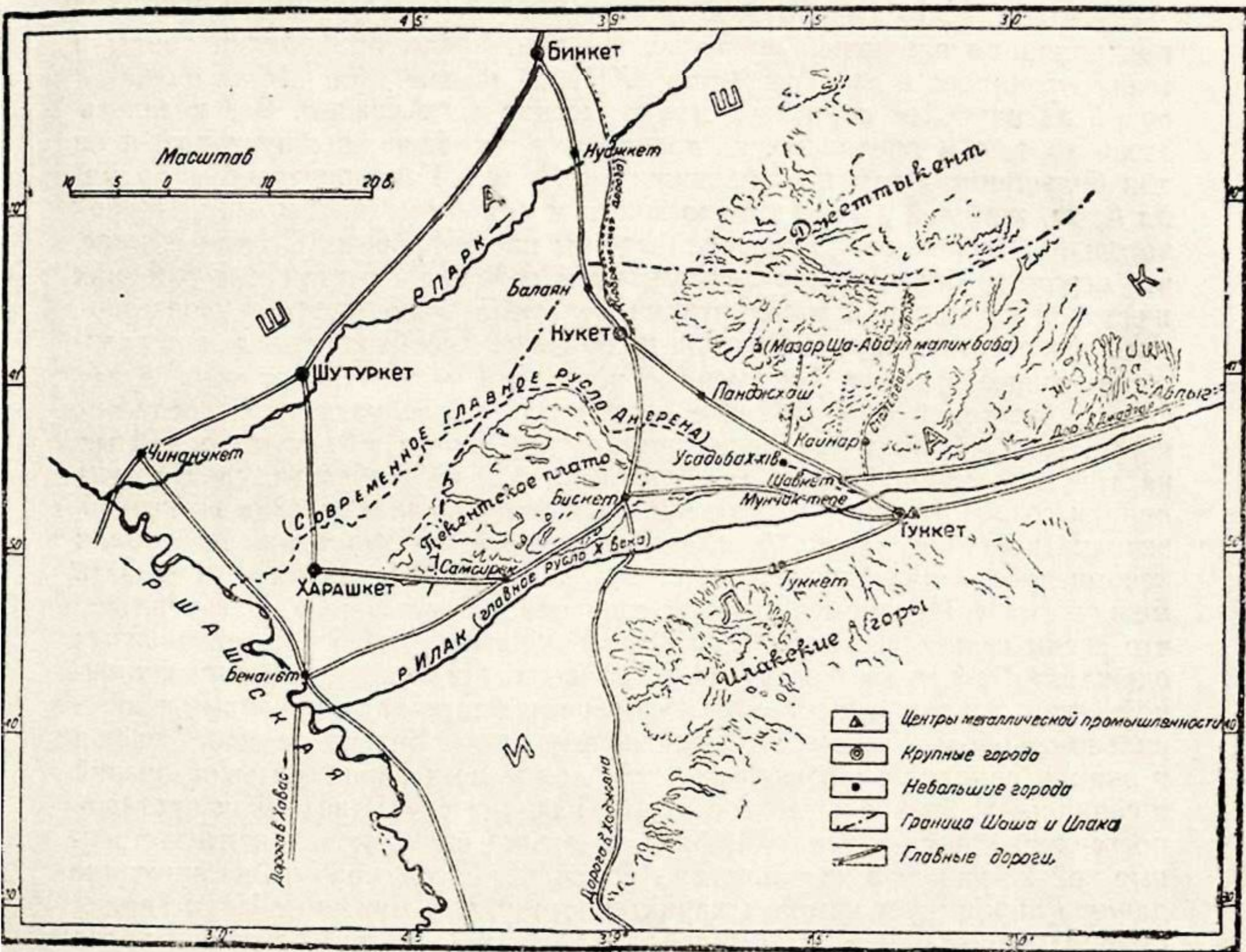

Рис. 23. Карта Ахангерана X века.

около Чадгал (Чаткал), с областью Шаш и рекою Хашарт, то есть Сыр-дарьей³⁹. Граница Ферганы определялась Илакскими горами, славившимися своими месторождениями золота и серебра и соответствующими современным Кармазарским горам. Эта юго-западная оконечность Кураминского хребта целиком входила в состав Илака, равно как и Дальверзинская степь, а может быть и Могол-тау. Большие трудности в смысле выяснения границы Илака представляет густо населенная полоса стыка ее с Шашем, где, как отмечают средневековые авторы, «их ничто не разделяет». Как устанавливается теперь после работ

29 отряда ТПЭ, территория Джеттыкента с крупными селениями Заркент (может быть, средневековый Зеранкент)⁴⁰, Паркент (может быть, древний Парскет или Барскет) и Намданек⁴¹ входила в состав Шаша, причем граница области, очевидно, шла сперва южнее их по водоразделу между Чирчиком и Ангреном. Далее она отходила в западном направлении, затем несколько севернее Той-тюбе, поворачивала на юго-запад и, протянувшись по Пскентскому плато, подходила непосредственно к Сыр-дарье, несколько южнее упоминавшихся развалин Бенакета, где на картах 10-верстного масштаба обозначен мазар Шамаркараулие.

Ядром области и собственно Илаком в узком смысле являлась долина Ангрена. Вдоль нее до самых берегов Шашской реки непрерывно (а по другим сведениям, с некоторыми перерывами) тянулись сады, жилища, пашни, как бы оправдывая характеристику области как благоустроенной (ابادان). Эта внешняя иллюзия, создавшаяся у проезжих под влиянием чарующей яркой зелени ландшафта при обилии воды и тени, отразилась в словаре Якута (XIII в.) фразой, что Илак является одной из наиболее приятных стран, созданных Аллахом. Все казалось здесь хорошо и прекрасно, но только для проезжающих путников, а не для большинства там проживавших постоянно. Как приведено в Худуд ал Алем, жителей в Илаке было много и они были якобы мало требовательны. Последнее правильное было бы расшифровывать в том смысле, что огромное большинство трудящихся в городах и рустаках в условиях жестокой феодальной эксплуатации не имело возможности удовлетворить даже самые скромные свои требования, необходимые для поддержания существования. Письменные источники не указывают конкретных фактов восстаний масс в Илаке против своих эксплуататоров; средневековые авторы дошедших до нас источников X века не рисуют подобных картин классовой борьбы в этой отдаленной для них области, следуя тенденции господствующего меньшинства к замалчиванию всяких восстаний эксплуатируемых, но что бурные крестьянские выступления прерывали несомненно не раз призрачную сельскую идиллию, можно угадывать между строк. Недаром в том же сочинении Худуд ал Алем говорится, что среди сельского населения Илака больше всего «людей в белых одеждах» (сефид джамеган), то есть лиц, принадлежащих к оппозиционной секте, хорошо известной в свое время благодаря крупному национально-освободительному движению Муканны. Белый же цвет одежды и знамен являлся в Средней Азии эмблемой всех народных выступлений в социальной борьбе на долгое время, начиная с VIII века, как противопоставление черным знаменам, под которыми сражались правительственные войска халифов из династии Аббасидов. Если принять во внимание данную анонимным автором характеристику, что мужчины Илака воинственны и активно-смелы (جنکئی شوخ روی)⁴², то легко заключить, что «люди в белых одеждах» из долины Ангрена, вероятно, представляли собой неплохие революционные кадры при народных движениях и что тут мог быть один из их постоянных очагов. Едва ли можно сомневаться, что жители Илака принимали участие в той упорной борьбе с арабами, в описании которой не раз фигурируют «владелец Шаша с его тюрками». Еще более вероятно, что немало их было среди гази или «ал-мутау-уи'а» (собственно ал-мутетаууи'а-«добровольцев»), выступавших здесь на окраине государства, как корпорация «борцов за веру». При этом нельзя также не вспомнить характеристики, данной Макдиси жителям Бинкета (Ташкента), которые, по его словам, были для саманидского правительства одновременно «опорой и предметом беспокойства». В этой характеристике, вероятно, имеются в виду те обедневшие и разоренные

крестьяне и ремесленники, которые вынуждены были наниматься в гвардию или вступать в ряды «гази» («воителей за веру»), размещавшихся в пограничных крепостях. В X веке гвардейцы и гази, «опора престола», часто поднимали восстания против центральной власти и даже убивали самих эмиров.

Многочисленность населения и даже известная скученность в долинах Чирчика и Ангрена засвидетельствована и другими авторами, начиная с Истахри, утверждавшего, что во всем Мавераннахре нет ни одной области, равной Шашу и Илаку по людности и застроенности. И это находит себе подтверждение как в дошедших до нас перечнях многочисленных городов и городков, так и в чрезвычайно большом количестве сохранившихся здесь разных размеров городищ, развалин селений, дворянских усадеб, старых каналов, ирригационных сооружений, дорог и прочих остатков развитой оседлой культуры этого времени.

Перечни городов Илака в разных вариантах имеются у нескольких авторов X века и кое у кого из позднейших компиляторов. Сведения последних интересны для нас тем, что дают иногда новые варианты в начертании наименований, а поскольку эти писатели пользовались для выборки материалов недошедшими до нас экземплярами рукописей, то приводимые ими имена городов, даже при наличии искажений, важны для решения вопроса об установлении какого-то единообразия в их написании и огласовке. Последняя неизбежно будет носить характер известной условности, поскольку вряд ли можно определить точное произношение для всех илакских городов и пунктов (см. таблицу перечней городов Илака у средневековых восточных авторов).

В составленной мной сводной таблице перечней городов средневекового Илака начертания последних у Истахри, Ибн Хаукаля и Макдиси приведены по принятой де Гуге транскрипции в изданных им текстах этих географов. Для иранского варианта труда Истахри транскрипция взята по В. Аузли, а прочтение дано согласно принятой им огласовке⁴³. Транскрипция и прочтение названий городов из труда Идриси даны в том виде, как их принял П. А. Жоберт⁴⁴.

Истахри и Ибн Хаукаль приводят наименования 14 городов; Макдиси — в одном месте (۲۶۵) — 17, в другом (۱۶۹) — 16, относя в первом случае Туккет к Илаку, во втором — к Шашу. Под разделом Илака в «Худуд ал Алем» приведены названия 33 городов, что является безусловным преувеличением за счет ошибочного отнесения к Илаку городов Шаша, под заголовком которого значится лишь 12 названий.

По данным Истахри, наиболее крупными городами Илака были Тункет и Нукет (или Наукет)⁴⁵, причем, судя по Ибн Хаукалю, столица все же была по площади больших размеров, чем Нукет⁴⁶. Все остальные 12 городов, очевидно, следует отнести к категории средних и малых. Относительно упомянутого ими города Харджанкета или Харконкета (соответствующего Хаджокету у Макдиси и Хархакету у Идриси), возникает некоторое сомнение, не принадлежал ли он к городам Шаша⁴⁷. Хотя в списках последнего это название и не приводится, зато одноименный город упоминается при перечислении населенных пунктов правого берега Чирчика к северу от Бинкета (Ташкента) между ним и районной стеной. Он лежал в четырех фарсах восточнее Хатункета, который сам находился в 2 фарсах от Бинкета⁴⁸. Возможно несколько предположений: или существовало два Харджанкета (один в Шаше и другой в Илаке), или Харджанкет ошибочно был упомянут Истахри и эта описка повторена последующими авторами, или, что менее вероятно, неверно дано определение его местонахождения. В «Худуд ал Алем» этот город не упоминается.

В списках Макдиси по сравнению с перечнями предшественников приводятся еще следующие три названия: Гардженд, Самсирек и Сикет. Первый из них Истахри и Ибн Хаукаль считали относящимся к Шашу. Объяснение этого разногласия можно искать или в путанице показаний или в изменении районирования вдоль северной областной границы Шаш—Илак в течение X века, причем в первой половине столетия Гардженд входил в состав Шаша, а во второй — в состав Илака. Илакский город Самсирек находился, как будет приведено ниже, в районе Бискета. Что же касается Сикета, то весьма вероятно, что такого города вообще не существовало. В перечне Макдиси строго сохраняется последовательный порядок перечисления городов, принятый Истахри и Ибн Хаукалем, и только при упоминании десятого города вместо «Бискет» (بسکت) стоит «Сикет» (سيکت), появившийся, несомненно, вследствие слегка измененной пунктуации переписчиком. Эта случайность затем была закреплена последующими скрибами, а так как в списке оказался отсутствующим видный город Бискет, то его приписали в самом конце, как 17-й город Илака. Характерно также, что, кроме Макдиси, Сикет никем больше не упоминается. Таким образом, следует считать, что в труде Макдиси содержится перечень не 17, а только 16 городов.

Сведения Худуд ал Алем о принадлежности тех или иных городов к Шашу и Илаку страдают большой путаницей и логической неувязкой, вследствие чего при противоречиях с данными средневековых географов этому сочинению трудно отдавать предпочтение. Как уже отмечалось, его анонимный автор в разделе об Илаке упомянул ряд несомненно шашских городов, которые не включены в составленную мной таблицу. Кроме того, опущенный им там Бискет следует видеть в искаженном пунктуацией названии города Сабкет (سبکت, вместо بسکت), отнесенного к Шашу. Можно было бы также под приводимым Худуд ал Алем городком ал Ходжас (у Идриси—ал Хаджаш) подразумевать сильно искаженную транскрипцию наименований городов Банджхаш или Харджанкет, поскольку в результате пользования разными источниками иногда одни и те же пункты оказываются одновременно упоминаемыми под разными наименованиями, как различные. Однако, этому препятствует указание на местонахождение ал Ходжаса вблизи Ферганской границы, тогда как Банджхаш лежал на правом берегу Илака, а Харджанкет даже в Шаше. Скорее можно допустить, что Харджент упоминается анонимным восточным автором в транскрипции حرجتک в числе городов Шаша. Возможно, что допустимо также сблизить ابرلغ (№ 5) и يتلج (№ 6), которые упомянуты даже рядом, но этот вопрос, как и дешифровка названий № 9 и № 10 пока, повидимому, останутся неразрешенными.

Не меньшие трудности, чем выяснение точного числа городов, входивших в состав средневекового Илака⁴⁹, представляет опознание их в натуре. В дореволюционный период в этом направлении не делалось никаких попыток, и сетования Г. ле Стренджа на неопределенность их местонахождения оставались справедливыми почти до последнего времени. Одна из основных причин такого положения — отсутствие точных данных в письменных источниках об их местоположении. Даже основной маршрут, соединявший столицу Шаша со столицей Илака, дошел до нас в нескольких сильно искаженных редакциях, и только определение развалин Тункета позволяет теперь целиком восстановить его направление и наметить все промежуточные пункты.

Описание этого главного пути из Бинкета в Тункет имеется в трудах Истахри и Ибн Хаукаля, причем в обоих случаях налицо большие по-

Перечни городов Илака у средневековых мусульманских авторов (цифры справа от названий указывают порядковый номер в перечне того или иного автора)

Истахри (930-933)		Ибн Хаукаль (987/8). ۳۸۶	Макдиси (935)		Худуд ал Алем (932) 24-246		Идриси, (1155) р. 207		Принимаемое мной произношение	Современные названия пунктов						
Арабский текст ۳۳۱-۳۳۲	Иранская версия р. 266		۲۶۵	۱۶۹												
Тункент	تونکت	Тункет	1	Тункет	تونکت	1	Тункет	1	Тункет	تونکت	1	Тункет	Имлак			
Сакокет	سکاکت	Сикакет	2	Шавкет	شاوکت	2	Шавкет	2	Шакокет	شکاکت	15	Сакакенд	سکاکند	2	Шавкет	Уваит-тепе
Банджхаш	بانجخاش	Банджхаш	3	Банхаш	بانخاش	3	Банхаш	3	Банджбаг	بانجباس	16				Панджхаш	Джумишказы-тепе
Нукет	نوکت	Нукет	4	Нукет	نوکت	4	Нукет		Нукет	نوکت	1				Нукет	Улькан Той-тубе
Балаян	بالايان	Балаян	5	Балаян	بالايان	5	Балаян	5	Ялапан	يالاپان	13	Балаян	بالايان	4	Балаян	Кулькара-тепе
Арбилах	اريلخ	Арбилах	6	Арбилах	اريلخ	6	Арбилах	6	Абрлыг	ابرلخ	5	Илыг (Айлыг)	ايلغ	6	Абрлыг	Аблыг
Намудлыг	نمودلغ	Намудлыг	7	Намудлыг	نمودلغ	7	Намудлыг	7	Имудлыг	يمودلغ	4	Юсудах	يصوداخ	7	Намудлыг	?
Туккет	تکت	Туккет	8	Туккет	تکت	8	(относит к Шашу на стр. ۱۶۹)		Туккет	تکت	13	Бакет	بکت		Туккет	Куль-ата
Хумрак	خمرک	Хамераль	9	Хумрак	خمرک	9	Хумрак	8	Хумбрак	خمبرک	14	Лакхнут	لخنوط	8	Хумрак	
Бискет	بسکت	Бискет	10	Бискет	بسکت	17	Бискет	16	Сабкет	سبکت	20	Буджет	بوجکت	9	Бискет	Пскент
Кухисим	کهسيم	Кухисим	11	Кухисим	کهسيم	11	Кухисим	10	Кухисим	کهسيم	2	Кухисим	کهسيم	10	Кухисим	Далана ?
Дахкет	ذخت	Вахкет	12	Адахкет	اذخت	12	Адахкет	11	Дахкет	ذخت	8	Заджет	جکت	11	Дахкет	(в Карамазарских горах)
Хаш	خاش	Хас	13	Хас	خاش	13	Хас	12	Хас	خاش	11				Хас	(в ЮЗ части Илака)
Харджанкет	خرجانکت	Харкат	14	Хаджокет	خجاکت	14	Хаджокет	13	Харджакет	خرجکت	19	Хархакет	خرخت	12	Харджанкет	(в Шаше)
		Харконкет- خرکانکت		Гардженд	غرچند	15	Гардженд	15	Газдженд	غرچند	12				Гардженд	
				Самсирек	سامسرك	16	Самсирек	15	Самисабрак		8				Самсирек	Бука
				Сикет	سيکت	10	Сикет	9	سامی سبرک							
									Итулах	ايتلخ	6					
									Аль Ходжас	اخجاس	7	Аль Хаджаш	آلخجاش	3		
									برمکسو (?)		9					
									هنج (?)		10					
Итого городов 14		9	14			17		16			18			12		

грешности переписчиков. Анализ самих текстов заставляет согласиться с тем, что наиболее вероятным и правильно восстановленным дорожником следует признать тот, который был принят В. В. Бартольд, в соответствии с толкованием де Гье⁵⁰.

Таблица 2

	Истахри (стр. ۳۱۶۱۶)	Ибн Хаукаль (стр. ۱۶۰۱۶)	В. В. Бартольд (стр. 174—175)
—	—	Бинкет	Бинкет
تونکت	Тункет 1 фарсах	1 фарсах Тункет	1 фарсах Нуджкет
نوگکت	Нугкет 2 фарсах	2 фарсах Балаян	2 фарсах Балаян
بالایان	Балаян 2 фарсах	1 фарсах Нугкет	1 фарсах Нукет
بانجخاش	Банджхаш 1 фарсах	2 фарсах Банджхаш	2 фарсах Банджхаш
سکاکت	Секакет 1 фарсах	1 фарсах Секакет	1 фарсах Секакет
نوکت	Нукет	1 фарсах Нукет	1 фарсах Тункет

Основная порочность редакций этих маршрутов средневековых географов резко бросается в глаза и легко устраняется путем замены конечного пункта Нукета (نوکت), близким по начертанию Тункетом (تونکت), поскольку дорожник дается от Бинкета до Тункета. Как справедливо отметил В. В. Бартольд, города Нугкета (نوگکت) вообще не существовало в Шаш-Илаке и вместо него следует читать Нуджкет (نوجکت), что, кстати, допускается вариантом одного из списков труда Истахри. Дальнейшие незначительные и логичные изменения в процессе реставрации первоначального текста явствуют из сопоставления приведенных данных маршрута общим протяжением в 8 фарсахов. У Якута расстояние от Бинкета до Тункета показано в 10 фарсахов, что ближе к действительности. Принимая эту поправку и вообще приблизительность определений в фарсах, надо рассматривать расстояния, приводимые разбираемым маршрутом, как своего рода коэффициенты при определении взаимного расположения городов одного относительно другого.

Исходя из данных этого маршрута и своих археологических наблюдений 1928 года, я уже тогда пришел к заключению, что развалины средневекового города у Той-тюбе соответствуют Нукету⁵¹, и таким образом определил первый отрезок главной столичной дороги до него. После работ 29 отряда ТПЭ было установлено направление и второй половины пути до Тункета. На этом отрезке дорога шла от Нукета в юго-восточном направлении по правому берегу Ангрена, переходя на левый только вблизи самой столицы. Выяснение в натуре всего маршрута от Бинкета до Тункета с промежуточными и конечным пунктом позволили получить хотя и приблизительное, но более уточненное представление о нахождении других городов Илака опять-таки путем внесения соответствующих поправок в искаженный текст после его проработки при одновременном контроле данными археолого-топографического наблюдения.

Истахри⁵² и Ибн Хаукаль⁵³ упоминают в промежутке между Чирчиком и Ангреном к востоку от столичной дороги лишь города, относящиеся к Шашу, в числе их Фарнкет (Паркент), лежавший в двух фарсах от города Джабгукета на реке Парк (где, по Худуд ал Алем, в древности был военный лагерь Шаша и который, как будто, находился в районе Ниазбека). Зато эти же авторы на пространстве между Чирчиком и Ангреном к западу от той же дороги помещают четыре шашских города и три илакских, а именно: Бискет, Самсирек и Хумрак. Взаимное расстояние между ними было довольно незначительным и равнялось примерно одному переходу, что соответствует в Мавераннахре шести арабским милям, двум фарсам или 12 км⁵⁴. По средневековым представлениям, в пространстве между Чирчиком и Ангреном (в связи с выяснившимся теперь фактом прохождения главного русла реки Илак в X веке по Геджигену) находилось, между прочим, и Пскентское плато, в районе которого вероятнее всего и располагались все три вышеупомянутые илакские города. На площади Илака, измерявшейся двумя днями пути в длину (от 60 до 80 км) и одним днем в ширину (от 30 до 40 км) и ограниченной Сыр-дарьей и Ангреном, к югу от последнего, примерно между долготами Тункета (у Истахри ошибочно — Нукета) и упоминавшегося шашского города Бенакета, размещались следующие города: Гардженд, Хас, Дахкет, Туккет и Кухисим. Как уже отмечалось выше, Гардженд одними авторами относился к Илаку, другими причислялся к Шашу и потому, очевидно, был недалеко от границ последнего, то есть в северной части этой территории и, вероятно, где-нибудь недалеко от Бенакета. По данным Худуд ал Алем, это был цветущий и богатый городок⁵⁵. Город Хас или Хаш имеет несколько начертаний (خاص، خاش، خاص) Х. М. Френ хотел сблизить одно время это название с упомянутым у Арриана городом Газа, который в 329 году до н. э. брали штурмом воины Александра Македонского⁵⁶ и который в действительности следует искать к югу от Сыр-дарьи. Ле Стрендж из всех городов Илака, кроме Тункета, упомянул только Хас, неудачно отождествив его с Хаштом, находившимся на самом деле в области Усрушана⁵⁷, и выдав за многолюдный и один из наиболее значительных илакских городов. Он помещает Хас вблизи серебряных рудников в Илакских горах, на границах Ферганы. Делая ссылку на показание Ибн Хаукаля (которого у последнего в действительности нет), ле Стрендж утверждает, что в Хасе в X веке был монетный двор, на котором вычеканили много серебра и золота, и что город окружали многочисленные селения⁵⁸. Средневековые географы не приводят никаких подробностей о Хасе, зато автор Худуд ал Алем упоминает его вместе с трудно читающимися названиями двух других городов и характеризует их все, как пункты с малым числом жителей, но большим количеством земельных угодий, невозделанных и занятых пашнями⁵⁹. Позднее о переходе по льду через Сыр-дарью против местности Хас (خاص) вблизи Ходженда упоминает в 907 г. х. (1501/2 г. н. э.) в своих записках Бабур⁶⁰. В 1579 году при походе против Ташкента, где власть захватил Баба Султан, войска Абдулла-хана подошли к берегу Сыр-дарьи у переправы Хас. Последняя находится к северо-западу от станции железной дороги Хилково, причем на правом берегу Сыр-дарьи имеется кишлак того же имени. Очень вероятно, что средневековый Хас был расположен именно где-то в юго-западной части области Илак, с чем вполне совпадает и краткая характеристика в Худуд ал Алем⁶¹.

Здесь встречается немало следов бывших каналов, валов, строений. При земляных работах на Дальверзинстрое в окрестностях селения Джума-базар жители извлекали из земли разные предметы утвари бы-

лых оседлых поселенцев этого района. При развозке земли на удобрение из кургана высотой в несколько метров, находящегося на базарной площади этого селения, дехкане до последнего времени находят разрушенные окисями медные предметы, монеты, фрагменты глиняной посуды. Около 10 лет назад в одном из его откосов был найден клад серебряных монет, часть из которых, благодаря любезности Д. И. Вейц, была передана мне на определение и оказалась принадлежащей к илекскому чекану начала XI века. Все осмотренные мной 11 монет этого клада представляли собой мелкие, неправильной формы кружки (д-12—13 мм), то есть являлись серебряными данаками⁶². На Дальверзинском участке Илака мной зарегистрированы, кроме того, в разных местах находки кладов медных монет IV века (близ Узун-кулдука на 7 про- рабстве) и XV века (в 10 км к западу от головного сооружения Дальверзинского канала между 92 и 100 пикетами)⁶³.

До производства археологической разведки юго-западной части Илака не представляется возможным решить, где именно следует искать остатки средневекового Хаса, название которого, возможно, лишь отзвуком сохранилось в районе в наименовании современного кишлака, а в действительности перенесено на другой пункт. Особого внимания, повидимому, заслуживают развалины городища правильной формы у родника Чанак в 10 км к северо-западо-западу от бывшей почтовой станции Джанбулак. Это урочище под наименованием Джанаки-маляк (جناق ملاق) упоминается между прочим в походе войск Абдулла-хана в 1579 году.

Город Дахкет (Захкет или Адахкет) указывается всеми авторами всегда рядом с Кухисимом, из чего можно было предположить, что он находится где-то в соседнем с ним районе, то есть на территории гор. Илака. В Худуд ал Алем он фигурирует как городок, причем отмечается, что из его гор вывозят «дору-и муш» (лекарство грусти). Илакский городок Дахкет не следует смешивать с Дехкетом XV—XVI вв., когда этим именем называлось селение в области Ура-тюбе и одновременно один из уратюбинских округов. Последний был расположен в урочище Малик-таг у подножья одной высокой горы, по другую сторону которой в Масче жили таджики, занимавшиеся разведением лошадей и баранов, подобно кочевым племенам. Дехкет между прочим был избран Бабуром для зимовки 907 г. х. (1501/2 г. н. э.). Чтобы выйти к Бешкенту против войск Шейбани-хана, Бабур, покинув Дехкет, должен был перейти сперва Сыр-дарью⁶⁴.

О местонахождении Кухисима в Илакских горах вблизи крупного серебряного рудника Кан-и-Мансур и об южных дорогах, ведущих к илакским рудникам в Карамазарских горах, мной уже неоднократно приводились сведения письменных источников, давался их разбор и делались соответствующие сопоставления с данными археологического наблюдения, почему повторять их здесь излишне⁶⁵.

Город Туккет приводится в Худуд ал Алем в несколько искаженном начертании и характеризуется как городок с большим достоянием. Близким по созвучию именем Дукет или Дукент называется теперь сай у правых притоков Ангрена в 5 км выше Аблыка, но вряд ли это название находится в какой-либо связи со средневековым городком, который следует искать не к востоку от меридиана столицы, а к западу. И, наоборот, два илакских города — Арбилах (или Абрлыг) и Намудлыг — лежали на расстоянии в 5 фарсахов не к западу от Тункета, как приведено у Истахри и Ибн Хаукаля, а именно к востоку. Описка здесь совершенно очевидна. Во-первых, перед этим только что шел перечень пунктов, расположенных к западу от долготы столицы Илака. Во-вто-

рых, по Худуд ал Алем, Намудлыг, Абрлыг, Итулах (?) и Альхаджас (?) были городками близ границы Илака с Ферганой, а следовательно опять же не к западу от Тункета, а к востоку. В третьих, названия тюркского происхождения Абрлыг и Намудлыг легче могли появиться в местности выше Тункета по течению Ангрена. Известно, что восточная часть горного округа верховьев этой реки служила в X веке местопребыванием кочевых тюрок, откуда они совершали набеги между прочим в Фергану⁶⁶. Наиболее близкой к истинному произношению наименования Абрлыга нужно, повидимому, считать транскрипцию Худуд ал Алем (ابرلغ) и Идриси (ابلاغ), тогда как у других географов допущено в этом случае довольно обычное искажение⁶⁷. Очень может быть, что в современном названии селения Аблык имеется не одно только звуковое сходство с наименованием илакского города Абрлыг или Аблыг, тем более что от развалин Тункета до Аблыка как раз около 5 фарсахов. Название Аблык, по объяснению кураминцев, состоит из таджикского корня «об», то есть, вода, и тюркской приставки для обозначения понятия «обильный водой»⁶⁸. Уже с 1893 года со слов местного населения известно, что в этом селении были найдены разные старинные вещи, хотя и не в таком количестве, как на городище за Теляу⁶⁹. Об интересном в археологическом отношении Тепа-кургане на берегу Ангрена у Аблыка говорили и нам жители Ангрена. В развалинах крепости Аблыка были встречены упоминавшиеся выше два бронзовых наконечника стрел. И. А. Анбоеву в 1934 году удалось получить из числа найденных в Аблыке монет 4 медных толстых кружка, представленных им мне на определение. Они оказались принадлежащими илекскому чекану конца XII века, причем одна монета бита с именем Кадр Тафгач-хакана, а три остальные — с именем Арслан-хан Мухаммеда. Даты и места чекана на осмотренных экземплярах отсутствовали. Несколько позднее мной было получено сведение, что в Аблыке хранится найденный там клад медных монет в количестве нескольких сот монетных кружков. Благодаря принятым мерам его удалось получить в Узкомстарис, где выяснилось, что он состоит из фельсов городского чекана конца XV — начала XVI вв.

Местонахождение Намудлыка может быть определено только археологическим путем при сплошном обследовании долины Ангрена в историко-топографическом отношении.

Более подробные сведения о других городах Илака, равно как и наблюдения археологического порядка над некоторыми осмотренными 29 отрядом ТПЭ пунктами, излагаются в описании пройденных нами маршрутов и в соответствующей последовательности.

IV. МАРШРУТНОЕ ОПИСАНИЕ АХАНГЕРАНА.

МАРШРУТ ТАШКЕНТ — ТОЙ-ТЮБЕ

Местом выезда на полевые работы 29 отряда ТПЭ и опорным пунктом в расшифровке показаний письменных источников об исторической топографии Илака при сопоставлении их с данными археологического наблюдения явился Ташкент.

Не подлежит никакому сомнению, что главный город Шаша, Бинкет средневековых авторов, идентичен Ташкенту. Тюркское название последнего упоминается в литературе уже в первой половине XI века у Бируни⁷⁰. Во второй половине того же столетия Махмуд Кашгарский, указав в одном месте, что Шаш есть Ташкент, в другом случае дает и этимологию этого наименования, как «город из камня»⁷¹. Там же приведено, что существовало и другое имя города Шаша, Таркан (تَرْكَنْ), из которого происходил Абубекр ал Каффаль Шаши, чей неоднократно подвергавшийся перестройкам мавзолей в Ташкенте, как памятник материальной культуры, состоит на государственной охране. Автор IX века Белазури в изложении истории арабских завоеваний говорит, что до арабского завоевания местопребыванием царя Шаша был город Тарбенд⁷². Положение его в источниках не указывается. Проводившееся мной изучение исторической топографии Ташкента и прошедший через мои руки археологический и нумизматический материал из числа находок, сделанных на его территории, привели меня к заключению, что Тарбенду, может быть, соответствуют остатки городища Мин-урук по Пролетарской улице, вблизи трамвайного парка. Культурные слои этого городища содержат археологический материал от рабовладельческого общества до XI — XII вв. включительно.

Упоминавшаяся выше большая столбовая дорога X века из Бинкета в столицу Илака, вопреки высказывавшемуся мнению, лишь по направлению совпадала в первой своей части с современным Куйлюкским шоссе. В действительности, трасса ее на отрезке Ташкент — Той-тюбе, по видимому, проходила параллельно и несколько западнее нынешней магистрали, соединяющей эти два пункта. Как уже отмечалось, в одном фарсах от Бинкета на этом пути находился город Нуджкет (نوجکت) у Макдиси, в испорченной транскрипции (نوگکت)⁷³. Он стоял, очевидно, недалеко от берега Чирчика, так как автор Худуд ал Алем приводит, что из него происходили лодочники, работавшие на реках Парф (Чирчик) и Хашарт (Сыр-дарья)⁷⁴. Это дало повод В. В. Бартольду высказать предположение, что Нуджкет находился на месте нынешней Чирчикской станции⁷⁵, где никаких следов развалин старого города нет. В 5 же км к юго-западу отсюда имеются остатки городища, носящие

графаретное название Ханабад, то есть «ханской ставки». В 1879 году по поводу «урочища, представляющего следы бывшего большого поселения, называемого Ханабад или Ханабад-тепе», в 10 км от Ташкента, в газете «Туркестанские ведомости» была опубликована местная легенда, о том, как этот город некогда был взят после долгой бесплодной осады ташкентским правителем вследствие измены жены владельца Ханабада. Последняя якобы, выдала тайну водоснабжения города по подземному каналу из Чирчика. Место начала туннеля враги определили по кручению брошенной по ее наущению в воду соломы и, завалив отверстие, вынудили противников к сдаче после нестерпимых мучений от жажды⁷⁶. На заседании членов ТКЛА 26 февраля 1896 года топограф М. С. Костенич в кратком своем сообщении упомянул и холм Ханабад, как интересный памятник старины близ Ташкента⁷⁷, на что не было обращено особого внимания. И только в 1907 году после появления в продаже в большом числе привозных грубых чугунных кувшинов, чирагов и подставок для них, охотно раскупавшихся ташкентскими коллекционерами, в качестве старинных объектов, Ханабад был посещен местным археологом-любителем инженером И. Т. Пославским. Ловкие торговцы указывали именно на его развалины, как на один из пунктов, где из земли якобы, выкапываются эти вещи, в действительности являвшиеся этнографическими кульджинскими предметами XIX века⁷⁸. И. Т. Пославский обошел городище, дал краткое описание его развалин, отметил наличие следов больших культурных отложений и привел описание некоторых приобретенных им и будто бы найденных в Ханабаде предметов, в том числе и чугунных. Однако, при уровне археологических знаний того времени он не мог ни отличить новоделы от предметов древности, ни дать многим из них правильного толкования, ни определить даже приблизительно время, к которому следовало отнести развалины городища⁷⁹. В силу этих обстоятельств Ханабад-тепе оставалось не опознанным до последних лет, хотя еще в 1907 же году с него был изготовлен схематический план в масштабе 50 сажен в дюйме с показанием некоторого рельефа отмывкой⁸⁰.

Развалины причирчикского Ханабада представляют собой очень типичное средневековое феодальное городище. Его шахристан, почти квадратный в плане со сторонами в среднем 530—540 м, занимает площадь более 13,5 га. В восточном углу имеется также почти квадратная цитадель. Здесь не только различаются места ворот и башенных выступов городской стены, но рельеф поверхности позволяет наметить направления главных улиц, установить некоторые кварталы, места отдельных зданий, керамических мастерских и хаузов. Определение площади пригорода-рабада требует специального изучения. Но и без того самая структура, состав подъемного материала, его датировки и, наконец, расстояние от Ташкента позволяют опознать в руинах Ханабада именно средневековый шашский город Нуджкет, а следовательно и утверждать, что проходившая через него дорога не совпадала с тепершним Куйлюкским шоссе. Несомненно и переправа через Чирчик совершалась вблизи Ханабада, то есть ниже современного Куйлюкского моста.

Отрезок главной илакской дороги от реки Парак (Парк?) до Тойтубе — Нукета не был объектом специального исследования 29 отряда ТПЭ. Здесь и справа и слева от современного шоссе вдали виднеется немало разной величины тепе, а около одного из них, известного под искаженным наименованием Чугун-тепе, приходится проезжать почти рядом. Подлинное название его Чибин-тепе, то есть «комариное тепе». Встречающийся при земляных работах на нем археологический материал (в том числе и сосуды, известные под наименованием «симобкуза-

ча») относится к XI—XII вв. Согласно приводившемуся выше маршруту средневековых географов Истахри и Ибн Хаукаля, в расстоянии около 2 фарсахов от Нуджкета находился в то время илакский город Балаян, лежавший вместе с тем в одном фарсах от Нукета. О Балаяне, в начертании Ялапан, некоторые сведения содержатся только в Худуд ал Алем. Там приводится, что это прежде всего городок (шахарак), что от него до берега реки Парак якобы один фарсах и что в нем, наконец, в то время находился монетный двор⁸¹. Приводимый ниже анализ других исторических известий и нумизматических материалов, касающихся вопроса о средневековом монетном чекане Илака, заставляет признать свидетельство Худуд ал Алем о монетном дворе в Балаяне случайным недоразумением, и было бы весьма трудно найти логические основания для оправдания перенесения из Тункета монетного производства в какой-то небольшой городок, расположенный к тому же от рудничной сырьевой базы значительно дальше, чем столица. Учитывая, что столичная дорога шла несколько западнее современного шоссе, отдавая больше предпочтения в этом случае сведениям средневековых географов и принимая во внимание данные топографического характера, можно допустить, что Балаян был расположен к северо-западу от Той-тюбе и что развалинам его соответствует не посещенное нами Кулкара-тепе севернее Кара-су.

Характер местности от переправы через Чирчик у Ханабада и до Нукета едва ли многим отличался от современного состояния, когда здесь на обширном пространстве обильной водой поймы Чирчика и Ангрена тянутся, чередуясь, рисовые поля и поросшие камышом болота, служащие приютом охотничьей дичи. Во второй половине XIX века до проведения шоссе этот отрезок Ходжендского почтового тракта в мокрую погоду разжижался, становился вязким, и в такую пору вдоль его обочин лежали и стояли накренившись брошенные арбы, изломанные и выведенные из строя при попытках пробиться напрямик кратчайшим путем. Зимой 1867 года, сопровождая с командой багаж русской миссии в Коканд, А. П. Хорошхин с трудом проделал путь из Ташкента в Той-тюбе за 10 часов. В своей статье «От Ташкента до Коканда» он писал, что, объехав почти весь край, он не видел в то время ничего безобразнее дороги от Чирчика до Той-тюбе: сплошная с глубокими выбоинами грязь по брюхо лошади, арыки с берегами, изрытыми ногами животных, с мостиками, составные части которых (жерди, камыш и т. п., ничем не связанные) расползались во все стороны. «Вьюки колыхались на спинах лошадей и увлекали в бездны грязи... транспорт останавливался, поднимали лошадь, поправляли вьюк и шли дальше. Через 20 сажен снова падение какого-нибудь буцефала, снова мучения...»⁸². Недаром в Ташкентском районе сложилась в далекие ханские времена и

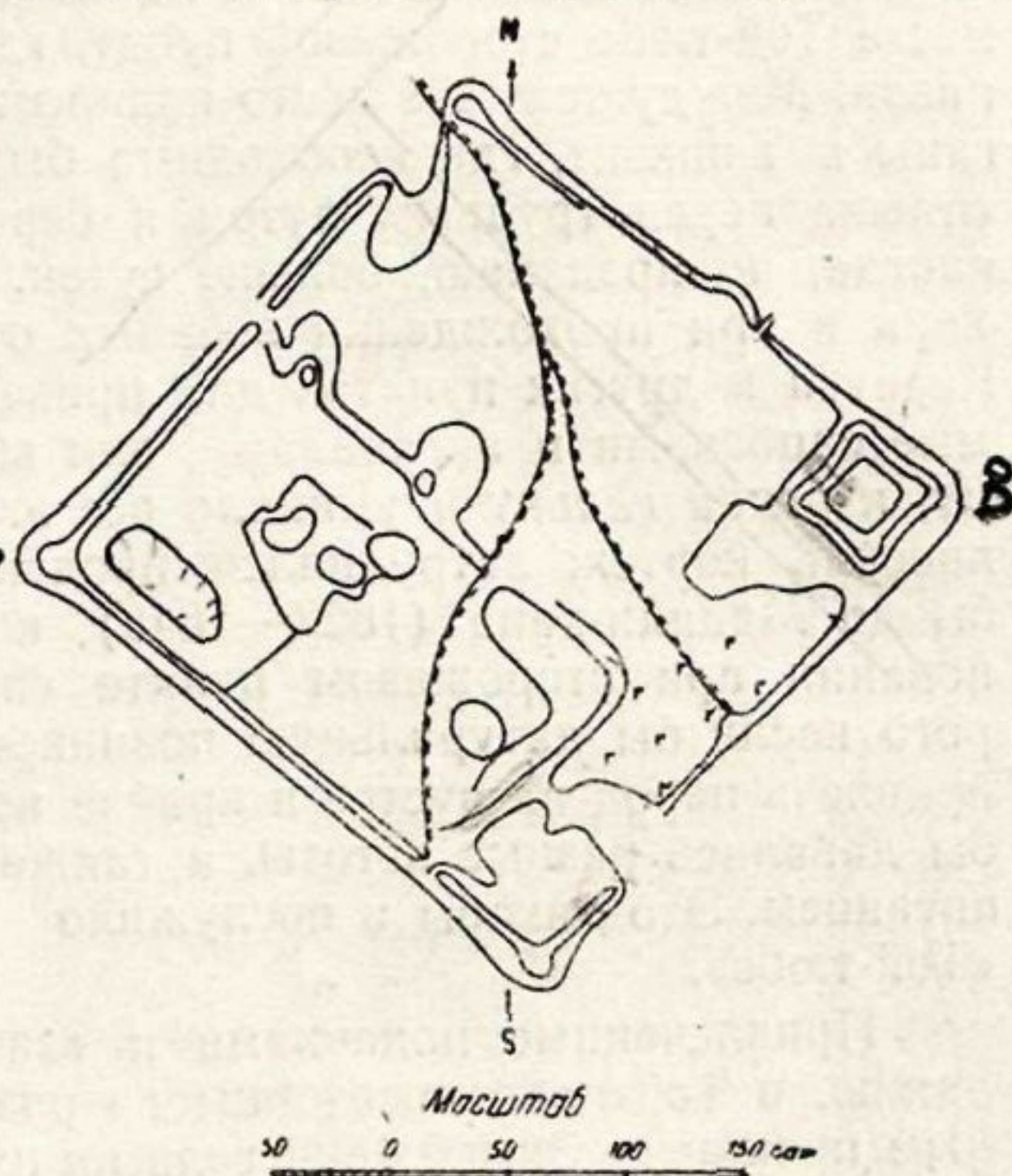

Рис. 24. Схематический план городища Ханабад (Нуджкет).

такой популярностью пользовалась поговорка — «что дураку дорога в Той-тюбе!» Эта поговорка, как пережиток, как наглядное противоречие с социалистической действительностью, иногда употребляется в разговоре даже и теперь, когда по выпрямленной, очень оживленной и благоустроенной дороге Ташкент — Той-тюбе во всякое время года беспрерывно в обе стороны стремительно снуют десятки автомашин, с шумом движутся колхозные тракторы и вереницей тянутся обозы арб и тяжело груженных телег.

Как говорят старики-тойтюбинцы, именно дурным качествам дороги обязано их современное селение своим возникновением. По их словам, в самом начале XIX века кокандское правительство устроило на месте Той-тюбе сторожевой пункт, где пребывал только небольшой гарнизон. Между тем, это место являлось таким пунктом на дороге из Ферганы в Ташкент, где необходима была остановка для основательного отдыха перед трудным путем к берегу Чирчика, на что затрачивалось иногда, по преданию, больше суток. При проездах самого кокандского хана и при прохождении военных отрядов сгонялся народ из Пскента, Кереучи и других пунктов для приведения дороги в порядок. Подгоняемые сарбазами и аксакалами, они везли с собой хворост, камыш, солому, изредка гальку и уминали все это в топкую грязь в тех местах, где ханский кортеж затруднялся продвижением. Так продолжалось будто бы до Мадали-хана (1822—1842), который отдал распоряжение об основании при сторожевом пункте специального селения, жители которого несли бы натуральную повинность по поддержанию дороги. Чтобы привлечь народ на пустое и крайне нездоровое место⁸³, поселенцам будто бы давались разные льготы, а также оказывалась небольшая помощь питанием. Это якобы и послужило причиной наименования кишлака «Той-тюбе».

Привлеченные подачками и «забвением грехов» сошлись, по преданию, в Той-тюбе поселенцы из разных мест и редко с незапятнанным прошлым. Зимой 1829 года на пути из Ташкента в Коканд останавливалось в Той-тюбе на ночлег русское посольство; в записках хорунжего Н. И. Потанина дошло первое по времени упоминание этого кишлака в европейской литературе. Селение тогда состояло из 50 домов и было «расположено при речке Карасу, впадающей в Чирчик и не имеющей рыбы, кроме весьма малой». Посольство ночевало на постоялом дворе, в котором останавливался обычно ташкентский правитель при объезде этого владения. Строение стояло отдельно от селения на довольно возвышенном месте⁸⁴.

Как говорили нам старики, первые пришельцы в Той-тюбе устроились под стенами сторожевого поста, и их поселение носило название «Ичкари». Более поздние насельники расположились к востоку и образовали «Янги-шаар», который находился на месте, где затем долгое время был базар близ разбитого недавно парка.

Между этими двумя частями шло постоянное соперничество на экономической почве, причем жители Ичкари в борьбе за конкуренцию по получению доходов от постоев караванов и проезжих добивались иногда даже закрытия для проезда в Янги-шаар главной улицы — дороги, ведущей в Ташкент.

По сведениям, собранным о Кокандском ханстве в середине XIX века, Той-тюбе было некогда крепостью, стены которого к тому времени уже обрушились. Селение состояло из 200 мазанок, прислоненных к одной стороне развалин, и жители занимались земледелием⁸⁵.

Что прежняя крепость к середине прошлого столетия была в запущенном состоянии, подтверждается слышанными нами на месте преданиями, как кочевники-казахи нападали на беззащитное оседлое население кишлака Той-тюбе, не имевшего стен. Чтобы не усугублять жестокости нападавших, жители селения обычно не оказывали сопротивления, а казахи, привыкнув к этому, по словам одной старухи, однажды напали на кишлак вооруженные только длинными палками, заостренными и закопченными на конце на подобие копий. В 1867 году в селении насчитывалось, по статистическим данным, около 100 дворов.

Памятником недавнего прошлого население считает курган, именуемый Ча'рдара и лежащий к западу от дороги. Этим термином местное население называет многие старые заброшенные укрепления в Фергане и по нижнему течению Сырдарьи. Времени возведения Той-тюбинской Ча'рдара жители не помнят. Одни говорят, что курган насыпали по распоряжению каких-то двух беков, другие сохранили предание о некоем жившем в нем правителе по имени Юлдаш-бек.

Как видно из снятого мной схематического плана, укрепление имеет изломанную линию периметра и охватывает площадь около 3 га, возвышаясь на 5—8 м над прилегающей местностью.

Оплывшая глинобитная стена, шедшая по гребню, превратилась

в широкий вал, который с восточной стороны на большом протяжении утрачен вследствие оползня. В южной стороне, ближе к западному углу, где хорошо сохранились следы башенного выступа (джува хана), легко различимо место бывших здесь ворот. Вторые ворота находились с противоположной северной стороны. В этом пониженном месте кончается глубокая лощина, начинающаяся у середины Ча'рдара и поросшая деревьями. Видимо, в начале ее когда-то был источник, питавший своей водой население крепости. В северо-восточном углу, входя двумя стенами в состав наружной укрепленной линии, возвышается прямоугольная цитадель—„урда Юлдаш-бека“, как называют ее жители. Въезд в нее был с южной стороны, а несколько земляных валов на ее поверхности являются остатками когда-то бывших здесь сооружений.

Искусственное происхождение кургана несомненно. В разных местах с поверхности и обрывов был собран черепковый материал от глиняной поливной и неглазурованной утвари. Два небольших пробных шурфа, опущенные на глубину 1,25 м в середине укрепления и прошедшие в культурном слое, дали такую же керамику, относящуюся ко времени не ранее конца XVIII — начала XIX вв. В эту эпоху курган, вероятно, был подновлен. Происхождение его пока остается загадкой, но период создания его платформы и сооружения на ней укрепленного замка относится ко времени, предшествовавшему арабскому завоеванию.

Последнее совершенно очевидно также относительно городища, находящегося примерно в 1,5 км к западу от Ча'рдара и носящего название Улькан Той-тюбе, то есть «высокое или старшее Той-тюбе». Возникшая под влиянием книжных сказаний о богатырских подвигах Али и

Рис. 25. Той-тюбе. Ча'рдара.

при несомненном участии хафизов легенда, которую в различных вариантах знают многие старики-тойтюбинцы, передает, что основание города восходит ко временам «неверия», когда население поклонялось огню⁸⁶. Размеры города, по этой легенде, были столь значительны, что площадь сплошного городского поселения захватывала даже Пскент. Фабула же легенды заключается в том, что владетель города Заркум, которому подчинялись Кашгар, Туркестан, Афганистан и Кавказ и который имел двух сыновей — Джанадиля и Макадиля, был очень обеспокоен слухами об успехах Али в деле распространения ислама силою богатырского меча Зульф리카ра и с помощью своего коня Дульдудля. Вызванный Заркумом богатырь Кабыль взялся убить Али, в награду за что владетель обещал выдать за него замуж свою красавицу дочку, по имени Гумаюнруй. По ошибке Кабыль убивает другое лицо, приняв его за Али, привозит голову побежденного врага, получает обещанную невесту и на насыпанном для свадебного пира (той) холме (тюбе, откуда и произошло якобы название «Той-тюбе») много дней длится радостное празднество. Неожиданно появившийся Али (по одной версии в сопровождении армии арабов, по другой — сам-друг со своим Дульдудлем) продемонстрировал ряд подвигов, выдержал затем тяжелую борьбу с язычниками, но в конце концов победил их. Владетель, Кабыль и многие другие богатыри были им убиты, а жители обращены в ислам. Большое количество искусственных ям, следов бывшего копания и провалов в могильные камеры в окрестностях Той-тюбе легенда объясняет как остатки тех ловчих ям, которые рылись язычниками, чтобы во время борьбы с Али увлечь в них Дульдудля. По другому варианту, двести ям глубиной каждую по 200 гязов приказал вырыть царь Заркум, чтобы погубить в них конницу арабов, пришедших вместе с Али.

Так сказочный вымысел восполнил недостаток подлинных сведений о городе, остававшемся в развалинах безыменным уже несколько столетий. Деда и отцы современных тойтюбинцев помнят только, что лет сто назад городище, названное ими Улькан Той-тюбе, и прилежащая к нему местность были густо покрыты руинами строений, из которых население тысячами добывало себе и на продажу жженный кирпич высокого качества.

Впервые на Улькан Той-тюбе, как на интересное в археологическом отношении городище, указал Д. М. Граменицкий, который 9 мая 1875 года производил на нем небольшую пятичасовую пробную раскопку ради добычи предметов древности. Копал он к западу от того места, где по слухам был обнаружен разошедшийся по рукам монетный клад. На глубине двух аршин были встречены наполненные землей глиняные горшки зеленой и красной глазури, разных форм и величины, частью вложенные одни в другие. Тут же попались глиняные чираги, разные сосуды, глиняные кольца с глазурью, шлак, железный пробой с кольцом, брусок из порфира в виде пестика и другие фрагменты. Комплекс предметов навел Д. М. Граменицкого на мысль, что на этом месте был в древности гончарный завод. Из других находок на территории Улькан Той-тюбе (названного Иски Той-тюбе) он упоминает фрагменты стеклянной утвари и конической формы «симобкузача».

Как и о всех древних городищах, существовали слухи о найденных, якобы, когда-то в Улькан Той-тюбе золотых вещах. Говорили, что один тойтюбинец обнаружил случайно лавку древнего ювелира — заргара, где оказалось разных золотых изделий почти на 400 тилля. Предметы были будто бы отобраны у него влиятельным кураминским баем, который употребил их на изготовление разных вещей и украшение своих сабель. Передавали также, что другой житель Той-тюбе нашел как-то

там же на городище бутылку с золотыми опилками и некоторые вещи⁸⁷. Часть предметов, добытых Д. М. Граменицким в 1875 году, была передана в Туркестанский музей в Ташкенте⁸⁸.

В самом начале 1884 года администрации стало известно о производстве раскопки кургана в Той-тюбе местным жителем Султан Пиримкуловым. Немедленно было сделано распоряжение о воспрещении производства там всяких раскопок, о представлении описания местности и перечня предметов. Тогда же было установлено, что в Той-тюбе имеется два кургана, что один из них является местопребыванием хана. Раскопки Пиримкулов производил на юго-западной стороне второго кургана (то есть, видимо, на Улькан Той-тюбе), имевшего до 8 сажен высоты, 920 шагов длины и 250 шагов ширины. На месте раскопки были обнаружены остатки какой-то постройки из жженого кирпича и обгорелые балки⁸⁹. В деле Туркестанского музея за 1884 год под № 6 имеется опись вещей, найденных кураминцем Султан Пиримкуловым в местности Той-тюбе близ Ташкента, помеченная 17 января. Среди перечисленных предметов значатся между прочим: семь медных монет, две металлические и одна каменная печати, большой медный крюк, медный бубенчик, обломок костяной ложки, металлическая лопаточка, стеклянные чернильницы, бусины и писсуарная трубка, поливной и неглазурованный чираги, глиняный сосуд с ручкой, фрагмент глиняной посуды с изображением пракона и др. Всего приведено в описи 36 предметов⁹⁰.

В конце декабря 1884 года находившийся в Средней Азии по поручению археологической комиссии Н. И. Веселовский производил длившуюся три дня раскопку на городище Той-тюбе. По показанию жителей, занимавшихся на развалинах добычей жженого кирпича и кладоискательством, «главную добычу» доставлял им дворец владельца, помещавшийся в цитадели. Он был якобы деревянным, на каменном фундаменте и погиб от пожара, о чем свидетельствовали многочисленные обгоревшие деревянные балки, местами сохранившие следы позолоты. Хотя Н. И. Веселовскому казалось, что не оставалось места, не потревоженного кладоискателями, тем не менее он попытался произвести там земляные работы. При этом были встречены предметы стеклянной и глиняной утвари (в том числе глиняные светильники), несколько медных монет хорезмшаха (XIII в.) и куски перержавевшего железа от котлов. Кроме того, у жителей были приобретены: часть большого колокола (найденного ими целым, но разбитого для поделок), маленький разбитый медный колокольчик, медный светильник и несколько медных монет. Хотя Н. И. Веселовский убедился в довольно значительных размерах городища и предместия, но по уровню археологических и историко-топографических знаний того времени не пришел относительно их ни к каким выводам⁹¹.

В 90-х годах прошлого столетия предприимчивый член ТКЛА И. И. Краузе при своих посещениях селения Той-тюбе несколько раз нанимал рабочих для рытья ям в разных местах городища в поисках древностей. Об этом сохранились лишь слышанные мной рассказы стариков, когда-то принимавших участие в этих розысках. Они помнят, что однажды выкопали кувшин с пшеницей⁹². В другой раз нашли наполненные пеплом две корчаги объемом на 5 и 10 пудов пшеницы. В цитадели им часто попадались «симобкузача» и обгорелые части деревянных архитектурных декораций со следами позолоты; как-то встретилась большая, якобы бархатная, ткань черного цвета, вскоре же рассыпавшаяся в порошок.

Отдельные случайные находки в Той-тюбе имели место и в XX столетии⁹³, но ТКЛА⁹⁴ не смог уделить им должного внимания, если не

считать, что в 1896 году для осмотра Той-тюбе выезжала группа членов во главе с председателем кружка Н. П. Остроумовым⁹⁶. После того по заказу правления ТКЛА топограф Б. В. Егармин сделал увеличение с полуверстовой съемки 1872 года до масштаба 50 сажен в дюйме плана бугра Той-тюбе, не дающего, однако, ни четкого, ни правильного представления даже о периметре городища⁹⁶. Само же городище Улькан Той-тюбе в историко-археологическом отношении оставалось не опознанным до моих предварительных обследований в 1928 году, сопровождавшихся составлением на основании компасной его съемки схематического контурного плана.

Обход городища позволил установить, что оно занимает площадь около 18 га, приподнятую над окружающей местностью от 10 до 14 м и вытянутую с запада на восток в виде не совсем правильного параллелепипеда, причем восточная сторона является наиболее изломанной по своему очертанию. При моем посещении вся поверхность городища была занята густым весенним растительным покровом, скрывавшим рельеф его всхолмленной поверхности. Тем не менее, нетрудно было убедиться, что Улькан Той-тюбе представляет собой остатки внутреннего города, шахристана, с четырьмя воротами в каждой из его сторон.

Восточные ворота приходились в том месте, где и теперь вступает на городище проходящая сквозь него дорожка. За ними внутри городища большая часть площади занята кладбищем⁹⁷. Вблизи южных ворот к востоку от них легко различается большая прямоугольная впадина, или служившая площадью или обозначающая место когда-то бывшего хауза. С западной стороны городища, несколько отступя от гребня внутрь, видны следы тянувшегося параллельно обрыву тепе земляного вала, который, возможно, не является древним по своему происхождению, а остался здесь после противосаранчевых работ. Рядом с западными воротами, приходящимися почти на середине этой стороны городища, находится большая воронкообразная яма, сильно размытая водой. Окрестные жители, на глазах которых происходило постепенное размывание этого места, уверяют, что, судя по первоначальному виду, здесь была раньше тюремная яма «зиндан».

Северные ворота были расположены подле высящейся с восточной стороны от них цитадели, куда вел отсюда единственный въезд. Цитадель, или арк, в плане имеет вид прямоугольника с явно выраженными угловыми башенными выступами в южной стороне, обращенной внутрь города. Почти вся поверхность арка, имеющая площадь до 0,75 га и изрытая бывшими здесь раскопками кладоискателей и Н. И. Веселовского, покрыта остатками оплывших стен строений, составлявших, как мне кажется, сложный комплекс. Приблизительно в середине различается место квадратного дворика. В одном пункте обнаруженное размывом воды виднелось в провале небольшое подземное помещение, или служившее погребом или принадлежавшее такого рода комнатам, которые на Востоке известны были в средние века под названием «сердоб» и служили для отдохновения в летние жаркие дни⁹⁸. Тойтюбинцы уверены, что здесь был дворец правителя. Это, повидимому, соответствует действительности.

Обход Улькан Той-тюбе, сопровождавшийся сбором подъемного материала и закладкой двух небольших поверхностных шурфов, дал находки, идентичные по своему составу с прежними, но могущие в настоящее время уже быть так или иначе датированными. Удалось констатировать, между прочим, что жженный кирпич употреблялся здесь не только в качестве строительного материала, но в виде резных неглазурованных фигурных плит и карнизов шел на наружную декорацию не-

которых зданий. Среди доставленных мной в Главный Среднеазиатский музей объектов с Улькан Той-тюбе заслуживает внимания глазурированный коричневый, с черными полосами чираг, имеющий изящную, необычайно тонкого рисунка ручку, неглазурированная баночка (повидимому, детская игрушка) и глиняный, реставрированный из черепков, горшок белой поливы с зелеными и коричневыми буквами и линиями орнамента. Как и большинство находок верхнего культурного слоя, они относятся к XII или, может быть, к началу XIII вв.

Подавляющее большинство керамики с городища датируется этим временем. Для XI—XII вв. характерна глазурированная керамика с тонким, плотным черепком красноватой глины, покрытым белым ангобом, по которому нанесена роспись темнокоричневой краской, иногда в сочетании с коричневато-розовой; глазурь — или бесцветная, или лимонно-желтая. Основные мотивы орнаментации — надписи фигурным почерком куфи по закраине чаш или блюд; динамическая розетка на дне; плетенки, образованные пересечением окружностей или сеткой многоугольников. Наряду с этой изысканной, дорогой посудой (есть экземпляры со

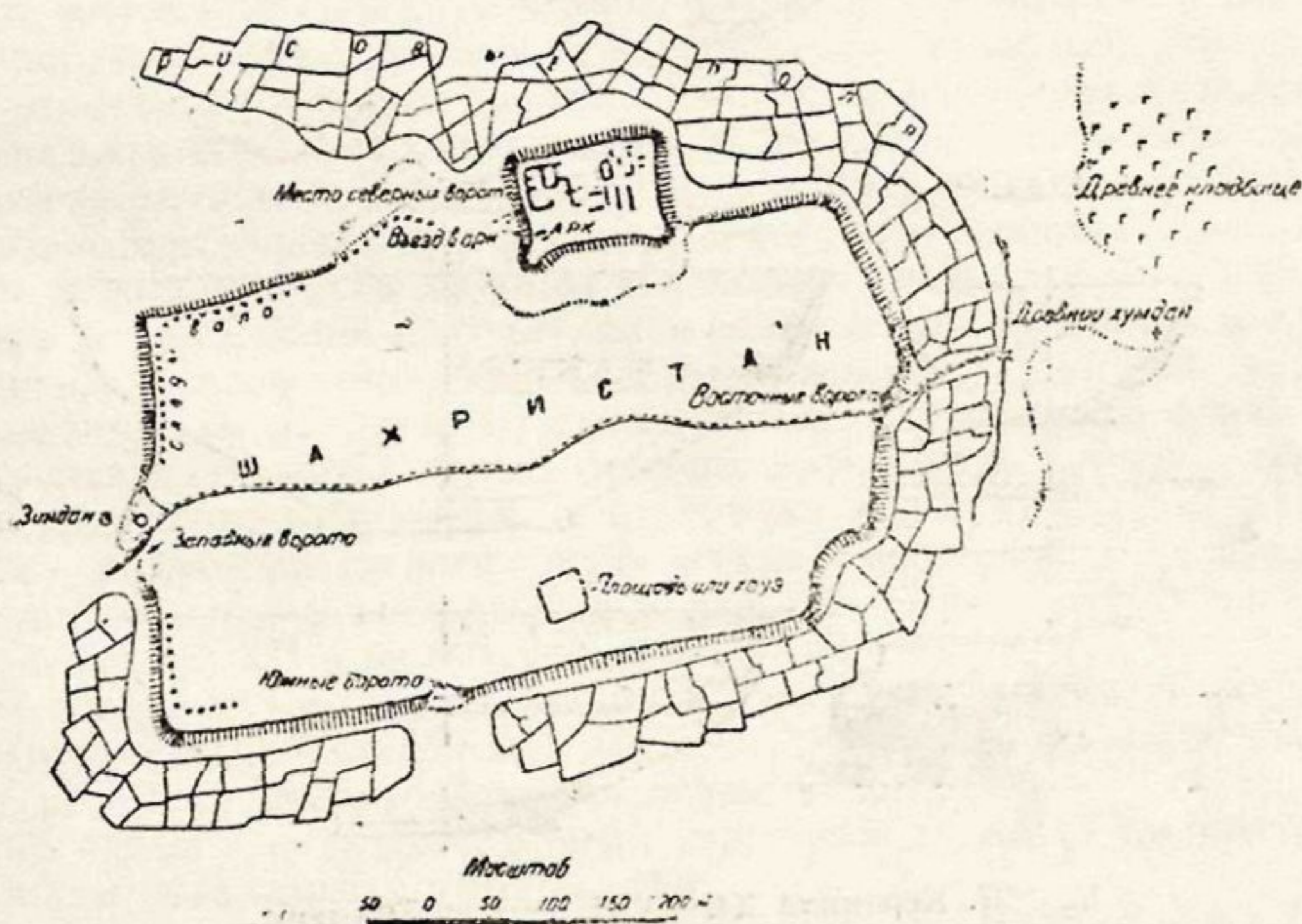

Рис. 26. План Улькан Той-тюбе (Шахристан Нукета).

следами древней починки ее), более широкий, массовый тип составляла керамика с яркозеленой поливой, иногда — с подглазурным, процарапанным орнаментом. Встречаются, наконец, так называемые «мраморовидные» типы с подтеками зеленой и желтой краски по белому фону. Для конца XII — начала XIII вв. типичны мутноватые поливы — грязнопалевого цвета или бледнозеленого, с растеками зеленых пятен. Стилистически эта керамическая группа очень близка к комплексу средневековой керамики из Ташкента и несколько отлична от самаркандской. Локальную особенность шацско-ахангеранской керамики составляет употребление лимонно-желтой поливы. Интересны черепки сероватой глины, по которой эта полива нанесена без ангоба, в силу чего изделие приобретает серебристо-зеленоватый оттенок, напоминающий китайский селадон. Это, может быть, и не случайность, так как среди находок из Улькан Той-тюбе имеется фрагмент подлинного селадона.

Безглазурная керамика на городище Улькан Той-тюбе весьма обильна. Орнаментация выполнена либо чекрышем (резцом, гребенкой), либо штампом. Мотивы несложны — преимущественно «волна», зигзаг, подковообразные фигуры и пр.

Широко представлено посудное стекло — желтоватого, голубого и синего цветов преимущественно от небольших сосудов — флаконов, баночек и пр. Из более поздних объектов встречаются фрагменты керамики XIX в., появившиеся здесь, вероятно, в большинстве случаев в связи с устройством нового кладбища.

Следы бывшего пригорода — рабада, примыкавшего к Улькан Той-тюбе, обнаруживаются на довольно значительном расстоянии к востоку, югу и западу от этого городища на территории современного селения. В разных местах за селением встречены следы валов, но принадлежат ли они остаткам оплывших стен рабада и был ли вообще пригород обнесен внешней стеной, можно будет установить только после специального длительного обследования. На обширной территории приго-

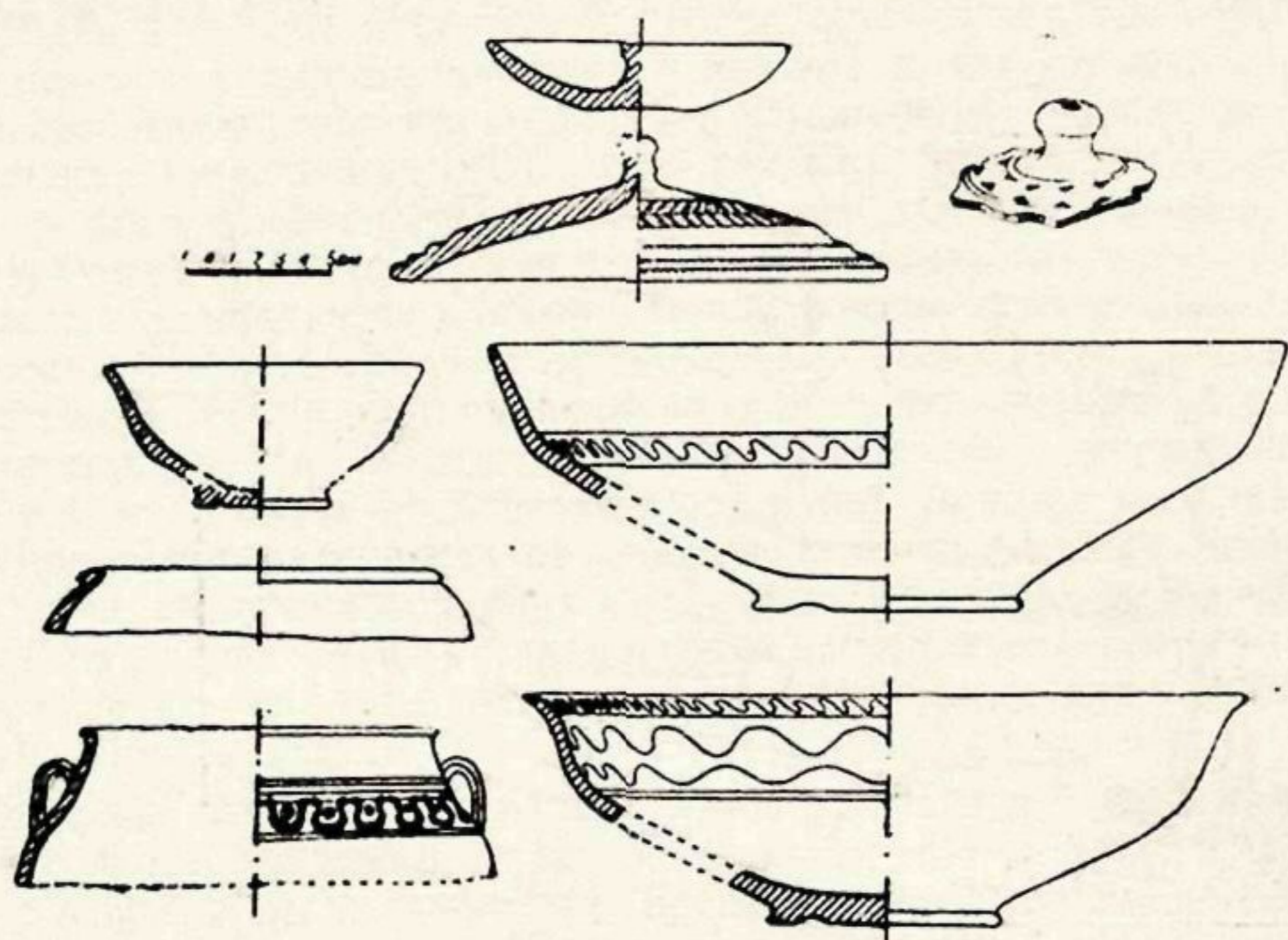

Рис. 27. Керамика XII—XIII века из Той-тюбе.

рода встречается много фрагментов разнообразной глиняной и стеклянной утвари, а также кусков окислившихся металлических предметов из железа и меди. В одном месте мне удалось найти терракотовую на длинной шее звериную головку, принадлежавшую, возможно, древней игрушке. При земляных работах и при пропуске воды в садах жители часто наталкиваются на многочисленные кладки нижних частей стен из жженого кирпича. Ознакомление с ними показало, что, кроме квадратных (имеющих иногда размеры $20,5 \times 20,5 \times 3$ см), довольно часто встречаются здесь продолговатые кирпичные плитки следующих размеров: $25 \times 13,5 \times 3,5$ см, $27 \times 13 \times 3$ см, $28 \times 15 \times 4,5$ см, $31 \times 15 \times 4,5$ см. Обнаруженные на одном из бугров среди других жженных кирпичей маломерки (размером $19 \times 9 \times 3,5$ см) принадлежат, повидимому, к группе облицовочных, а не строительных материалов. Дальнейшее исследование показало, что продолговатые кирпичи всех указанных размеров являются довольно типичными для шаш-илакских городищ, предшествующих началу XIII столетия. Более или менее крупные строения

былого рабада отмечаются теперь большими и малыми буграми, постепенно разравниваемыми под поля, сады и огороды⁹⁹.

Особенно обилён остатками холм, находящийся к юго-востоку от Улькан Той-тюбе и носящий название Байтемыш-тепе. Довольно правильной прямоугольной формы, приподнятый над прилежащей местностью на высоту до 4 м, он отчетливо сохранил признаки остатков когда-то бывших строений. Яснее это заметно в северной стороне. В подмытых склонах бугра на разной высоте встречаются черепки глиняной утвари IX—XII вв. Фрагменты глазурованной посуды высокого качества заставляют полагать, что владельцы этой «усадьбы» принадлежали к классу феодалов. Теперешние жители примыкающих участков находили на Байтемыш-тепе большие глиняные корчаги — хумы до 1,30 м высоты. При нашем посещении бугра в яме, выкопанной дикообразом почти в середине холма, торчали куски вкопанного в землю раздавленного хума. Такого же рода находки и в меньшем количестве имели место и на соседнем бугре, лежащем к северо-западу от Байтемыш-тепе.

К востоку от Улькан Той-тюбе, почти против места древних ворот Шахристана, мы обнаружили большую кучку предметов, характеризующих отвал керамического производства. Здесь находится много фрагментов бракованных глазурованных и неглазурованных предметов, спекшиеся керамические шлаки, трехлапчатые глиняные прокладки (сепоя), с помощью которых чашки при обжиге в печи размещаются целыми стопками, разных размеров круглые и плоские штыри, которые прокладываются для отделения друг от друга обжигаемых предметов в хумдане. Среди материалов отвала было собрано, между прочим, 14 вариантов орнаментированных ручек от светильников — чирагов, на одной из которых вытеснено изображение сидящих друг против друга с обращенными назад головами парных птиц. Тут же мной найдена глиняная формочка — калыб для тиснения этих ручек с вырезанным подражанием арабской надписи в центральном медальоне. Отвал принадлежит предприятию конца XII и не позднее начала XIII вв.

К северу от места отвала хумдана когда-то находилось средневековое мусульманское кладбище, возможно не функционировавшее уже в то время, когда сюда сбрасывали керамический брак. Теперь площадь старого гуристана занята садовыми участками, и только частые провалы там и сям обнаруживают его наличие.

Не менее интересен и показателен состав доставленных мной монетных находок, сделанных на городище Улькан Той-тюбе и прилежащей площади развалин:

1. Низкопробный «черный дирхем» типа монет бухархудатов с именем халифа Махди. На руках одного из жителей я видел другой экземпляр подобной же монеты, тоже найденный в Той-тюбе.
2. Арабский фельс VIII века, не поддающийся более точному определению из-за плохой сохранности.
3. Фельс с именем аббасидского халифа Мутеваккиля, битый в Багдаде в 241 г. х.
4. Фельс с именем саманида Насра I (875 — 892), битый в Шаше в 254 г. х.
5. Фельс с именем саманида Насра II (914 — 943), с несохранившимися обозначениями места и года выпуска.
6. Фельс с именем илекского правителя Ибрагим Арслан-хакана, битый в Узгенде в 57? г. х.
7. Фельс чекана джагатаидов начала XIV века, битый в Отраре.
8. Фельс чекана Кандагара XVI века¹⁰⁰.

Все изложенное с несомненной очевидностью свидетельствует, что на месте современного Той-тюбе был крупный средневековый город, имевший цитадель, шахристан и обширный рабад. Учитывая данные упоминавшихся выше арабских дорожников X века, теперь нельзя не прийти к совершенно определенному выводу, что Улькан Той-тюбе был центром средневекового Нукета. К сожалению, о нем почти нет сведений в письменных источниках. Из свидетельства Истахри мы знаем лишь, что Нукет вместе с Тункетом являлись двумя наиболее крупными городами Илака¹⁰¹. Это вполне согласуется с археолого-топографическими наблюдениями. В средние века писатели часто путали Нукет с Тункетом, причем Идриси, приняв Нукет за столицу Илака, совсем даже не включил в свой перечень Тункет, может быть, сочтя его синонимом или ошибочной транскрипцией первого названия¹⁰². Автор Худуд ал Алем, ошибочно указав на стр. 24а, что Нукет — столица Илака, под этим словом дал сведения, как раз относящиеся к Тункету, о котором он, кроме того, под соответствующим термином на следующей странице 24б привел дополнительные детали. При таком положении совершенно очевидно, что для восстановления истории города основной материал должно дать само городище, которое теперь войдет в научный обиход как опознанное. Последний период его жизни в качестве крупного городского центра, повидимому, совпадает с XII столетием, явившимся также и началом заката. Современные жители Той-тюбе, встречая часто в земле угли и обуглившиеся балки, пришли к заключению, что в свое время старый город погиб от пожара. Однако мои наблюдения по обрывам, ямам и маленьким шурфам с обычным для культурных слоев присутствием кусков угля не позволяют видеть следов былого сплошного общегородского пожара, от которого, весьма возможно, и погиб дворец правителя. На основании стратиграфических наблюдений, можно утверждать, что между средневековым Нукетом и современным Той-тюбе не было никакой преемственной связи и что их отделяет лагуна в несколько столетий. Это хорошо иллюстрируется и тем обстоятельством, что в селении Той-тюбе приходится констатировать почти полное отсутствие мазаров.

Труднее без специальных обследований установить изначальный период существования Нукета, который превратился во вполне развитый крупный феодальный город после IX в., но который сложился как поселение городского типа, может быть, уже за несколько веков до того. Материальных памятников, относящихся к его доарабскому периоду, пока известно очень мало. Среди них, кроме фрагментов керамики VI—VII вв., обращает на себя внимание приобретенная мной для Главного Среднеазиатского музея небольшая бронзовая ажурная пластинка, служившая некогда украшением конца какого-то ремня и найденная на городище Той-тюбе. На ней уплощенным рельефом изображена женская фигура, повидимому, жрицы, выступающей влево, быть может при исполнении ритуального танца. Верхняя часть ее тела прикрыта короткой кофтой из легкой ткани, сквозь которую явно проступают формы груди. Нижняя часть окутана складчатой юбкой, оставляющей обнаженным живот, хотя бедра перехвачены как бы скрученным шарфом, перевязанным и спускающимся спереди двумя концами. Через плечи перекинут также своеобразный шарф, ниспадающий от локтей книзу своими расширяющимися концами в изящных изгибах. На шее имеется ожерелье, как будто с медальоном, а голова увенчана сложным убором. Правая рука согнута в локте и на высоте плеча несет какой-то ритуальный предмет. Левая рука свободно опущена вниз и только поддерживает конец перекинутого через плечо шарфа. Изображение это можно

сравнить с женскими фигурами биянайманских оссуариев¹⁰³, а также с фигурами жриц на серебряных «сасанидских» кувшинчиках, хранящихся в Государственном Эрмитаже, из которых один на верхнем срезе венчика имеет раннепехлевийскую надпись¹⁰⁴.

По воззрениям ортодоксального зароастрийского духовенства сасанидского Ирана, женщины, как занимающие приниженное положение в обществе, не допускались к богослужению. Вместе с тем, уже изображения жриц на оссуариях из Биянаймана дают лишний повод считать,

Рис. 28. Бронзовая пластинка с изображением жрицы. Из Той-тюбе.

Рис. 29. Бронзовая пластинка из Той-тюбе (прорисовка).

что в Средней Азии исповедывалась особая разновидность маздеизма с рядом отличных от принятых в Персии религиозных обрядов, обусловленных известной спецификой социальных отношений. Намек на причастность женщин к зароастрийским храмам в качестве служительниц культа сохранился в одном из пехлевийских текстов, относящихся к VIII в., где автор, ортодоксальный зароастриец, называет семь храмов огня в Самарканде вместилищами демонов и распутных женщин. Это резкое выражение, очевидно, относится к жрицам. Находку тойтюбинской бронзовой пластинки с изображением жрицы нет оснований относить к предметам импорта. Принимая же во внимание почти тождество ее с изображениями жриц на упоминавшихся серебряных сосудах из Эрмитажа, можно утверждать, что и последние созданы не в сасанидском Иране (где подобный сюжет был бы чужд господствовавшему мировоззрению), а именно в Средней Азии.

К памятникам, созданным до окончательного укоренения в Илаке новых форм социальных отношений, в окрестностях Той-тюбе отно-

сится также упоминавшееся выше кладбище глиняных гробиков—оссуариев, принадлежащих к маздеистическому погребальному культу, и расположенное на естественной возвышенности примерно в 2,5 км по прямому направлению от городища Улькан Той-тюбе к юго-востоку. Там же археологическим наблюдением за восточным обрезом каньона Ислахат-арыка стратиграфически очень удачно удалось установить, что оссуарному способу погребения предшествуют два вышеописанные типа курганных погребений, в большом числе разбросанные по гребню этой естественной возвышенности. Непосредственно в районе оссуарного кладбища мной зарегистрировано около полтора десятка могильных курганов разных размеров, но пока еще не получено никаких данных для суждения о том, существовал ли Нукет в эпоху возведения этих курганов (что вообще весьма вероятно), а тем более, в каких он мог быть отношениях с кочевыми и полукочевыми народами, обитавшими в этом районе и оставившими после себя эти курганы.

МАРШРУТ ТОЙ-ТЮБЕ — ХАНАБАД И ПРИЛЕЖАЩИЙ С СЕВЕРА РАЙОН

Упомянутая у арабских географов главная илакская столичная дорога от Нукета отходила в юго-восточном направлении. Примерно в 5 км от Той-тюбе по обе стороны от нее разбросано на большом пространстве довольно много могильных курганов. Несколько севернее этой дороги, километрах в 15 к юго-востоку от Той-тюбе, при выходе из предгорий одного из саев, расположен мазар, связанный с именем шейха Ша-Абдул-Малик баба. По сведениям, содержащимся в Рашахате, Абдул-Малик баба был дедом популярного в районе Ташкента в свое время шейха, по прозвищу Занги-ата (умершего в 1258 г.) и сыном Мансур-ата, первого мюрида Хазрет Ахмада Ясеви (известного шейха XII в., чей мавзолей находится в городе Туркестане). Таким образом, предание, что Ша-Абдул-Малик баба жил около 800 лет назад, имеет

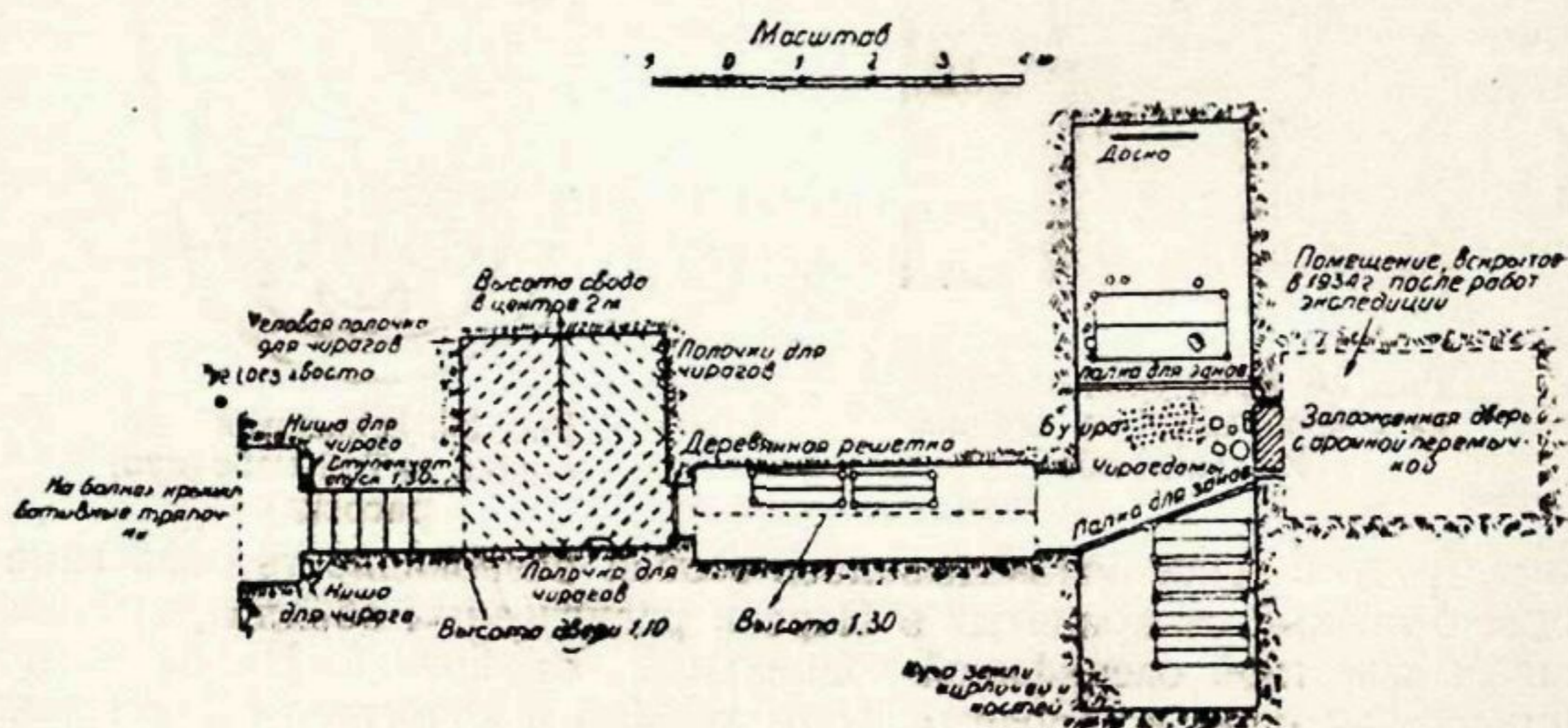

Рис. 30. Внутренний план „подземных“ помещений мазара Ша-Абдул-Малик-баба.

1) план кургана в горизонталях через каждые 25 см, 2) план раскопанного кургана

известные основания. В научной литературе сведений о нем нет, за исключением упоминания в связи с посещением мазара в 1896 году двумя членами ТКЛА, Н. Г. Маллицким и М. С. Андреевым¹⁰⁵. Народная молва утверждала, что при мазаре имеются мощи святых и что в склепе лежит немало старинных рукописных книг.

В момент нашего посещения мазар был полузаброшен, а последний шейх, по имени Назыр хан, сын Ходжа хана, покинул его и переехал на жительство в Пскент, примерно года за четыре до того. Прежде

участок мазара занимал большую площадь поливной земли с садовыми насаждениями в южной стороне селения Мазар. В 1934 году около чарбага с хаузом существовали сравнительно недавние постройки здания летней и зимней мечетей, михманхана, айван, а рядом обширный двор и жилые постройки старшего шейха. Все эти строения за последние годы начали разрушаться. К северу отсюда, среди могил старинного кладбища, высится искусственно насыпанный плоский холм, прямоугольный в плане (27 X 28,5 м при средней высоте в 2 м); под ним находится бывший, повидимому, раньше наземным сооружением, а ныне подземный склеп с мазаром шейха. Он выложен на глиняном растворе из средневекового жженого кирпича по преимуществу продолговатого шаш-илакского типа XI—XII вв. и имеющего размеры $28 \times 14 \times 4$ см. Кроме него, кое-где употреблены также квадратные кирпичи размером $33 \times 33 \times 4$ см и $30 \times 30 \times 5$ см. Вход в склеп переложен сравнительно недавно и перекрыт плоской легкой крышей, балки которой увешаны вотивными тряпочками. Пять спускающихся вниз ступеней приводят в почти квадратное помещение, перекрытое сводом типа «балхи», где паломники совершали молитву святому и возжигали светильники. Для чирагов устроено несколько полочек. В одном из углов низенькая дверь, забранная навешанной решеткой, открывает доступ в узкий сводчатый коридор, в котором стоят два небольших деревянных гробика, покрытых старыми бумажными полотнищами кабрпущей с насыпанной поверх землей. Гробики содержат внутри разрозненные кости нескольких скелетов.

Следующее помещение, перекрытое сводом наклонными отрезками и расположенное по оси под прямым углом к коридору, имеет в длину 7,60 м при ширине 2,47 м. В нем на засыпанном рыхлой землей полу в южной половине стоит самый большой деревянный гроб. Прямоугольный, с отвесными стенками, он имеет в длину 1,87 м при ширине 0,65 м и высоте угловых стоек 0,70 м. Каждая сторона его состоит из двух

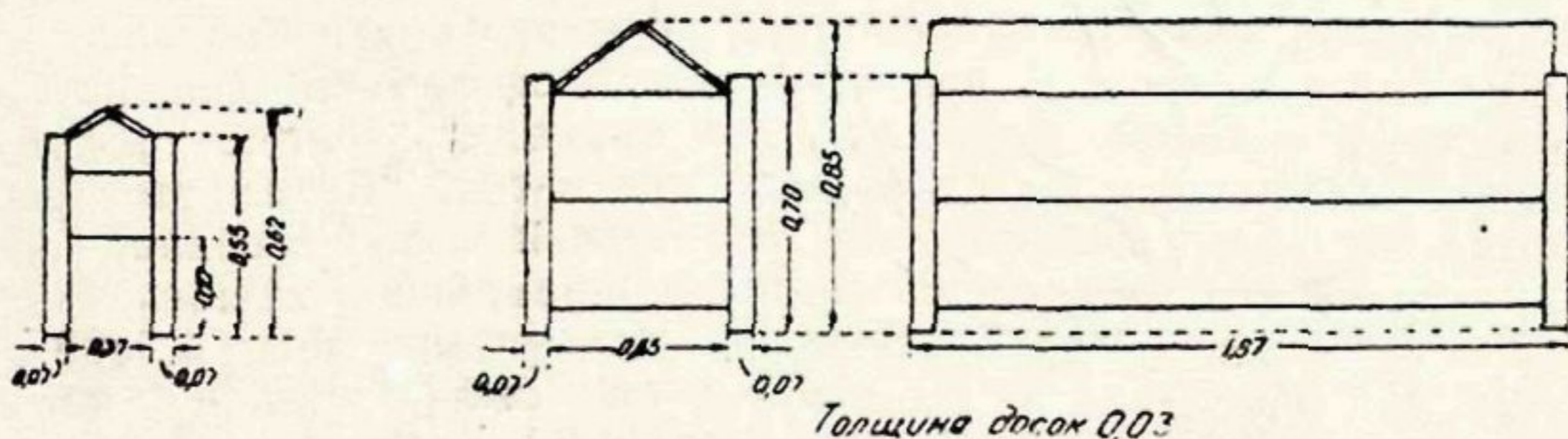

Рис. 31. Гробы мазара Ша-Абдул-Малик-баба

досок, закрепленных в угловых стойках квадратного сечения (7 см). Стойки опущены несколько ниже дна гроба, который, таким образом, оказывается приподнятым над полом как бы на ножках. Двускатная крышка сделана из шести досок. Гроб затянут покрывалом из бумажной материи и отделен от остального склепа такой же занавеской. Одна печатная книга религиозного содержания на арабском языке, буйра на полу, пара чирагдонов, то есть подставок для чирагов (одна — из корневища дерева, другая — ажурная чугунная) дополняли убранство склепа перед гробом шейха. В северном конце склепа стоят еще четыре гроба меньших размеров, поставленные вплотную друг к другу и скрытые также висящей на палке занавеской. В западной стене главного склепа имеется ниша, ведущая в примыкавшее с этой стороны помещение и заложённая наглухо кирпичной кладкой, видимо, за много лет до нашего посещения. Осенью 1934 года она была вскрыта членами ко-

миссии Узкомстариса, причем оказалось, что замурованная комната была совершенно пустой и имела в плане $3,50 \times 2,20$ м.

Отряд ТПЭ не имел времени для подробного изучения мазара, поскольку это и не входило в его задачи. При беглом осмотре, сопровождавшемся изготовлением схематического плана склепа, удалось убедиться, что в гробах лежат далеко не полные скелеты, а только отдельные разрозненные кости, давшие, повидимому, основание для возникновения легенды о наличии мощей и даже мумий при мазаре. По своей форме гробы мазара Ша-Абдул-Малик баба напоминают такие же гробы, употреблявшиеся в Средней Азии в конце XIII и в XIV вв. при мусульманских погребениях. Однако шесть из них имеют в длину всего около 1,25 м и, очевидно, не могли быть предназначены для помещения в них трупов. По словам Я. Гулямова, гробы были изготовлены в прошлом столетии при участии Аляви. Они установлены в склепе как фальсифицированные новоделы, выдававшиеся за культовые памятники старины для большего успеха при эксплуатации «святыни», издавна служившей местом паломничества и поклонения.

На площади несколько юго-восточнее мазара Ша-Абдул-Малик баба встречаются фрагменты средневековой глазурованной и неполивной керамики X—XII вв., и видны следы построек бывшего здесь средневекового поселения. В разрезах культурных слоев попадают и фрагменты дофеодальной керамики.

Пролежавшая еще южнее средневековая большая столбчатая дорога, должно быть, проходила мимо Джумишказы-тепе. Бугор этот расположен в юго-западной части современного кишлака Анхор. Как упоминалось, в 1896 году он был посещен членами ТКЛА, не давшими о тепе никакого определенного заключения. Согласно данным протокола заседания ТКЛА от 26/VIII 1896 года, Б. В. Егарминым был сделан план

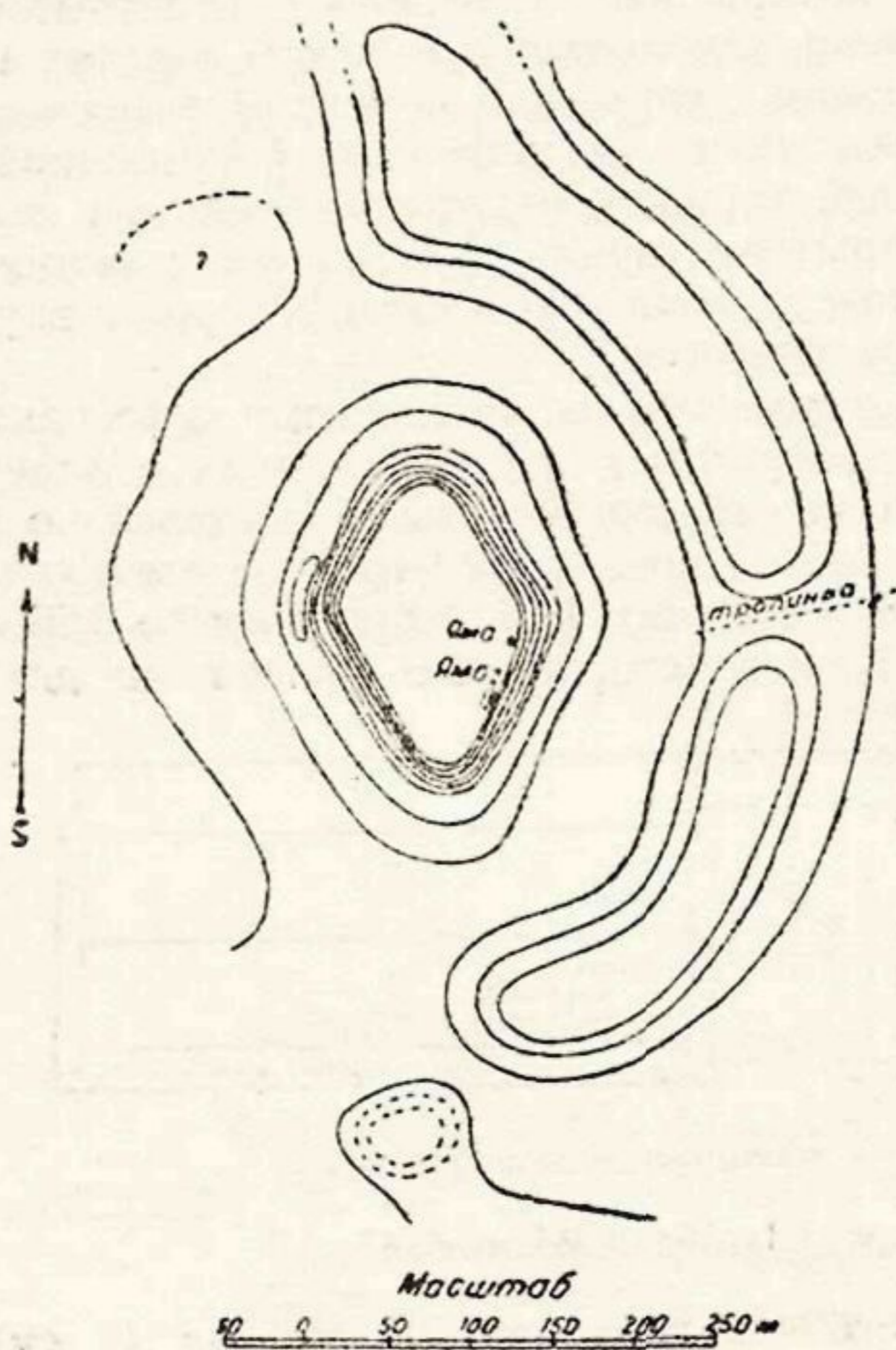

Рис. 32. Джумишказы-тепе.

«бугра Имиш-казы», который является в действительности увеличением с карты полуверстной съемки 1872 года до масштаба 50 сажен в дюйме, выполненным одной отмывкой и очень приближенно напоминающим натуральные формы тепе¹⁰⁶.

Джумишказы-тепе принадлежит по своему плану к поселениям дофеодального типа. Его высокая цитадель представляет в плане ромбическую форму, имеет более 1 га в верхней площадке и свыше 30 м длины своих крутых боковых скатов. Площадь примыкающего поселения охватывает центральное тепе полукольцом с восточной стороны, отделяясь от него широким логом, который мог быть использован в качестве рва.

К западу от тепе различались кое-где признаки старого поселения, но с большим трудом, так как запаханная территория была покрыта высокой пшеницей, а само тепе и оставшиеся под паром места густо поросли колючкой. Основание поселения, очевидно, относится ко времени задолго до VIII в., быть может к поре кризиса рабовладельческого общества в Средней Азии. Подъемный же материал из верхнего культурного слоя дает фрагменты керамики X—XII вв. В окрестностях Джумишказы-тепе на полях встречается такая же керамика, фрагменты стеклянной утвари и жженые продолговатые кирпичи (28×14×4 см), что служит несомненным свидетельством существования значительно большей площади, занимавшейся поселением в средние века. Окрестные жители утверждают, что при земляных работах они довольно часто находят в земле различные предметы старой утвари. К северу от современного кишлака имеется сухое ложе древнего магистрального арыка, и на его берегах видны следы двух хаузов.

Наличие здесь признаков позднейшего средневекового илакского городка несомненно. Допустимо предположить, что поселение Джумишказы-тепе представляет собой остатки илакского города Банджхаша или (учитывая передачу арабами иранского «п» буквою «б») Панджхаша¹⁰⁷. Единственным препятствием для такого отождествления служит указание, что Панджхаш находился на расстоянии двух фарсахов от Нукета и в одном фарсахе от Шавкета. Впрочем, принимая во внимание вообще большую искаженность в редакции дошедшего до нас дорожника Бинкет-Тункет, легко допустить случайную перестановку в показании промежуточных дистанций между этими пунктами и тем устранить, возможно, только видимое противоречие между данными археологического наблюдения и показаниями письменных источников.

Примерно в 2 км к юго-востоку-востоку от Джумишказы-тепе и в 250 м к северу от современной большой дороги высятся развалины, повидимому, некогда хорошо укрепленного замка, которые теперешнее население называет Катта-тепе или Манчай-тепе. Встреченные здесь немногочисленные фрагменты керамики можно относить к VII—VIII вв. Прямоугольное тепе состоит из центральной башни и двустороннего «шлейфа», причем к югу он опускается двумя уступами. С западной стороны, метрах в 80 от Катта-тюбе, расположены руины еще какого-то укрепленного строения. В районе этого тепе разбросано немало могильных курганчиков, причем довольно большая группа их находится в южном направлении, на расстоянии около 1,5 км от дороги. Другую обширную группу их мы встретили примерно в 1 км к югу от селения Уйшун, а отсюда до Уразаевки в разных местах удалось зарегистрировать 10 рядов или групп таких же курганных погребений.

Из Уразаевки, где расположены летовки конесовхоза, еще в 1928 году мне были доставлены ботаником П. А. Гомолицким собранные им фрагменты керамики X—XII вв.¹⁰⁸. При осмотре в 1934 году места их находки оказалось, что они в наибольшем количестве встречаются на искусственном, почти квадратном возвышении (180 X 190 шагов), расположенном перед въездом в усадьбу конесовхоза. Оно прорезано теперь траншеей, выкопанной ради хозяйственных нужд, пересечено тропами и в нескольких местах имеет следы древних ретиральных ям — бадрабов. В северо-восточном углу этой платформы, где земля бралась на усыпку пола в конюшнях, обнажился значительный культурный слой, в котором можно было наблюдать крупные камни от полов и оснований стен, средневековые жженые кирпичи, фрагменты стеклянной утвари, неполивной и глазурованной керамики X—XI вв. Из этого обреза нам удалось извлечь несколько фрагментов от средневекового кера-

мического переносного «очажка» («оштон» или «танурча»), который составляется из них почти целиком¹⁰⁹.

Тут же, кроме того, мы нашли несколько кусков глиняных предметов, напоминающих по форме как бы плоские, крупные противни до 55 см шириной. Дно их имеет толщину в 3,5 см; края с трех сторон приподняты над ним на 2 см, образуя бортик в 8,5 см ширины. Внут-

Рис. 33. Очажок из находок в Уразаевке.

ренние поверхности «противней» заметно прокопчены и даже прожжены на значительную глубину в связи с тем, что они клались на пол под переносный очажок или на них непосредственно лежало сжигавшееся топливо. На двух кусках таких «противней» оказалось по одному отверстию.

Все эти находки и общие археологические впечатления заставили прийти к заключению, что тут налицо остатки большой средневековой дехканской усадьбы.

Столичная илакская дорога проходила на расстоянии 1 км севернее Уразаевки. Здесь, примерно на долготе Уразаевки, нам удалось проследить на протяжении нескольких километров боковое ответвление хорошо разделанной древней дорожной магистрали, отходящей в северном направлении и характеризующейся большими искусственными выемками при пересечении с естественными увалами предгорий.

На отрезке столичной дороги от Уразаевки до современного селения Уваит лишь изредка встречались могильные курганы. Зато укрепление древнего городища у Уваита уже издали поражает и своим возвышенным положением и правильными очертаниями своего профиля. Расположено оно в основной своей части к югу от современного селения и называется Уваит-тепе или Старый Ханабад. Как мне говорили, в 1929 году, при земляных работах у городища, однажды натолкнулись на вкопанные в землю бревна, которые своим видом очень напоминали причалы для лодок, почему дехкане и сделали заключение, что некогда здесь было большое обилие воды. По преданию, старый Ханабад был разрушен калмыками.

Уваит-тепе имеет площадь менее 3 га, причем наиболее укрепленная и возвышенная часть обращена к югу в сторону долины. Древ-

нее поселение занимало территорию обширного современного кладбища, примыкающего к тепе с севера, и выходило за его пределы. Подъемный материал верхнего культурного слоя дал нам фрагменты керамики XI века. Кроме того, на кладбище встречены типичные продолговатые шашлакские средневековые кирпичи XI—XII вв. (28×14×5 см). Повидимому, развалины этого городища являются остатками средневекового Сакокета Ибн Хаукаля и Истахри, Шакокета по Худуд ал Алем или Шавкета Макдиси¹¹⁰. Под наименованием Шавкет этот пункт упоминается у Якута и у Самани¹¹¹. В современной географической номенклатуре Ахангерана имеется созвучное название Шавкет-сай. О средневековом Шавкете, равно как и об упоминавшемся выше Бандхаше, до нас дошла в письменных источниках только краткая характеристика их в Худуд ал Алем. Автор этого сочинения, указав, что оба городка принадлежат к илакским, отрекомендовал их как благоустроенные и процветающие¹¹².

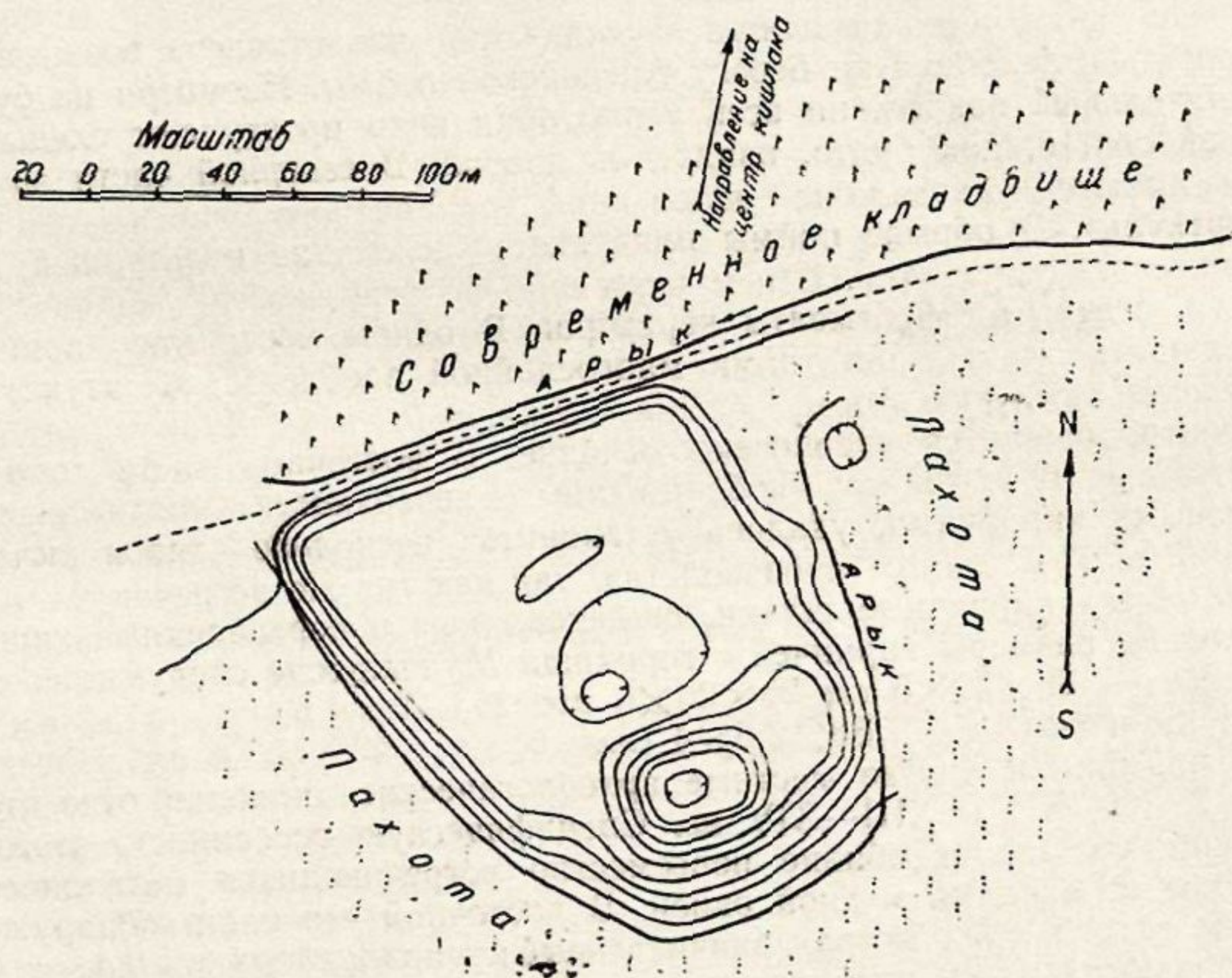

Рис. 34. Увайт-тепе близ селения Увайт.

Между Увайтом и селением Ханабад попадались лишь следы прежних арыков. Современное селение Ханабад или Канджигалы считается сравнительно новым. Мне пришлось слышать от местных жителей легенду, что когда старый Ханабад (то есть Секакет) после нашего вступления калмыков перестал существовать, жители его разбрелись по разным местам и перенесли на новые пункты своей оседлости наименование прежнего родного города, чем якобы и следует объяснить появление многочисленных одноименных селений на берегу Чирчика, в Фергане, по Сыр-дарье и в других местах. С восточной стороны селения находится урда времен кокандского владычества.

Большой интерес представляют остатки городища Мунчак-тепе, расположенного в 1,5 км западнее селения Канджигалы. Должно быть,

именно этот пункт привлек в 1893 году к себе внимание населения: в обрыве Ангреной террасы был обнаружен почти саженный культурный слой, содержащий в себе следы строений из жженого кирпича. Местные жители находили тут золотые и серебряные монеты и другие предметы. Тогда показывали одну пряжку из нефрита, которая была принята за греко-бактрийскую. Пряжка была очень изящной работы, с крючком в виде головы фантастического животного. Прилежащая местность описывалась как покрытая небольшими курганчиками, из которых проглядывали кирпичи, черепки посуды и обломки каменных плит¹³. 17 декабря 1908 года на заседании членов ТКЛА заслушивалось сообщение, что возле селения Ханабад, на берегу Ангрена, в местности «Мунгал-тепе», имеются развалины древнего города, где местные жители производят раскопки и находят разные древние вещи. Было решено просить об охране развалин от раскопок и хищений. Городище собирался посетить в 1909 году член кружка А. Д. Калмыков¹⁴. Повидимому, это намерение осуществлено не было.

Основная часть городища Мунчак-тепе представлена возвышенной площадью, лежащей на берегу Ангреной поймы. Несмотря на буйный растительный покров, на всей территории ясно проступают следы провалов стен и, как будто, квадратов дворов. В северной части за арыком имеются развалины небольшого квадратного укрепления типа «турткуль». В обрыве поймы привлекает внимание культурный слой мощностью свыше 4 м. В нем встречаются угли, кости, кирпичи, алебастр, стекло и фрагменты керамики. В одном месте мне пришлось наблюдать пласт с остатками многослойной алебастровой штукатурки, имевшей изогнутую форму и принадлежавшей, повидимому, много раз отремонтированной средневековой бане. В восточной части городища на мазаре, обложенном собранными с поверхности средневековыми жжеными кирпичами, удалось установить несколько типов кирпичей несомненно местного производства, так как тут же встречаются в разных местах кирпичные шлаки, ошлакованные и перекаленные кирпичи. Основные размеры кирпичей с городища Мунчак-тепе следующие: квадратные — $39 \times 39 \times 5$ см, $26 \times 26 \times 5$ см, $25 \times 25 \times 4,5$ см, $21 \times 21 \times 4$ см и продолговатые — $27,5 \times 12,5 \times 4$ (или 5) см, $22 \times 11 \times 4$ см. Фрагменты керамики и другие местные археологические находки относятся к IX—X, XI—XII и XIII—XIV вв. Специфическую особенность этого городища составляет обилие повсеместно встречающихся металлических шлаков со следами медной окиси. В восточной его части обнаружены, кроме того, в трех метрах значительные кучи шлаковых отвалов от бывших некогда здесь плавильных заводов. По непроконтролированным дополнительным раскопам и наблюдениям, плавка металла производилась здесь, повидимому, в XIV веке. Совершенно несомненно, что тут было крупное средневековое селение, которое являлось некогда центром металлического производства и смело могло стать кандидатом на звание городка — шахарака.

Где-то поблизости от этого места древняя столичная дорога переходила на левый берег Ангрена в непосредственной близости от Тункета. Еще недавно в половодье чаще всего пользовались переправой примерно в 2-х километрах восточнее Канджигалы — Ханабада у кишлака Курган. Не доезжая его, к северу от дороги можно увидеть десятки могильных курганов.

На этом пункте в сущности кончается дорожник арабских географов. Однако совершенно несомненно, что от Шавкета (Уваит-тепе) ответвлялась большая дорога, отходившая вдоль правого берега Ангрена в сторону Аблыка, которая не была предметом обследования 29 отряда

ТПЭ. Лишь из автобуса я видел на полупути между Ханабадом и Карахтаем обширную группу курганных погребений, так называемых «Минг-тепе», где население при раскопках находит предметы вооружения и домашней утвари. Не удалось вырвать время и для посещения самого селения Карахтай, диалект обитателей которого имеет ряд интересных особенностей. В быту его жителей, кроме того, сохранилось немало любопытных обычаев, совершенно чуждых окружающему населению. Как известно, кишлак Карахтай был при кокандском владычестве укрепленным селением, обнесенным стеной почти в 1,5 км с двумя воротами¹¹⁵.

Зато 29 отряду удалось проделать небольшой маршрут к северу от Шавкета в район месторождения Кайнара. Выселок Кайнар и одноименный источник расположены в предгорьях примерно в 10 км от Канджигалы — Ханабада. Здесь проходила оживленная горная дорога на Таш-

Рис. 35. Кай ар. Слева караван-сарай; справа гумбаз над источником.

кент из Ферганы, имевшая в XVIII и начале XIX вв. большее значение, чем пролегавшая через Той-тюбе, из-за упоминавшихся на последней трудностей. В то время родник Кайнар служил местом остановок караванов; там существовали придорожные сооружения из жженого кирпича. Сведения о них впервые привел еще в конце прошлого столетия в одном редакционном примечании Е. Т. Смирнов, ошибочно полагавший, что они находятся в ущелье Белеутты. Одно очень большое здание «с фронтоном и куполами» казалось ему похожим на медресе или дворец; другое он считал башней, выстроенной над родником с внутренним ходом наверх. Как он полагал, в памяти населения не сохранилось ни названия здания, ни имени строителя, ни времени постройки¹¹⁶. Должно быть, Е. Т. Смирнов сам в Кайнаре не был и примечание сделал по собранным им показаниям других лиц, чем и следует объяснить ряд неточностей в сообщаемых им сведениях.

В действительности в Кайнаре имеется два сооружения, из которых одно возведено в виде купольной ротонды — «гумбаза» — водохранилища питающегося из бьющего тут же источника и подробно уже описанной мной в другом месте¹¹⁷; второе — представляет собой типичный караван-сарай¹¹⁸. По показаниям некоторых местных жителей, караван-сарай и гумбаз построены по распоряжению кокандского правителя Малля-хана (1858 — 1862), по показанию других — Мадали-хана (1822 — 1842)¹¹⁹. Караван-сарай, или рабат, действительно следует отнести к сооружениям

последней эпохи кокандского владычества. Сложен он из жженого кирпича, имеющего размеры $26 \times 26 \times 5$ см и $27 \times 27 \times 5$ см. Фасадная часть покрыта затертыми с лицевой стороны облицовочными кирпичами $25 \times 25 \times 5$ см и $26 \times 26 \times 5$ см. На передний фасад, протяжением около 28 шагов, выходят 5 арочных ниш, из которых средняя является главным входом, имеет большие размеры и выступающие пилончики ложного пештака. По углам здания стоят две «гульдаста», то есть декоративные трехчетвертные башни. Кроме среднего помещения, являющегося одновременно и проходом во двор, справа и слева от него имеется еще по угловой комнате, из которых западная с уцелевшим куполом до последнего времени служила мечетью, а восточная, очевидно, использовалась под кухню, так как там устроен очаг с трубой в кладке стены. Во дворе, обнесенном с двух боковых сторон глухими стенами, вырыта яма для хауза и растут несколько деревьев. С задней стороны его когда-то было устроено для приема путников пять

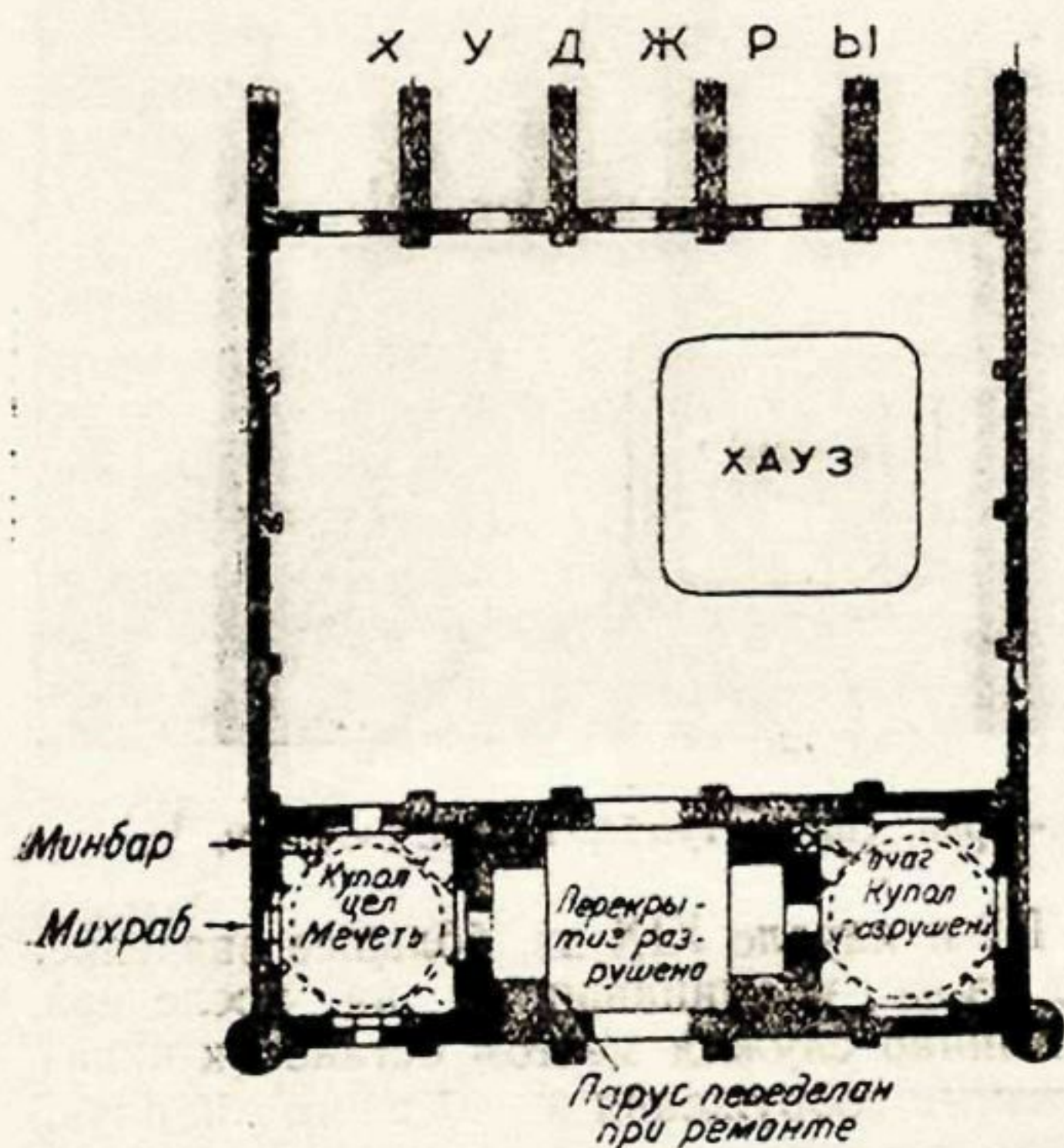

Рис. 36. Схематический план караван-сарая в Кайнаре.

худжр, ныне совершенно разрушенных. Мне кажется, что гумбаз над источником был построен несколько раньше рабата. В основной кладке гумбаза имеются более древние кирпичи, может быть взятые из развалин когда-то прежде бывшего здесь здания. Кирпич, очевидно, обжигался на месте, поскольку в кладке основания купола есть спекшиеся куски шлаков из хумдана и ошлакованные кирпичи. Наконец, на гумбазе можно усмотреть следы нескольких разновременных ремонтов. Очень возможно, что тут и в средние века было место промежуточной остановки, хотя мы смогли усмотреть только два курганчика и следы копания у селения Кайна-

ра, да большой холм с крупными каменными плитами в насыпке, расположенный к югу от гумбаза и к западу от дороги на возвышенности, занятой мусульманским кладбищем. Несомненно лишь, что через Кайнар проходил большой торговый путь, не уминаемый письменными источниками, но заслуживающий вполне звания «столбовой» столичной дороги.

На это обратил наше внимание начальник 18 отряда ТПЭ Б. Н. Наследов. Дорога подходит к Кайнару со стороны Тункета, сделав в одном километре от гумбаза резкий поворот под тупым углом; она характеризуется прямолинейной трассировкой и глубокими выемками в пересекаемых ею естественных складках предгорий. Широкая, хорошо разделанная, плотно убитая, она была легко прослежена нами и в северном направлении протяжением почти на 15 км. С водораздела мы видели ее далеко уходящей в сторону Паркента. В свое время на ее сооружение

потребовалось немало труда. В некоторых местах для предохранения от размыва она пропущена не по возможному месту на склоне ущелья, а по специальной вырезанной в его толще выемке. Многочисленные глубокие выемки в небольших естественных грядах, которые дорога пересекает по поверхности плато, достигают в откосах до 10 м и при прямолинейности пути дают с некоторых пунктов интересную перспективу, проектируясь одна на другую и обозначая ее направление далеко впереди находящимися прорезами. В трудных местах на подъемах и спусках для придания соответствующего наклона сбивались скалы. Несмотря на то, что эта горная дорога давно заброшена, она на значительных отрезках до сих пор вполне доступна даже для автотранспорта и производит очень сильное впечатление.

При проезде по этой «столбовой» илакской горной дороге, несколько южнее ее, на правом берегу Белеутты-сая в дувалах выселка мы обнаружили вмазанные черепки керамики времени до VIII в.

Часть былой средневековой дорожной сети мы имели возможность установить и наблюдать западнее Кайнара. В 3 км от него в селении Джурабай встречены были два расположенных рядом холма, являющихся остатками былых построек, причем к западу от них виднелись еще следы как бы оплывшего здания.

Большой интерес представили остатки старины в селении Ходжибай, километрах в четырех от Кайнара. Через него с севера на юг проходит древняя, хорошо разделанная дорога, которая в северном направлении была прослежена нами до Таш-кишлака. С восточной стороны селения Ходжибай к нему примыкает тепе, имеющее правильную планировку своих нескольких укрепленных площадок и высокую платформу основания цитадели. Прежнее поселение было разбросано на возвышенности, примыкающей с восточной стороны к тепе, и на территории современного селения, так как в стенах его сакель встречаются черепки глиняной утвари. Место для тепе выбрано очень укромное. Расположенное в ложине, оно, несмотря на свою высоту, издали совершенно не было видно. Должно быть, в качестве собственного наблюдательного пункта использовался курган (первоначально, возможно, могильный по своему происхождению), находящийся с восточной стороны от тепе на самом гребне высокой естественной складки. Немногие найденные нами мало-выразительные фрагменты керамики у селения Ходжибай нельзя отнести ко времени позднее VIII — IX вв. Самое тепе могло служить замком одного из илакских феодалов или, что менее, пожалуй, вероятно, использовалось в качестве укрепленного придорожного рабата.

От большой дороги, проходящей через кишлак Ходжибай, с севера на юг в западном направлении отходит ответвление, которое и пересекает третью древнюю дорогу почти меридионального направления, приведшую нас к развалинам средневековой усадьбы у упоминавшегося выше конесовхоза.

МАРШРУТ ТОЙ-ТЮБЕ — ПСКЕНТ — КЕРЕУЧИ

Установленный после присоединения Средней Азии к России почтовый тракт между Ташкентом и Ходжендом в южной своей части был проложен по древней, веками наезженной трассе, о чем можно судить по целому ряду признаков, особенно в степной безводной его части. В известном смысле столичную дорогу из Нукета в Тункет можно рассматривать как боковое ответвление от Той-тюбе—этого важного торгового пути, основная магистраль которого шла по прежнему направлению на юг к городу Бискету.

На этом отрезке в 2 — 3 км от Той-тюбе, с дороги в западном направлении на расстоянии около 1,5 км, виден силуэт как бы искусственно насыпанной платформы городища. Далее, в разных местах, но чаще всего с западной же стороны, встречаются группы могильных курганов, иногда вытянутых цепочками в направлении с юго-запада на северо-восток. Перед самым спуском к Ангрени, к западу от дороги вдали вновь заметен абрис как бы древнего городища, которое может быть и неверно назвали нам именем Джумышказы-тепе.

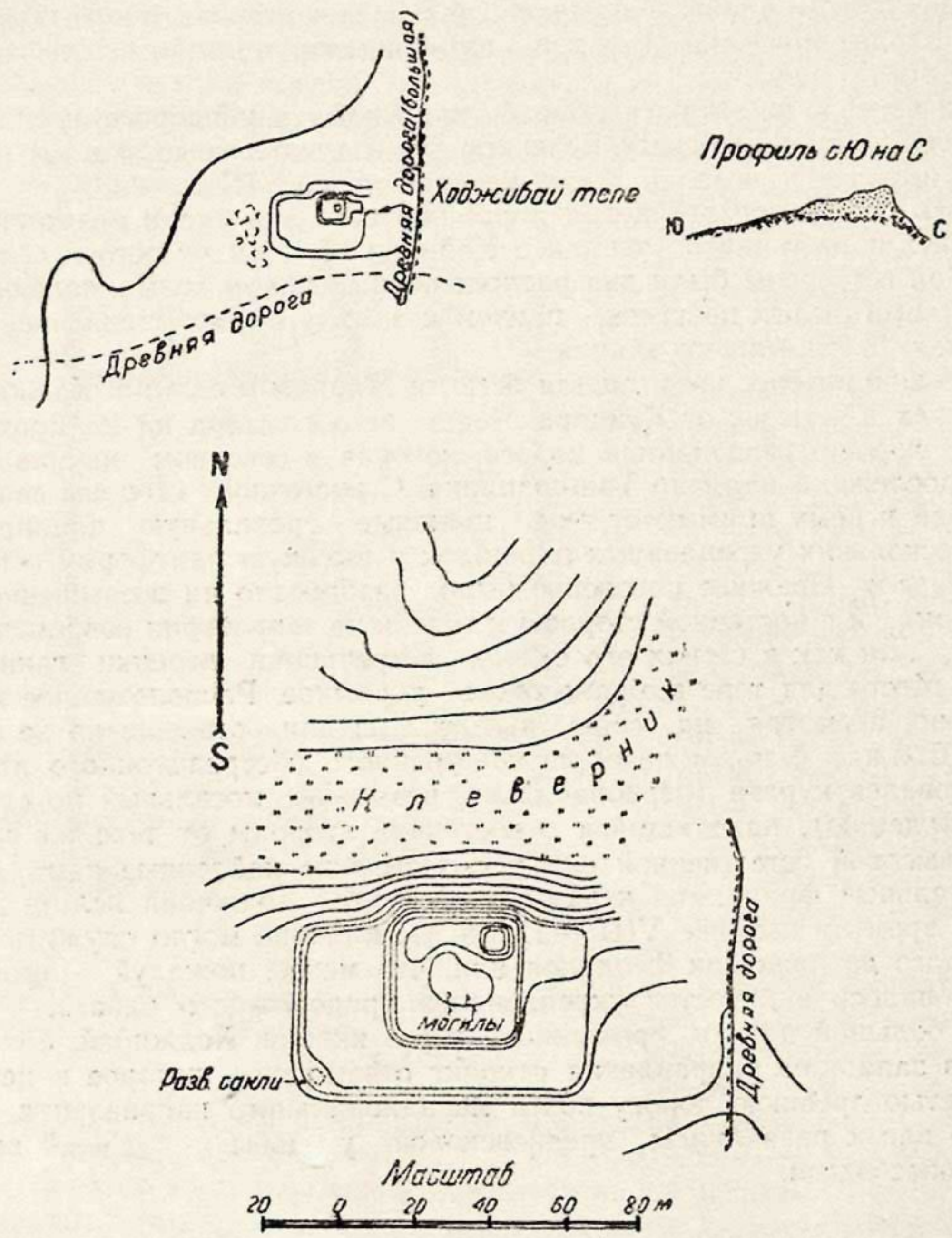

Рис. 37. Тепе в Хаджибай-кишлаке.

Пскент, или Бискет, расположен на лёссовой платформе, вырезанной из общей террасы между Чирчиком на западе и горами на востоке двумя руслами Ангрена. Название селения старики объясняли нам как искаженное Бисткент, то есть «Двадцать селений», утверждая, что под этим наименованием оно давно уже значилось в государственной «тимур-дафтар», то есть «железной тетради»¹²⁰. Жители знают, что Бискет — старый город, но по-разному определяют его возраст. Одни считают,

что он основан таджиками при шейбаниде Абдулла-хане бухарском, то есть в XVI веке¹²¹. Другие утверждают, что старая его цитадель построена неким падшой Махмудом, жившим около 800 лет тому назад. Подлинная же история Бискета никому не известна и наукой еще не выяснена.

Пскент растет в северном направлении, а площадь старого города расположена в его южной части. С восточной стороны здесь находится холм Пушти-Махмуд (или Мамед), иначе называемый Бала-пушти, служивший якобы крепостью легендарного падша Махмуда. Его искусственно расширенная площадь едва поднимается над общим горизонтом и со всех четырех сторон окружена большими оврагами. С восточной стороны имеется возвышение, служившее в свое время для устройства на нем добавочного укрепления и наблюдательной башни. На Пушти-Махмуд нередко находки разных предметов утвари и монет. В 1906 году здесь был выкопан крупных размеров глиняный хум, наполненный сгнившим просом¹²². В 1921 году тут же был найден виденный мной целый глиняный чираг зеленой поливы XII века. В обрывах насыпи встречаются осколки стеклянной посуды, фрагменты глиняных кувшинов, так называемых «симобкузача», хумов, казанов и другой посуды XI — XII вв.

К западу от Пушти-Махмуд видны следы стен крепостного типа с угловыми и промежуточными выступами, сложенных из пахсы и забитых внутри всяким мусором. В одном месте в кладке стены были замечены керамические шлаки. В стене встречаются черепки того же возраста, что и на Пушти-Махмуд, но есть в небольшом количестве и более поздние — XIII — XIV вв.

Старым Бискетом население считает территорию, занятую Искиурда-махалля, Сакко-махалля, Базарбаши и пустующим местом Бардан-курган. Между Сакко-махалля и Базарбаши показывают место бывших ворот — дарваза. За ними, по ту сторону оврага, заполненного стоячей водой и служившего прежде рвом, начинается большое старинное мусульманское кладбище. Южнее виден высокий бугор Ак-тепе, служивший, якобы, сторожевым и сигнальным постом для зажигания на нем в случае опасности огня. В степи же, к юго-юго-западу от упомянутых дарваза, высится бугор Бузган-ата с одноименным мазаром.

По письменным источникам, Бискет как город известен с X в. Остатки материальной культуры позволяют судить, что жизнь в нем продолжалась после того в течение нескольких веков. Пскент упоминается и литературными источниками еще в XVI в. Он фигурирует в Бабур-наме при описании событий, разыгравшихся в процессе борьбы Бабура с Шейбани-ханом в 907 г. х. (1501/2 г. н. э.)¹²³. Позднее, по Абдулла-наме в 1579 году он был занят отрядом Баба-султана, который отступил отсюда без боя при приближении войск Абдулла-хана. Повидимому, в конце XVII — в первой половине XVIII вв. в жизни Пскента, как крупного селения, произошел перерыв и он даже пришел в упадок. Вероятно, с конца XVIII столетия начался новый этап подъема, с которым и связана вся его скромная «живая старина», относящаяся уже ко времени кокандского владычества. Показателем длительного промежутка запустения служит отчасти полное отсутствие старых мазаров, столь типичных для древних среднеазиатских городов¹²⁴. Не сохранилось на поверхности и старых зданий и надгробных камней с эпитафиями.

Возведенные при кокандском владычестве стены вокруг тогдашнего Бискента были еще в сравнительно хорошем состоянии к половине прошлого столетия. В 1865 году при занятии селения царскими войсками

городские стены с трех сторон оказались исправными и только с четвертой в нескольких местах имелись обвалы¹²⁵. Судя по немногим уцелевшим от них остаткам, городские стены были сложены из восьми рядов пахсы. С северной стороны в стене при нас сохранились еще остатки «джухахана» — полукруглой башни, использовавшейся как подворотня, а прежде, будто бы, служившей складом ручного оружия. По нашим опросным сведениям стариков, при кокандцах было четверо городских ворот: южные назывались Чукуррак-дарваза, восточные — Кереучи-дарваза, северные — Ташкент-дарваза и западные — Беговатили Бука-дарваза. Внутри стен помещались, между прочим, махалля Майлябад и Тигерманбаши. В первые годы после завоевания города царскими войсками он делился, по официальным данным, на четыре части: Саккал, Бекабад, Майлиабад и Балапушта и насчитывал 7945 жителей¹²⁶.

Из Пскента главная дорога, которой селение в значительной степени обязано своим оживлением и по которой проложен был почтовый тракт, идет попрежнему в южном направлении, а в сторону Тункета имеется несколько ответвлений. Верхняя дорога проложена на восток в широтном направлении почти по гребню Пскентской лёссовой платформы к ее стрелке, у которой находится кишлак Кереучи. Безводная местность, прорезанная кое-где суходолами, усеяна большим количеством курганных погребений разных типов и чаще небольшого размера, образуя скопление «минг-тепе». Изредка среди них встречаются сравнительно крупные курганы, которые на фоне неба в искаженной перспективе при наличии вблизи ряда маленьких курганчиков кажутся похожими на тепе с башенным возвышением. В восточной части платформы, километрах в полутора от дороги к югу, виднеется прямоугольная площадь с курганом посередине, обнесенная валом и как будто рвом. Этот турткуль местные жители именуют Қарахтай-тепе или просто Иски-кишлак. При приближении к Кереучи курганные погребения начинают редеть и почти исчезают у развалин Катта-кургана, то есть собственно крепости Кереучи, которая находится на южном крае лёссовой террасы к западу от одноименного селения. Население связывает ее с именем кокандского временщика Якуб-бека, бывшего в середине прошлого столетия комендантом крепости Ак-мечеть (позднее Перовск, затем Кзылорда) и ставшего после того правителем созданного им мусульманского государства в Восточном Туркестане. В данном случае Бадавлет Якуб-бек фигурирует в памяти населения без достаточных к тому оснований¹²⁷. Последним комендантом крепости Кереучи был Рустам-бек, при котором осенью 1865 года и произошло ее занятие царскими войсками. Несмотря на то, что крепость оставлена менее ста лет назад, она пришла чрезвычайно быстро в упадок и видом очень напоминает старые развалины. Время быстро сnivelировало ее внутреннюю площадь, и только по оплывшим земляным валам, оставшимся от крепостной наружной стены, да по двойному кольцу рвов можно представить, что прямоугольная крепость была вытянута с северо-востока на юго-запад и с короткой западной стороны имела три башенные выступа, от которых в виде жалкой руины сохранилась только южная угловая бурджа с амбразурами для крупных ружей крепостного типа, джазаир или салышкан.

На территории Катта-кургана нами встречены по преимуществу фрагменты керамики XIX столетия, когда возможно и было устроено кокандским правительством это укрепление на месте уже ранее бывшего здесь кургана. Из дошедшего до нас описания крепости в середине прошлого столетия известно, что периметр ее стен был от 200 до 250

сажен, что высокие глиняные стены внизу имели до 4 аршин толщины, а вверху $\frac{3}{4}$ аршина, что в них было устроено двое ворот и что со стороны, обращенной к Ташкенту, были сделаны для усиления обороны еще два вала, обрытые глубоким рвом. Внутри крепости строений было мало и они состояли из дома коменданта и помещений для военнослужащих. В мирное время кокандский гарнизон состоял из 100—150 человек при одной пушке¹²⁸.

К юго-западу от крепости в лёссовом обрыве над большим арыком имеется пещера, ход в которую ведет как бы через сакельную комнату-тамбур, сложенную из сырцового кирпича-маломерки нового типа. Перед дверью вырыта яма для преграждения доступа внутрь дикобразам. Крышу тамбура поддерживают четыре деревянных столба. В северной изогнутой по дуге стене устроена ниша для чирагов, и тут же на приколе висели листы печатных коранов. Рядом находится и лаз в пещеру, которая на протяжении 32 шагов имеет ширину 2,70 м и идет в северо-западном направлении, а затем поворачивает на запад и в 7 м от поворота оказалась прегражденной завалом. По словам жителей, засыпка произведена недавно, чтобы прекратить доступ в имевшуюся в конце коридора комнату. Рядом были расположены еще две пещеры меньших размеров, почти совершенно уничтоженные обвалом лёссового обрыва. Все эти жилые пещеры, повидимому, недавнего происхождения. Около них растет несколько карагачей и талов приблизительно шестидесятилетнего возраста, а сверху на возвышенности видны остатки стен, сложенных из кирпича позднего времени.

К северо-западу от Катта-кургана, на обрыве к пойме Ангрена, стоит Чуллюк-тепе, к западу от которой разбросана группа мелких курганчиков. На поверхности здесь встречаются дофеодалные неглазурованные черепки.

Восточнее Катта-кургана, в пойме Ангрена, лежит селение Кереучи или Магал. Первое наименование нам объяснили как искаженное «Кель-аучи» — приходи охотник, так как в этом месте раньше было настоящее охотничье эльдорадо. Зимой 1829 года при прохождении здесь русского посольства в Коканд Н. И. Потанин отметил наличие двух населенных пунктов по имени «Крейучи». Первый представлял собою селение, окруженное стеной с тремя воротами и имевшее до 80 домов и около 300 жителей. Караван посольства миновал это селение, среди которого якобы протекала река «Ангора», под чем следует, конечно, понимать головную часть крупного магистрального канала. Ночевало же посольство в городе Крейучи, находившемся у небольшого ключа и обнесенном глиняной стеной с двумя воротами. В нем имелось до 200 домов с одной мечетью и насчитывалось до 600 человек мужского пола, из которых 200 являлись служащими. Таков был свыше ста лет назад административный центр Кураминского района, во главе которого находился правитель в чине датха, управлявший оседлым населением в 1000 человек мужского пола¹²⁹.

После Кереучи дорога переходит через широкую пойму южного, когда-то главного, русла Ангрена в сторону Ширабада. Последнее название, как выяснил В. Д. Жуков, является сборным для следующих восьми пунктов: Алмалыка, Накпая, Суйры-тепе, Таш-кишлака, Думалыка или Шика, Янги-кургана, Кайсара или Иски-кургана и Аулиэ-ата. Данные археологического наблюдения по Алмалыку, полученные 29 отрядом ТПЭ, уже были приведены и опубликованы в другой работе¹³⁰. Следуя же по левому берегу Ангрена вверх по течению, мы встретили крупное скопление курганных погребений «минг-тепе». Оно тянулось по водоразделу между Алмалык-саем и Накпай-саем, главным образом

вдоль левого берега последнего на протяжении свыше 2 км почти до обрыва к пойме Ангрена. Меньшая группа таких же курганов имеется и на правом берегу Накпай-сая. Никакой строгой планомерности в их взаимном расположении нет, если не считать, что, занимая по преимуществу гребни естественных складок, они оказываются часто вытянутыми вдоль них, образуя как бы цепочку.

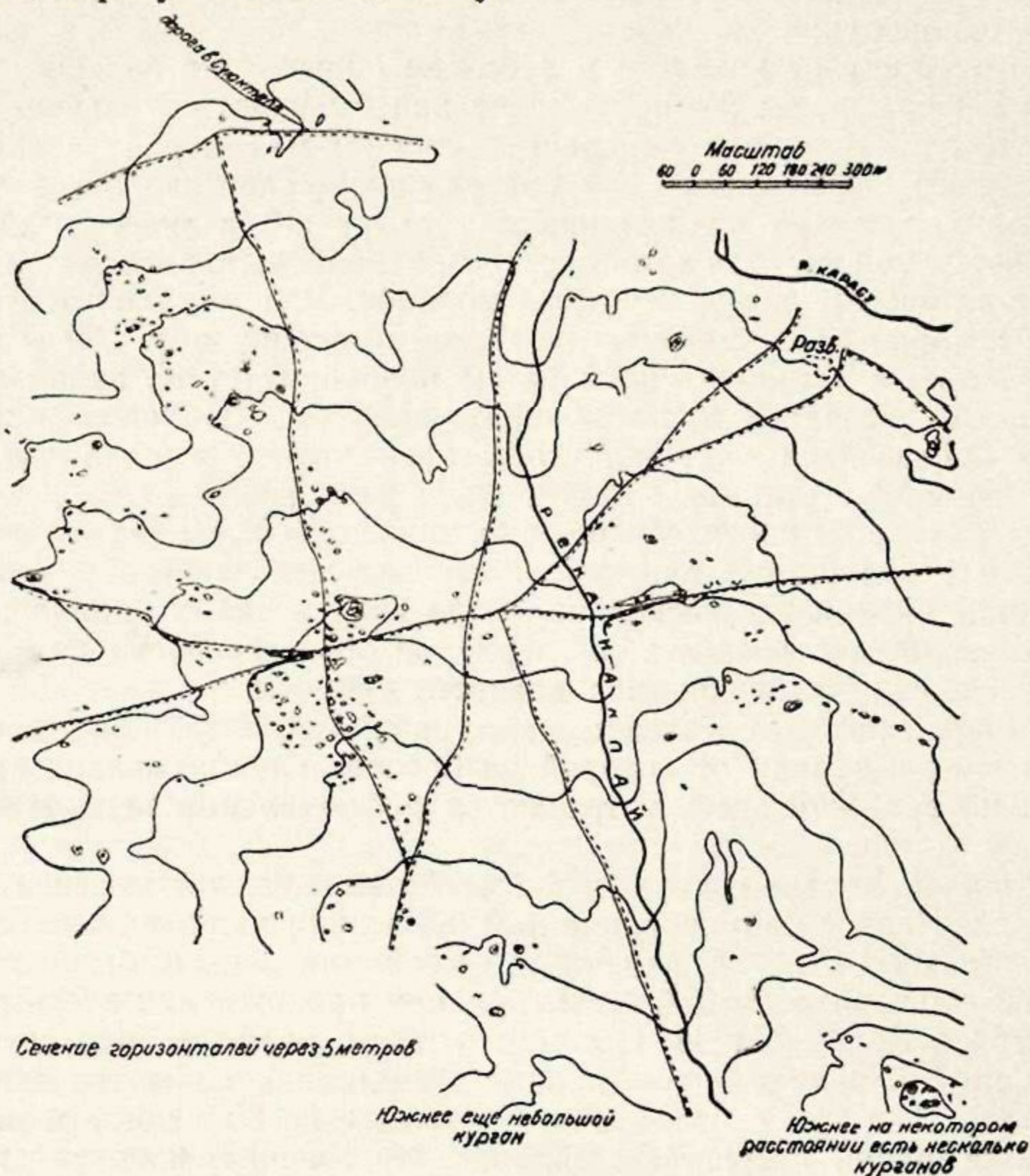

Рис. 38. Группа могильных курганов по нижнему течению Накпай-сай.

Находящийся в низовьях Накпай-сая современный Таш-кишлак расположен, безусловно, на обжитом в древности месте. Здесь видны остатки русла бывшего арыка крупных размеров, дно которого значительно выше поймы Ангрена, а голова, судя по рельефу, не могла отстоять далеко отсюда. К северо-западу от Таш-кишлака, примерно в $\frac{3}{4}$ км, над поймой долины расположены развалины небольшого укрепления Суйюк-тепе около 100 м в поперечнике. Его донжон расположен в северо-восточном углу, причем западный склон занят современным мусульманским кладбищем. Тут с развалившейся сакельной постройки нами была взята половина каменной зернотерки. Немногие найденные на поверхности тепе и прилежащей всхолмленной местности черепки неглазурованной глиняной посуды относятся к поре кризиса рабовладельческого общества или ранней поре зарождения феодальных отношений.

Далее, вдоль обрывистого берега поймы, на расстоянии примерно 1 км одна от другой, расположены развалины еще трех тепе: Думалык-тепе около кишлака Шика, Кайсар или Иски-курган и Ак-тепе. Встре-

чающийся на Кайсар-тепе керамический материал позволяет предположить, что это укрепление вторично было использовано в XVI—XVII вв. К юго-западу от него лежат развалины Янги-кургана. Находящийся внутри него кишлак был обнесен при кокандском владычестве для защиты от набегов кочевников — казахов высокой глинобитной стеной, имевшей в плане форму вытянутого с востока на запад прямоугольника с четырьмя угловыми башнями и двумя башенными бурджами посередине длинных сторон. Двое ворот помещалось в коротких сторонах прямоугольного укрепления, которое носит также название Ляйляк-кургана, то есть «крепость аистов», названного так благодаря большому числу аистовых гнезд, примостившихся на высоких фестончатых зубцах стены.

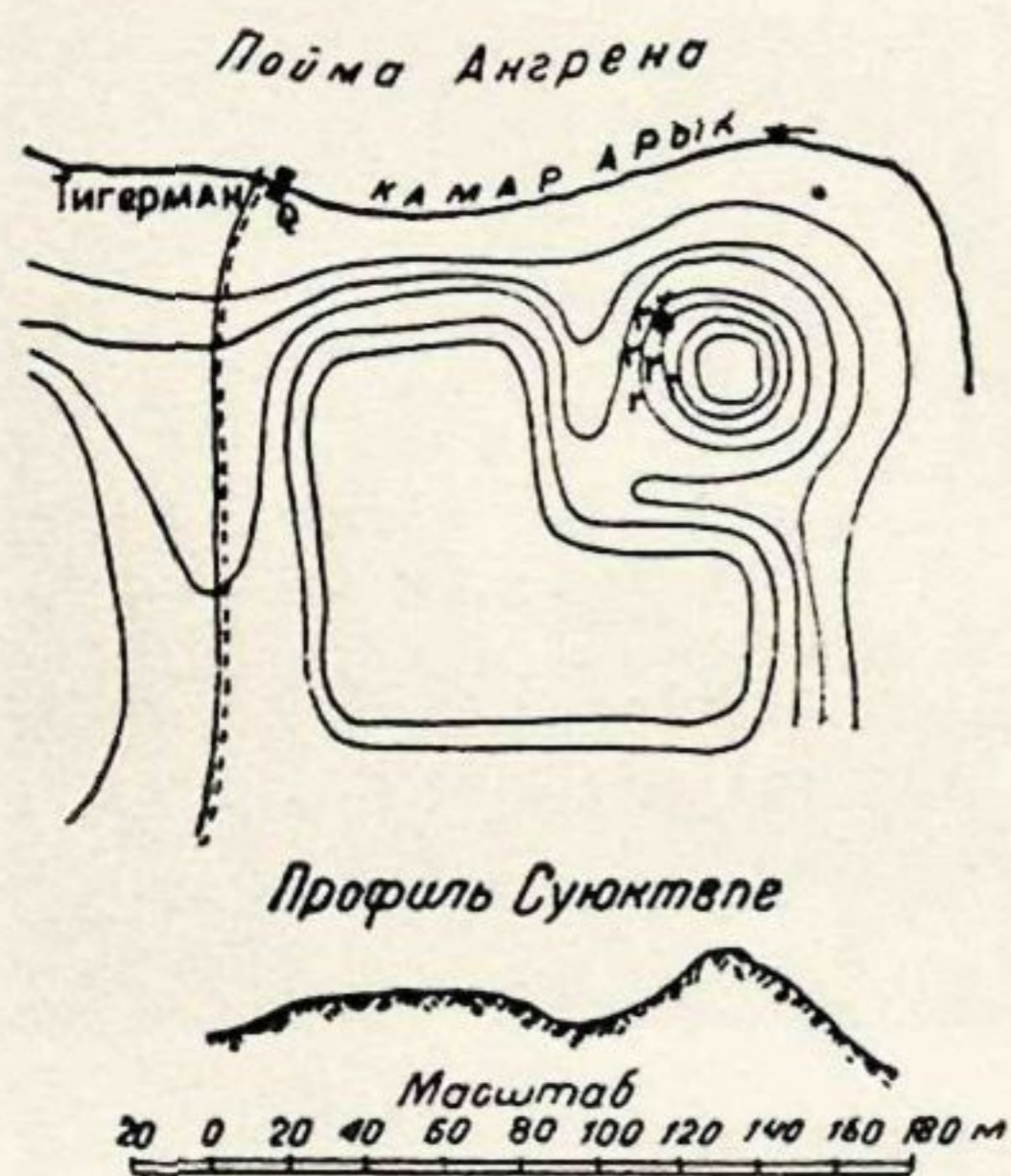

Рис. 39. Суюк-тене близ Таш-кишлака.

ное от скалы как бы неправильной формы столбом. Этот камень давно уже сделался предметом культа со стороны окрестного населения. Для исцеления разных недугов, а также для предупреждения проявления бешенства при укусе взбесившимися животными опекавшие мазар шейхи предлагали пациентам, после совершения по установленному ритуалу зиарата, трижды протиснуться в щель святого камня, получившего прозвище «Парпа-ата», то есть «отец пары». Мазар этот пользовался большой популярностью и приносил большие доходы эксплуатировавшей его группе шейхов, проживавших в сложившемся тут же кишлаке по имени Аулиэ-ата, то есть «святой отец». Этот мазар является примером пережитка одухотворения и почитания камня, на протяжении многих столетий сосуществовавшего с исламом. Мазар Парпа-ата подробно изучался В. Д. Жуковым.

В $\frac{1}{2}$ км к западу от кишлака, возле которого расположен мазар Парпа-ата, имеется небольшая возвышенность со следами остатков каких-то зданий. К югу от дороги, в предгорьях, по склонам одного далеко выступающего отрога, мы видели следы копания и провалов. Получились ли они в результате производства каких-то горных работ или являются остатками полуземлянок полукочевников, можно будет решить только после археологического вскрытия.

От мазара Парпа-ата до Тункета вдоль берега имеется несколько пунктов со следами древней оседлости. Ближе к Тункету к северу от дороги находятся развалины еще одного укрепленного кишлака Джан-

С возвышенной части Ак-тепе, где выкопано несколько ям для хранения зерна, был собран небольшой керамический материал, относящийся, повидимому, к VII—VIII вв. (отдельные черепки, может быть, и более ранние), и один поливной фрагмент XI столетия. В обресе склона мне удалось разглядеть следы кладки из сырцовых кирпичей размерами $40 \times 21 \times 10$ см, причем в основании лежали окатанные камни.

Несколько далее к пойме Ангрена подходит вплотную скалистый отрог в виде отдельно стоящей горки. В основании ее палеозойский известняк оказался причудливо размыт некогда проходившей здесь рекой, образовавшей небольшое сквозное отверстие, отделен-

габад, по типу схожего с Янги-курганом, но меньшего размера и лучшей сохранности. К югу от дороги тянется сухое русло большого древнего арыка Имлак. Вдоль предгорий, начиная от упоминавшегося минг-тепе у Нарпая, почти до Тункета, в направлении с севера на юг и с северо-запада на юго-восток, несколько раз встречались небольшие группы погребальных курганчиков, одна из которых, вытянутая цепочкой, вполне подходила к существующему у населения термину «джетты-тюбе», так как даже число составляющих ее курганов равнялось как раз семи.

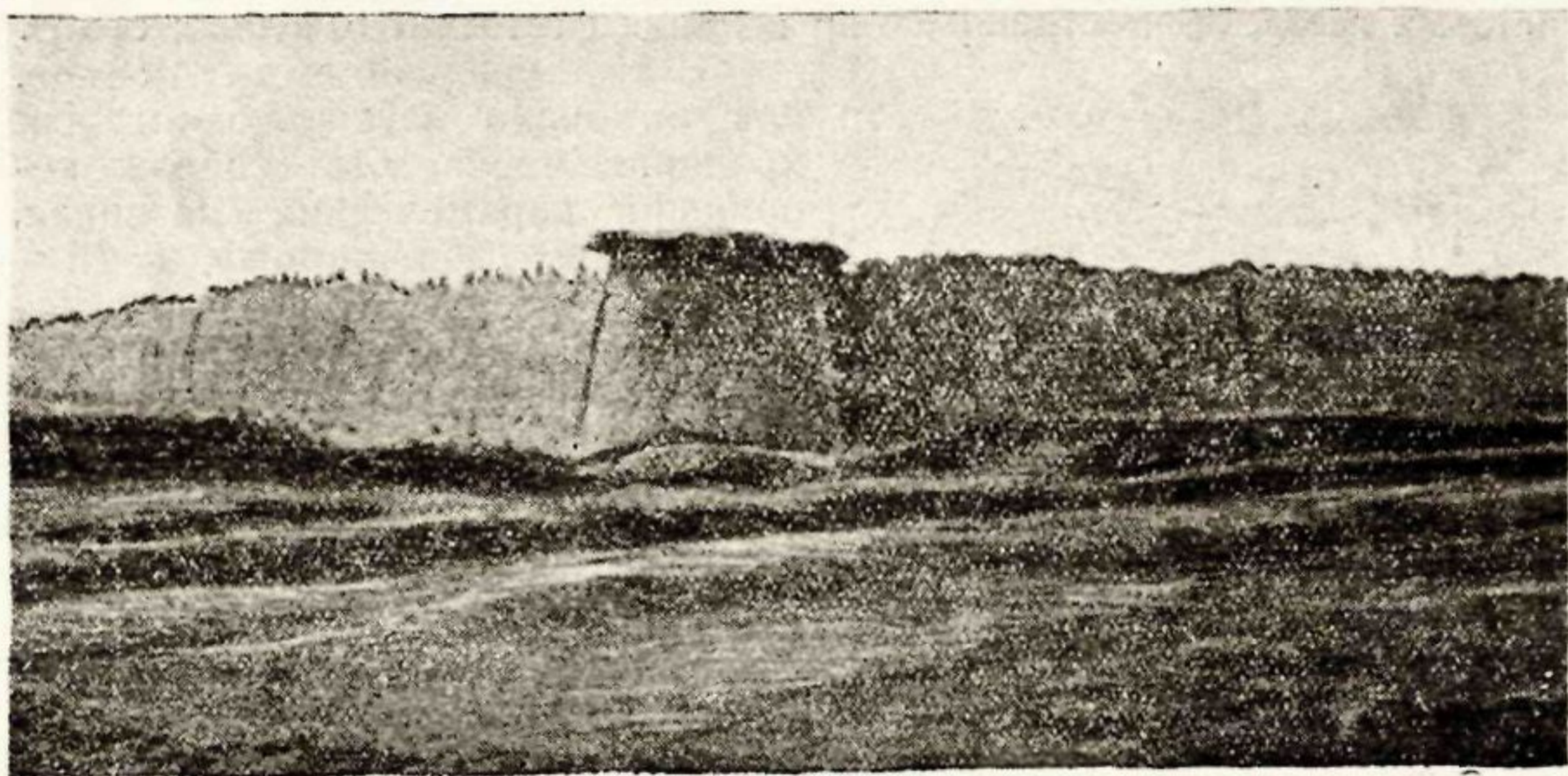

Рис. 40. Развалины Янги-кургана.

Пересекая широкое русло Саукбулак-сая в 4 км восточнее мазара Парпа-ата, дорога вступает сразу же в пределы территории Тункета.

ТУНКЕТ — ИМЛАК.

История обнаружения и изучения Тункета

Почти девять веков прошло с того времени, когда современные письменные источники упоминали в последний раз о столице области Илак — Тункете, как о живом городском организме. Превратившийся вскоре в развалины, этот город разделил участь многих других среднеазиатских центров: из памяти населения исчезло истинное представление о былой действительности, прошлое оказалось обвитым вымыслом легенд, а за скелетом городища не закрепилось даже прежнее собственное имя.

Некоторые неясные сведения о развалинах какого-то крупного города в Ахангеране впервые проникли в европейскую литературу более шестидесяти лет назад. «Слышал я также, — писал в 1873 году А. П. Хорошхин, — что и за рекою Чирчиком в Кураме был когда-то большой город, называвшийся будто бы тоже Ташкентом; но мрак, сгустившийся над этим событием, окончательно непроницаем»¹³¹. В 1896 году со слов местных жителей сообщалось, что в нескольких верстах от кишлака Теляу есть любопытные остатки городища, ископанного местными кладонскаателями. Там находили много монет, разных сосудов и в том числе были выкопаны две большие корчаги, из которых одна была якобы

наполнена человеческими черепами, а другая пеплом¹³². 3 июня того же года на очередном заседании кружка было постановлено собрать более подробные сведения, наряду с Пайкендом и Шахристаном, о городе Тункете в долине реки Ангрена¹³³. Как явствует из отчета о деятельности ТКЛА за первый год его существования, правление что-то предпринимало в этом направлении¹³⁴. Но результаты, видимо, оказались мало положительными, так как В. В. Бартольд, внимательно следивший за всей деятельностью ТКЛА, в 1900 году писал, что «определить местоположение главного города Илака, Тункета, очень трудно»¹³⁵. Невозможность «к несчастью даже отыскать Тункет, столицу» отметил несколько лет спустя и Гюи ле Стрендж¹³⁶.

В 1925 году участникам работ по составлению десятиверстной геологической карты Карамазара пришлось слышать предание, что на левом берегу Ангрена, в области впадения в него речки Ургаз, в древности существовал большой город, который жители называли Имлак. Как отмечалось в 1926 году, «никаких следов построек на его месте теперь не видно, но будто бы заметны следы двух водоемов и в лёссовой почве встречаются правильно обделанные плиты горных пород»¹³⁷. И в заключение в том же году было высказано очень правдоподобное предположение, что ничего не будет странного, если Тункет окажется на этом месте¹³⁸. Существенный корректив в указание подлинного местонахождения развалин в устье Саук-сая (следующего за Ургаз-саем — левого притока Ангрена) внесла карамазарская геологическая партия Б. Н. Наследова, один из работников которой, П. И. Князев, проездом через Имлак в 1928 году отметил там наличие двух крупных куч металлических шлаков.

Так постепенно шло и подготовлялось научное освоение загадочного городища.

Когда в 1929 году по поручению Среднеазиатского отделения Геологического комитета мной была произведена археологическая рекогносцировка Карамазарского участка, то попутно осуществлено предварительное изучение развалин Имлака, сделана компасная глазомерная съемка всей их территории, собран кое-какой подъемный материал и получен ряд наблюдений историко-топографического и археологического порядка. Сопоставив все это с немногими данными письменных источников, я пришел к определенному выводу, что руины принадлежат остаткам именно средневекового Тункета¹³⁹.

Данные письменных источников

Трудности в установлении Тункета, которые вскользь отметили В. В. Бартольд и Г. ле Стрендж, заключаются не только в отсутствии данных о столице Илака в источниках доарабского завоевания и в малом количестве подробностей у средневековых восточных авторов, но особенно в необычайной их противоречивости¹⁴⁰. Последнее обстоятельство в значительной степени объясняется искажением в силу различных причин дошедших до нас исторических текстов. Среди них собственно нет ни одного, который не вносил бы какой-нибудь неточности или путаницы в приводимые сведения о Тункете.

В известной мере это может быть объяснено недостаточно характерным начертанием его наименования — ¹⁴¹ *تونكت* и *تنكت* — что при особенностях арабской транскрипции и неточном воспроизведении диакретических знаков при переписке приводило к неправильной огласовке. Отсюда началось смешение с другими городскими пунктами, затем возникли попытки путем дополнительного комментария устранить получившуюся неясность, что в результате привело к

еще большей путанице, в которой не всегда удается уловить их изначальный истинный смысл. Словно по какой-то роковой случайности искажение собственного имени города имеется и на легендах одной группы монет, где вместо *تونكتا يلاق* ~~бито~~ *تونكتا ايلاق*¹⁴².

Возможно причины какого-то иного порядка обусловили неточность в географическом определении местонахождения Тункета, который мусульманские авторы, следуя системе большинства классических географов древности, деливших мир на семь климатов¹⁴³, относили к крайней оконечности пятого климата, на грани с шестым. Повидимому, главный город Илака носил иногда имя области, или, вернее, по его первоначальному наименованию получила позднее название сама область, чему примеры известны и по другим районам Мавераннахра. В средние века, когда столица начала именоваться Тункетом, может быть только в официальном употреблении и в отличие от иных одноименных пунктов, в обиходе сохранились оба термина, как это нашло отражение, между прочим, и на монетах, легенды которых отмечают в качестве места чекана—Тункет, Тункет—Илак и Илак. Как приведено у Якута, а с его слов и у Абу-л-Феда, существовали город Илак в окрестностях Нишапура и, кроме того, одноименное же бухарское селение (قرى) Илак¹⁴⁴. Но в письменных средневековых источниках нигде не содержится сведений о наличии двух Тункетов — одного шашского, а другого илакского, как явно ошибочно допускал в свое время О. П. Эрдманн¹⁴⁵.

Географические координаты ангреновского Илака приведены у Бируни (XI век)¹⁴⁶, а Тункета—в «Книге долгот» неизвестного автора, данные которых упомянул в своем компилятивном труде Абу-л-Феда (XIV в.) и которые для общей ориентировки интересно сопоставить с координатами Бинкета, поскольку положение последнего на месте Ташкента можно считать совершенно точно установленным.

Т а б л и ц а 3

	Б и р у н и		К н и г а д о л г о т		Современное определение	
	λ	φ	λ	φ	λ	φ
Бинкет	89°10'	42° 30'	90°	41° 20'	38° 57' 58	41° 19' 32''
Тункет	—	—	91° (или 89°)	43°	—	—
Илак	89°10'	43° 20'	—	—	—	—

При анализе этих данных необходимо иметь в виду, что восточные географы проводили первый меридиан через западный берег Африки, но чаще, как и в данном случае, следовали Птолемею, считая за меридиан долготу острова Счастливого в группе Канарских островов. Что касается широтных данных Бинкета — Ташкента, то в «Книге долгот» они довольно близки к истине. Положение же Тункета определено с большими погрешностями, так как он оказывается на 1°40' севернее Ташкента (в то время как долина Ангрена находится южнее его), а в долготном направлении по первому варианту расположен на 1° восточнее Ташкента, а по второму даже на 1° западнее его. Данные Бируни

вообще менее точны. Беря их только во взаимном сопоставлении для Илака (он же Тункет) и Бинкета, получим, что оба они находятся на одном меридиане, но Тункет лежит к северу от Ташкента на 50, что слишком явно противоречит истине.

Очень может быть, что эти географические координаты, почерпнутые из средневековой литературы, послужили основанием для помещения Тункета на карте Бухарского ханства, приложенной к труду Г. Мейендорфа. Там этот город обозначен на правом берегу Сыр-дарьи и значительно севернее впадения в нее реки Арысь. В тексте работы оговорено, что данных для указания местонахождения города Тункета (Tunkat) в рукописи самого Мейендорфа не имеется¹⁴⁷. Должно быть, эта карта послужила источником и для М. Венюкова, когда он составлял в 1861 г. компилятивную карту Кокандского ханства. На ней он показал развалины «Тункета» к северо-западу от Ташкента и к западу от Чимкента, на правом берегу устья притока Сыр-дарьи — Батех, в который впадает река Бадам.

Для атмосферы невероятной путаницы, в течение веков сложившейся вокруг Тункета, характерно, что современный ученый О. Кодрингтон, давая географические координаты бывшим монетным дворам мусульманского мира, счел, что Тункет — Илак (соответствующий и просто Илаку) расположен в провинции Илак — Бухара, что он находится к юго-востоку от Бухары (или точнее восточнее на 22¹ и южнее на 48) и, таким образом, поместил его в центре бесплодной пустыни¹⁴⁸. А. Паве де Куртейль сделал не менее неудачное отождествление Тункета с селением Дехкет, входившим в XVI веке в состав Уратюбинских округов, что явилось результатом неправильных представлений автора о современной географии, поскольку он считал, что Уратюбе находится на берегу Сыр-дарьи¹⁴⁹. Как указывалось выше, Уратюбинский Дехкет был расположен к северу от Масчи, очевидно, на северном склоне Туркестанского хребта.

Имя Тункета не так уж редко встречается в средневековой географической литературе, но, по указанным выше причинам, вследствие ошибок переписчиков, под ним не всегда следует понимать подлинную столицу Илака. Так, в одном из вариантов рукописи Макдиси в тексте дорожника со слов Джейхани, записавшего в этом случае устное показание послов, упоминается, что от Тункета до главного города Китая было 140 дней пути¹⁵⁰. В X веке экономическое значение столицы Ахангерана не было настолько большим, чтобы от нее отсчитывали расстояние на торговом пути в Китай, от которого она, к тому же, находилась в стороне. Кроме того, поскольку перед этим в дорожнике говорится о последовательных переходах через такие пункты как Исфиджаб (Сайрам), Бадахкет, затем Тараз (Аулиэ-ата), лежавшие на северном пути из Мавераннахра, то нельзя не согласиться с мнением В. В. Бартольда, что под Тункетом тут надо понимать Невикет¹⁵¹. У Гардизи этот же пункт написан также в искаженной форме «Тумкет»¹⁵². Город Невикет, по де Гуге, тождествен с упоминаемым Ибн Хордадбехом и Кудамою Невакетом¹⁵³, который находился где-то в долине Чу и был исходным пунктом нескольких маршрутов в восточном направлении.

Истахри упоминает Тункет, как транзитный пункт на пути из Джизака в Исфиджаб (Сайрам), причем дорога проходила через Голодную степь, селение Винкерд¹⁴⁵, город Уштуркет (или Шутуркет, на правом берегу Чирчика, южнее Ташкента, ныне остатки городища Иски-Ташкент близ станции ж.-д. Пахта), затем Тункет, потом рабат, по имени Анфуран в Келасе (степь Келеса), город Гузкерд или Гаркерд, Исфиджаб и далее на Тараз¹⁵⁵. Совершенно очевидно, что и здесь под Тункетом надо

понимать Бинкет, правильное начертание которого и сохранила одна из рукописей Истахри¹⁵⁶ и, кроме того, соответствующий текст Ибн Хаукаля¹⁵⁷.

Пример обратного замещения подлинного Тункета Бинкетом мы имеем в тексте Макдиси, где на Ферганской дороге от Хаджистана до серебряного рудника (معادن الفضة) показан один дневной переход и такой же промежуток от серебряного рудника до Бинкета шашского (بنكت الشاش)¹⁵⁸. Город Хаджистан, как мной было уже установлено, находился на берегу озера Аксыкен¹⁵⁹. Один дневной переход равен примерно 30—40 км в зависимости от рельефа местности. Примерно то же расстояние от Хаджистана до серебряного рудника показывает и Кудама, считая его равным 8 фарсахам¹⁶⁰, в отличие от «горы серебряного рудника», до которой было 4 фарсаха¹⁶¹. А следовательно, как ни определять точное местонахождение серебряного месторождения, совершенно очевидно, что один переход от него может быть только до Тункета, а отнюдь не до Бинкета, тем более, что от последнего до Ходженда считалось четыре перехода. Несомненно, что такой же корректив надо ввести и в испорченный путаный текст Ибн Хордадбега о расстоянии от Шаша до серебряного рудника в 7 фарсахов¹⁶² и в аналогичное показание Кудамы¹⁶³, где расчет в действительности велся от столицы Илака.

Для уточнения представления о положении Тункета, помимо упоминавшегося искаженного маршрута Бинкет—Тункет у Истахри и Ибн Хаукаля, имеется определенное свидетельство Якута, что город Илак шашский, расположенный вблизи земель, занятых тюрками, находится в расстоянии 10 фарсахов от города Шаша (то есть Ташкента), что примерно составляет 60 км¹⁶⁴. Кроме того, кое-какой материал можно почерпнуть и в кратких характеристиках этой провинциальной столицы у ряда географов X века. Так, автор Худуд ал Алем сообщает, что Тункет находится между Илаком, Шашем и Джадгалом¹⁶⁵. Из определения границ площади Ибн Хаукалем, где была расположена одна из групп илакских городов, между рекой Шаша (то есть Сыр-дарьей) и рекой Илака и между Бенакетом и Тункетом¹⁶⁶, явствует, что последний находился на левом берегу Ангрена. Разногласие с таким же текстом Истахри, у которого вместо Тункета упомянут Нукет¹⁶⁷, очевидно, не имеет значения, так как, поскольку этот город, соответствующий развалинам у Той-тюбе, расположен на правом берегу Ангрена, он должен быть исключен, как возможная граница юго-западной площади области Илака, и, следовательно, ошибочно начертан переписчиком вместо имени столицы. Наконец, из текста Ибн Хаукаля явствует, что Тункет лежал на самом берегу реки Илака¹⁶⁸. Эту же деталь мы найдем в Худуд ал Алем, если примем поправку, что сведения, относящиеся к одному Тункету, поделены автором между Нукетом и Тункетом¹⁶⁹. Путаница Тункета и Нукета обоснована не только одним близким сходством в начертании, но и тем, что это были в начале X столетия, по Истахри, два наиболее крупных города Илака¹⁷⁰, хотя в конце того же столетия Ибн Хаукаль отметил уже, что самым большим из городов Илака является Тункет¹⁷¹.

О самом Тункете мы знаем очень немногое и опять-таки из сочинений X века или со слов позднейших компиляторов, цитировавших труды своих предшественников этого столетия. Уже Истахри (а с его слов Якут) и Ибн Хаукаль сообщали, что Тункет, состоявший из цитадели, собственно города (шахристана) и пригорода (рабада), был в половину меньше Бинкета¹⁷², и тем дали возможность составить хотя бы некоторое представление о размерах столицы Илака. В то время Бинкет

занимал площадь, имевшую якобы примерно фарсах в длину и в ширину (свыше 6 км) и обнесенную внешней стеной с семью воротами. Сверх того, у него была внутренняя стена с десятью воротами, не считая стен шахристана с тремя воротами и цитадели, куда вело двое ворот.

Худуд ал Алем придает Тункету непонятный эпитет «бахарнон» (который В. В. Бартольд транскрибирует как «бахартон») и к сведениям предшественников добавляет только, что в нем имеются проточные воды и торговый центр («место купцов») ¹⁷³. Макдиси приводит ряд дополнительных подробностей, что Тункет расположен на большом возделанном склоне, что дворец его правителя находится в цитадели, что главная мечеть построена вне ее, что торговые площади размещены в шахристане и остальные в пригороде, что «жизнь в нем приятна» и что он, наконец, является резиденцией «могущественного дехкана» ¹⁷⁴. Ко всем этим данным в подлинном тексте Ибн Хаукаля добавляется только одна деталь, что соборная мечеть и тюрьма располагались вместе около цитадели ¹⁷⁵, а цитаты из него, приведенные у Абу-л-Феда, свидетельствуют, что Тункет был окружен стеной со многими воротами и что проточные воды шахристана и рабада проходили через многочисленные сады ¹⁷⁶.

Сведя воедино все эти разрозненные сведения, компилятор середины XII века, Идриси, ошибочно назвав в своем географическом труде Тункет Нукетом, дал описание столицы Илака, как большого и достаточно людного города с предместьем, окруженного крепкой стеной, прерываемой многочисленными воротами, с процветающими базарами, значительными ручьями, орошающими улицы, уголья и поля, но по пространству меньше половины столицы Шаша (ошибочно названной вместо Бинкета также Нукетом) ¹⁷⁷.

Из числа лиц, проживавших в Тункете и упоминающихся в словаре Якута, интересен Абу Мансур Мухаммед, бен Джафар, бен Мухаммед, бен Ханифа, ал Илаки ат Тункети, поскольку приведена дата его смерти 313 г. х. или 925/6 г. н. э. Прозвище «ат Тункети» носил еще Абу Джафар, бен Омар, родом из Бухары, но проживавший в столице Илака ¹⁷⁸. Помимо того, Якут приводит несколько имен таких же лиц под словом Илак, из которых некоторым был присвоен эпитет «ал Илаки». В историческом отношении интересны даты смерти двоих из них — 465 г. х. (1072/3 г. н. э.) и первый реби 539 г. х. (1144 г. н. э.) ¹⁷⁹. Наконец, автор XIII века, Ибн ал Асир (1234), отметив, что многие «ученые» являются уроженцами Тункета, особо упомянул Насра, бен ал Хасан, бен Касим ат Тункети, который покинул свой родной город, уехал на запад и поселился затем в Испании ¹⁸⁰.

Монетный чекан Илака

Кое-какие данные по истории Тункета можно почерпнуть из нумизматических объектов, принадлежащих илакскому чекану и являющихся одновременно и материальными и письменными памятниками.

Совершенно обособленную группу составляют дирхемы, чеканенные на «руднике Шаша» — Мааден-аш-Шаш (معادن الشاش). О. П. Эрджманн считал, что был рудник Шаша, при котором, вероятно, находился и монетный двор, и независимо от него одноименный маленький городок Мааден-аш-Шаш, с которым, однако, он не связывал выпуска монеты ¹⁸¹. В. Г. Тизенгаузен несколько позднее полагал, что «Мааден-аш-Шаш» идентичен Маадену саманидских монет, что при нем находился небольшой городок, или монетный двор, и что расположен он в окрестностях Ташкента, примерно в 7 верстах ¹⁸². О. Кодрингтон же относил «Мааден-аш-Шаш» к Хорасану ¹⁸³.

Добыча благородных металлов и чеканка монет и в древности и в средние века были тесно связаны друг с другом, вследствие чего нередко монетные дворы устраивались близ и даже на самих рудниках¹⁸⁴. Подобные примеры имели место и на средневековом Востоке; до нас дошел чекан целого ряда рудников: Мааден Баджунес (Аббасиды, Армения), Мааден Бабирт (Сельджукиды, Армения), Мааден Лулуах (Сельджукиды, Сирия) и др. В легендах некоторых монет указывается только «чекан маадена», и в таких случаях каждый раз приходится индивидуально подходить к определению местонахождения выпустившего их монетного двора. Так, например, экземпляр дирхема джелайрида Шейх Хасана (1336 — 1356), описанный И. А. Бартоломеем по своему собранию¹⁸⁵ и чеканенный в 757 г. х. в Маадене, по мнению А. К. Маркова, был выпущен, вероятно, в армянском Маадене, лежащем южнее Эрзенджана¹⁸⁶. Мааден саманидских монет, вопреки мнению В. Г. Тизенгаузена, не идентичен Мааден-аш-Шашу, а как и Мааден чекана Абу Даудидов (начало X в.), мне кажется, находился в Афганистане. Трудность приурочения продукции к тому или иному Маадену иногда, правда довольно редко, осложняется еще тем, что дирхемы, выпущенные с таким обозначением монетного двора, оказываются несущими анонимные легенды¹⁸⁷. Что касается собственно чекана Мааден-аш-Шаш, местоположение которого несомненно связано с Кармазарским рудным участком, то мне известна его продукция только в виде дирхемов, выбитых в правление пятого аббасидского халифа Харун ар Рашида (786 — 809) в 189 и 190 г. х. (804—806 г. н. э.)¹⁸⁸ и тахирида Абдаллаха бен Тахира (828—844) в 218 г. х. (833/4 г. н. э.)¹⁸⁹. Хотя они вследствие своей высокопробности получили в IX веке широкое распространение за пределами Мавераннахра, так как встречаются в кладах на территории до Финляндии на севере, Дании на западе и Армении на юге¹⁹⁰, но, судя по датам выпуска и по общему количеству дошедших до нас экземпляров, эмиссия их была кратковременна и количественно ограничена. Учитывая относительную несложность оборудования средневековых монетных дворов¹⁹¹, можно вполне допустить, что эти монеты были вычеканены при крупном государственном руднике. Во всяком случае, Мааден-аш-Шаш принадлежал к числу тех второстепенных государственных монетных дворов, которые были довольно многочисленны в государствах средневекового Востока и которые функционировали не регулярно, а эпизодически¹⁹².

Вторую группу местных монет составляет саманидский чекан X века с обозначением их выпуска в Тункете — Илаке (تونكتا يلاق). Эта группа очень немногочисленна и ее экземпляры представляют большую редкость, так как выбивались они, повидимому, только в первые годы правления Насра II, бен Ахмеда (914—943). Мне известны такие серебряные дирхемы лишь 301 г. х. (914 г. н. э.) и медные фельсы 302 г. х. (914/5 г. н. э.) и 305 г. х. (917/8 г. н. э.)¹⁹³. Между тем, писавший в 30-х годах X века Истахри, упомянув об илакских месторождениях золота и серебра, совершенно определенно отметил, что в то время в Мавераннахре монетные дворы были в Самарканде и Тункете¹⁹⁴. Почти столетия спустя Ибн Хаукаль в соответствующее место текста своего предшественника внес несколько новых деталей. Указав, как и Истахри, что в Илаке имеются месторождения золота и серебра в илакских горах, которые граничат с областью Ферганы, он привел, что в нем (то-есть в вышеупомянутом Илаке) находился монетный двор¹⁹⁵, многочисленная денежная продукция, которого состояла из ورق و عين или, как обычно переводят, — золота и серебряной монеты. Наконец, несколько ниже, после сопоставления размеров некоторых городов Шаша и Илака, Ибн Хау-

каль свидетельствует, что в Мавераннахре (в 80-х годах X века) были монетные дворы, кроме Самарканда, еще в Бухаре и Илаке¹⁹⁶. Таким образом, два заслуживающих доверия географа подтвердили существование в течение почти всего X века монетного двора в Тункете—Илаке. Несколько особняком стоит показание анонимного автора Худуд ал Алем (982), сочинение которого относится примерно к тому же времени, что и труд Ибн Хаукаля (987/8). Этот географ монетный двор помещает, как упоминалось выше, в области Илак, но местонахождение его указывает в Ялапане (у арабских географов — Балаян), находившемся на столичной дороге из Бинкета в Тункет в одном фарсах от реки Парк¹⁹⁷. Учтя, что в его тексте в отношении Тункета была уже допущена вольность, и, приняв во внимание незначительность размеров Ялапана, его относительно большую удаленность от сырьевой базы, каковой являлись карамазарские местонахождения серебра и меди, наконец, непосредственное следование строк описания Ялапана за описанием Тункета, нельзя не заподозрить, что и в данном случае факт, относящийся в действительности к Тункету, был случайно приписан провинциальному городку. И нет никаких оснований допускать перенесение монетного двора в другой пункт из Тункета, тем более что он оставался в нем и в XI веке.

Засвидетельствованное письменными источниками длительное существование монетного двора в Тункете при саманидах, указание Ибн Хаукаля на его большую продуктивность и, с другой стороны, незначительность дошедших до нас монетных кружков с обозначением места чекана в Тункете — Илаке, находятся между собой, однако, только в видимом противоречии.

В странах бывшего аббасидского халифата, судя по нумизматическим данным, было три типа монетных дворов. Первый тип—это крупные, общегосударственного масштаба предприятия с длительным периодом деятельности и ежегодной большой эмиссией как «банковой», так и разменной монеты. Второй тип — более мелкие провинциальные монетные дворы второстепенного значения, чеканившие как медные фельсы, так и монеты из драгоценных металлов, функционировавшие (подобно Мааден-аш-Шашу) эпизодически и часто после выпуска в течение первых лет своего существования более или менее значительного количества монет или сразу же прекращавшие свою работу или до наступления этого момента постепенно снижавшие ее темпы. (И, наконец, третий тип — небольшие монетные дворы, иногда с довольно длительным существованием, но со скромными масштабами работы, рассчитанными на удовлетворение местной потребности преимущественно в разменной монете одного какого-нибудь города и тяготеющего к нему округа, возможно в порядке особой привилегии, выпускавшие поэтому главным образом медные кружки и лишь иногда чеканившие также серебряные дирхемы.

К числу последних, по моему, следует отнести монетный двор Бинкета, столицы Шаша, дававший, судя по нумизматическим объектам, в основном медную монету и в очень скромных размерах лишь иногда выбивавший серебряную. Истахри же и Ибн Хаукаль, первый — говоря о наличии монетных дворов в Мавераннахре только в Самарканде и Тункете, а второй — в Самарканде, Бухаре и Илаке, — подразумевали именно крупные общегосударственные монетные дворы. И мне кажется совершенно очевидным, что продукцией монетного двора Тункета следует считать весь исключительно обильный средневековый чекан серебряной и медной монеты с обозначением места ее выпуска в Шаше, поскольку Илак, Тункет, Илакские горы с Шашским рудником входили

Места находок кладов арабских диргемов, содержащих в своем составе монеты, чеканенные на руднике Шаша в 189-190 годах

Рис. 41. Картограмма мест находок монет, битых в 189—190 г. х. на руднике Шаша.

1—Померания, около Штеттина, в имени Паннов, при впадении р. Бесне в Штеттинскую бухту, 1890, 3 экз.; 2—Пруссия, в окрестностях Мюнстервальде, на левом берегу Вислы, верстах в 10 от Мариен-ведера, 1892, 2 экз.; 3—Пруссия, Браунсберг, на р. Пассарге 1872, 1 экз.; 4—о - в Готланд, погост Викау, на мызе Туле, 1843, 1 экз.; 5—о - в Готланд, погост Гретлингсбо, 1827, 1 экз.; 6—о - в Готланд, погост Буре, на мызе Гуммельбос, 1840; 7—о - в Готланд, на озере Фардуме, на границе между погостом Руте и Гемви, 1844, 1 экз.; 8—о - в Аланд, округ Bergöby, 1876, 1 экз.; 9—Эстония, Кохтее, приход Leve, 1923, 6 экз.; 10—Латвия, берег оз. Гейнце, 1885; 11—Витебская губ., Дриссенский у., у деревни Ахрецы, на правом берегу р. Дриссы, 1888, 1 экз.; 12—Новгородская губ., Черновецкий у., 1883; 13—Ярославская губ., близ г. Углича, на левом берегу р. Оки, 1879, 1 экз.; 14—Ярославская губ., Ростовский у., на земле крестьянина Опкина, село Угдин, 1914, 1 экз.; 15—Вятская губ., Глазовский у., Костромской волости, в 38 верстах от уездного города, 1867—несколько экз.; 16—Владимирская губ., г. Муром, 1868, 1 экз.; 17—Тульская губ., Каширский у., деревня Хитровка, 1898, 6 экз.; 18—Калужская губ., Лихвинский у., близ с. Минево, на берегу р. Упы, в местности Городище, 1892, 2 экз.; 19—Курская губ., Завалишино, 1 экз.; 20—Курская губ., Судженский у., Миропольская волость, урочище Погробное, 1879, 1 экз.; 21—Киев, 1913, 19 экз.; 22—Армения, Башгарни, 1919, 1 экз.

в состав этого округа и обнимались этим понятием¹⁹⁸. Выпуск Тункетским или Шашским двором во втором десятилетии X века монет, в легендах которых упоминался Тункет — Илак, явился в истории его деятельности случайным эпизодом, о причине которого можно лишь высказывать разные предположения¹⁹⁹. Вообще же при саманидах Тункет постоянного собственного именованного городского чекана не имел.

При таком истолковании исчезает одно из крупных противоречий между показаниями письменных источников и материальными нумизматическими данными.

Второе противоречие также может быть устранено при соответствующем понимании упоминавшихся выше слов Ибн Хаукаля о том, что обильная продукция илакского денежного двора X века состояла из золота и серебра. Золотые динары саманидского чекана вообще являются раритетами и, судя по нумизматическим данным, выпускались лишь эпизодически и в небольших количествах, поскольку в них при господстве в то время денежной системы, основанной на серебряной валюте, не было особенной надобности. Кроме того, известны саманидские динары, битые в Самарканде, Мухаммадии, Нишабуре, Сабуре, Бухаре, но мне не встречалось совершенно экземпляров с упоминанием Шаша, Илака или Тункета. Очевидно, при таком положении Ибн Хаукаль не мог говорить об обильном выпуске золота с илакского монетного двора. Под употребленными им терминами ورق وعين я полагаю не золотой и серебряный чекан, как обычно переводят это место другие авторы, а под عين — «банковую» монету общегосударственного образца из драгоценного металла (в данном случае — серебра) и под ورق — местную разменную монету²⁰⁰. Под последней опять же нельзя разуметь только одни медные фельсы с обозначением Шаша, Илака, Бинкета и Тункета, в общем тоже не столь уж многочисленные. Если обратиться к данным нумизматического порядка и особенно к составу местных монетных находок, то резко бросается в глаза исключительное обилие на территории Илака и отчасти в сопредельных районах низкопробных монет типа так называемых бухархудатского чекана, выбитых из сплава нескольких металлов. Впервые на них обратил внимание более ста лет назад знаменитый русский нумизмат академик Х. М. Френ, не сумевший в то время дать им правильного истолкования²⁰¹. Позднее П. И. Лерх произвел над ними блестящее исследование, которым доказал, что они принадлежат к числу низкопробных дирхемов, выпускавшихся в Мавераннахре с конца VIII века с разрешения арабских наместников Хорасана, напоминавших по своему облику монеты прежних правителей Бухары или бухархудатов и бывшие в употреблении до XII века включительно²⁰². На Av их изображен бюст правителя влево в рубчатой короне типа короны сасанидского царя Варахрана V (420—438), а на Яv — пылающий жертвенник с феруером царя и двумя стоящими по его сторонам фигурами стражей. Группу этих монет (или так называемых средневековыми авторами «черных дирхемов») составляет несколько типов, разнящихся между собой, если не считать хорезмийских дирхемов, главным образом, легендами. Некоторые из этих монет имел в своем распоряжении и П. И. Лерх, но у него совершенно не было данных о территориальном размещении находок этих монет, что и помешало ему в значительной степени закончить свой тонкий анализ опознанием среди них дирхемов разных наименований.

В таком же неопределенном положении изучение этих монет находилось за весь последующий дореволюционный период²⁰³. Теперь благодаря проводившейся мной регистрации всякого рода нумизматических находок удалось, наконец, собрать некоторый материал по топографии кладов.

этих монет. Учет полученных данных позволяет выступить с новыми фактами на пересмотр прежних выводов, что намечено темой другой моей специальной работы. В настоящем же очерке вполне достаточно ограничиться кратким напоминанием, что, по свидетельству Наршахи, низкопробные черные дирхемы выпущены были из сплава золота, серебра, свинца, олова, железа и меди, что это было осуществлено для прекращения вывоза за пределы района серебряной монеты, что первоначально на них был установлен принудительный курс (один серебряный дирхем = шести новым низкопробным монетам) и что впоследствии, благодаря ряду мер (в частности — обязательной уплаты хараджа низкопробными дирхемами), удавалось спекулятивно настолько поднять курс «черных дирхемов», что они ценились иногда даже дороже серебряных²⁰⁴.

Истахри²⁰⁵, Ибн Хаукаль²⁰⁶, Макдиси²⁰⁷ и некоторые другие средневековые авторы упоминают, кроме хорезмийских, три вида таких «черных дирхемов» из числа выпущенных после арабского завоевания: гитрифи, мухаммеди и мусейяби. Первые, имевшие хождение в округе Бухары, получили, по свидетельству Наршахи, свое название от имени Гитрифа, бен Ата, брата матери халифа Харун ар Рашида, назначенного последним хорасанским наместником в 175 г. х. (791/2 г. н. э.). Вторые, по словам Гардизи, обязаны своим наименованием некоему Мухаммеду бен Дехде, бывшему, вероятно, одним из арабских правителей Мавераннахра, подчиненных хорасанскому наместнику²⁰⁸. Дирхемами мухаммеди, по Ибн Хордадбеку, в первой половине IX века уплачивалась подать Согда, Несефа, Кеша и его соляных месторождений, Буттема и его рудников, других окрестностей Согда, Ферганы и большая часть хараджа Узрушаны (из 50 000 дирхемов дирхемами мухаммеди уплачивалось 48 000, а остальные 2000 вносились дирхедами мусейяби). Дирхемы мусейяби поступали в виде подати с Шаша, его серебряных рудников Ходженда, отчасти Усрушаны и некоторых городов турок²⁰⁹. Своим названием эта третья группа низкопробных монет получила от имени Мусейяба, бен Зухейра, который при халифе Махди был хорасанским наместником с 780 по 783 г. н. э.

Находимые в пределах Шаш—Илака низкопробные дирхемы принадлежат, за самым незначительным исключением, к той группе, которая на Ав справа от портрета правителя имеет спорную пока легенду согдийским алфавитом, а слева — арабскую с именем халифа Махди. Эти монетные кружки, каковые, по моему, и следует считать дирхедами мусейяби, очень часто встречаются на руках у здешних жителей. Кроме того, мне удалось зарегистрировать ряд пунктов в Илаке и илакских горах, а также прилежащих районах, где были сделаны находки этих дирхемов мусейяби.

Из всех перечисленных находок наибольший интерес представляет собой клад из района Тункета, первые сведения о котором я получил вскоре по окончании полевого периода работ 29 отряда ТПЭ в 1934 году. Для выяснения обстоятельств его находки и получения самих монет в Сарзайляк по моему поручению выезжал В. Д. Жуков. Он установил точное местонахождение клада, который оказался найденным в глиняном сосуде, якобы еще до революции, и в течение длительного времени оставался на руках у дехканина в ожидании возможности выгодной реализации монет. Часть из них постепенно разошлась по рукам. Все же В. Д. Жуковым было собрано 247 монетных кружков. Основная масса их принадлежала к обычному типу дирхемов мусейяби, а девять штук также дирхемов мусейяби явились той сравнительно редкой и интересной разновидностью, в которой три кружка или круглых бляшки на плече правителя заменены изображениями двух неразгаданных знаков Z. Этот

**Перечень пунктов Илака и сопредельных земель с находками
низкопробных дирхемов—мусейяби**

№	П у н к т	Количество	Год находки	Библиографические данные
1	Окрестности Ходженда, при инженерных работах	клад	1866	В. В. Григорьев (47), стр. 156, прим. 52
2	Там же на кирпичном заводе Горместхоза	клад	1929	М. Е. Массон (132), стр. 83, № 5.
3	Горы Илака (Кармазар) Дрешсай, против Тарыэкана	1 штука	"	Цитир. соч. № 4
4	Тарыэкан, вблизи древних рудников	10 штук	1931	М. Е. Массон (136), стр. 10, № 10.
5	Кан-и-Мансур, у восточного края щели древнего серебряного рудника	1 штука	1931	Цитир. соч., № 11
6	Табошар, вблизи древнего рудника	1 штука	1929	М. Е. Массон (144), стр. 128.
7	Терекликан, на дне древней щелеобразной горной выработки шести-метровой глубины	1 штука	1933	Из письма А. Н. Зографа от 30.1.1935 г. к М. Е. Массону
8	Долина Илака (Ахангеран)			
9	Городище Улькан Тойтюбе	2 штуки	1928	М. Е. Массон (132) стр. 90, № 32.
	Пойма Ангрена против Суюртепе к востоку от Тункета	Клад, свыше 250 экзмп.	до 1917 г.	
10	Пограничная полоса Шаша Район кишлака Намданек	1 штука	1884	ОАК (61), стр. LXIII

знак, принимаемый за сокращенное слово بح, встречается как на некоторых монетах арабского халифата вообще, так и на фельсах Бинкета и дирхемах Шаша, саманидского чекана конца IX — начала X вв. По мнению некоторых нумизматов (например, Штиккеля), بخ بخ — соответствующие словам «хорошо, прекрасно», — означают на монетах свидетельство их доброкачественности²¹⁰. Появление такой аппробации на «черных дирхемах» мусейяби, мне кажется, можно признать вполне уместным. Однако подобное толкование встречает возражение других специалистов. В. Г. Тизенгаузен, первый описавший экземпляры «так называемых бухархудадских монет» с этими знаками, полагал, что, судя по месту, которое занимают эти два слова, они «скорее всего служат пожеланием государю блага и добра»²¹¹.

В целом клад из окрестностей столицы Илака важен как показатель, в каком относительно большом для своего времени количестве монетных кружков концентрировались эти дирхемы мусейяби в одних руках. Может быть они накапливались для уплаты хараджа, денежный взнос которого принимался правительством в Бухаре, например, только низкопробными дирхемами, а это, вероятно, практиковалось и в других местах, в том числе в средневековом Илаке. К сожалению, среди оставшихся 247 монетных кружков клада отсутствуют другие общегосударственные или го-

родские монеты с обозначением места и даты чекана. Это обстоятельство лишает возможности установить, к какому времени следует отнести накопление нескольких сотен дирхемов клада и момент сокрытия их в земле, так как дирхемы мусейяби имели хождение с конца VIII века в течение нескольких столетий, сохраняя свой облик и не заключая в своих легендах никаких выпускных сведений.

К концу X века относится медная монета, выбитая в 382 г. х. (992 г. н. э.) в Илаке с упоминанием Бугра хана и его пышной титулатуры:

«الامير الاجل شهاب الدولة ظهير الدعوه
вы и опора призыва к вере» и с именем Мансура бен Ахмада²¹². Этот редкий нумизматический памятник при малой освещенности событий падения государства саманидов интересен, как показатель отчуждения от него Илака уже во время первого вторжения в Мавераннахр тюрок под начальством караханида Бугра хана, которые в этом же 992 году заняли на некоторое время Бухару.

Не менее интересна группа медных монет илакского чекана, выбитого в первые годы формирования государства караханидов от лица одного из их правителей, Ахмада бен Али, носившего почетный титул Кутб-ад-адуле Наср-ал-милле; на А они имели легенду — «дехкан превосходный» (دهقان الجليل). В коллекции Музея истории Академии наук УзССР хранятся такой фельс, битый в Илаке в 387 г. х. (997 г. н. э.), и другой такой же фельс 388 г. х. (998 г. н. э.), найденный в Ногайкургане в 7 км от Ташкента в 1919 году²¹³, а по Ленинградскому собранию Эрмитажа известны экземпляры 388 г. х. (998 г. н. э.) и 399 г. х. (1008/9 г. н. э.)²¹⁴. Имя дехкана на первых монетах пока не поддается точному прочтению, а на фельсах, чеканенных в 90-х годах IV в. х., совершенно ясно изображено Абу Шуджа Салар, бен Мухаммед.

Очень интересная медная монета, принадлежащая к этой группе дехканского чекана и являющаяся пока уникальной, была найдена в районе базарной площади кишлака Аблыка и в 1934 году получена там гидрогеологом И. А. Анбоевым, любезно передавшим мне ее на определение. Она оказалась медным фельсом, битым в Илаке в 395 г. х. (1004/5 г. н. э.) от лица упоминавшегося Ахмада бен-Али с именем «дехкана превосходного Мухаммеда сына Мансура».

А. В середине — لله | محمد | رسول الله

В первом кругу — لا اله الا الله وحده | لا شريك له

Во втором кругу بسم الله ضرب هذا الفلحس بايلاق سنة خمس وتسع [ين] و ثلاث | مايه

Р. В квадрате دهقن الجليل محمد بن منصور

Кругом — مما امر به الامير الجليل احمد بن على ايد [ه] الله —

Вероятно, Абу Шуджа Салар бен Мухаммед был сыном дехкана Мухаммеда бен Мансура, и, таким образом, эта аблыкская монета не только представляет собой новый, неизвестный еще, нумизматический памятник, но позволяет установить еще одно имя в генеалогическом древе малоизвестной местной династии илакских дехкан и свидетельствует, что право монетного чекана в Илаке было в течение некоторого времени наследственной привилегией членов этой династии.

Появление в конце X—в начале XI вв. на илакских монетах имени тамошнего дехкана является прекрасной иллюстрацией того положения, которое констатировал незадолго до того Макдиси, называвший проживавшего в Тункете дехкана сильным или могущественным (قوى). Нет никаких известий о политических правах и степени самостоятель-

ности дехкан Илака, но, основываясь на показании автора Худуд ал Алем, что в древности они принадлежали к удельным князьям, что дехкан Илака оставался правителем этой области при саманидах²¹⁵ и что с пышным титулом «дехкан ал джалиль» чеканятся монеты при первых караханидах, надо полагать, что они не только были родовитыми феодалами и представителями мелкой династии, но и являлись определенной политической силой, с которой приходилось считаться включительно до начала XI века. Можно не сомневаться, что дехкан Илака был и крупным земельным собственником²¹⁶.

Последующий илакский чекан, который в дальнейшем явится темой специального исследования и который ничем особенно не отличался от общеилекского чекана, дает в начале V в. х. обширную группу монет, битых со столь большим количеством титулов и разнообразных имен, что, по словам В. В. Бартольда, «на основании их трудно прийти к каким-нибудь историческим выводам»²¹⁷. Как теперь определенно устанавливается, огромное большинство их связано с именем и правлением караханида Мухаммеда бен Али. Интересно отметить, что в этот период монеты выпускают с обозначением места чекана и в Тункете и в Илаке, иногда даже в одни и те же годы, что наглядно может быть представлено в следующих двух колонках дат:

Т у н к е т	И л а к
401 г. х. (1010/1 г. н. э.)	—
—	403 г. х.
—	406 .
407	—
408	—
409	409
410 ²¹⁸	410
411	411
412 (1021/2 г. н. э.)	—

На немногих более поздних монетах в качестве места чекана указывается только Тункет, причем последняя по времени выпуска имеет дату 46? г. х., то есть была изготовлена или в 60-х или в 70-х годах XI столетия²¹⁹. После того Тункет и Илак навсегда исчезают с легенд нумизматических памятников.

Данные народных преданий

Наименование Тункета совершенно забыто местным населением Ахангерана. Слово же Илак сохранилось до сих пор в названии «илакча», как именуется кураминскими женщинами своеобразного покроя носимая ими кофта или короткий жакет, часто белого цвета²²⁰. Имлакским арыком, как мы выяснили, называют жители давно заброшенное русло древнего довольно значительного магистрального канала, берущего начало неподалеку от кишлака Теляу, протекающего по левому берегу Ангрена вдоль северных предгорий Карамазара, огибающего развалины Тункета и уходящего, по указанию населения, в том же западном направлении за кишлак Кульата. Остатками города Имлак

именуют пожилые кураминцы и обширные развалины у кишлака «Сарзайляк», причем один из них в 1929 году говорил мне, что, как он слышал в молодости от других стариков, это название народное и будто в книгах оно пишется иначе, имея литературную форму «Инак». Очевидно, запомнив самый факт различия между народным произношением Имлак и книжной формой — Илак, дававший мне это показание просто спутал произношение последнего. Происхождение же слова Имлак один старик объяснил мне как собственное имя государя, перешедшее после его смерти в наименование его столицы.

В юго-западной части территории бывшей столицы Илака размещается небольшой кураминский кишлачок, обозначаемый на картах и вошедший в литературу в искаженной транскрипции как Сарзайляк или Сарыджайляк. Установленное нами на месте действительное современное произношение — Сарджайляк, причем по объяснению небезизвест-

Рис. 42. Тункет. Усеянная камнями поверхность шахристана.

ного в этом районе Мулла Мансура, награжденного орденом Красного Знамени за содействие геологической разведке, наименование это состоит из двух слов: таджикского слова «сар» (голова) и тюркского «джайлак» (монгольское — яйлак; местное — джайляу, т. е. летовка), обозначающего вместе главу или начало летовок (Джайляунинг баши — как перевел он нам). Чем вызвано такое наименование, принадлежащее якобы к старой географической терминологии Ахангерана, Мулла Мансур объяснить не мог. Между тем, если этот термин действительно имеет длительную историческую давность и в народной этимологии, несмотря на не совсем обычное соединение таджикского и тюркского корней в одном слове, есть все же некоторое отражение былых событий, то нельзя не вспомнить, что в XIII веке долина Ангрена была обращена в какой-то своей части под яйлак некоторых монгольских отрядов.

По рассказу Джемалья Карши, в Ахангеране в марте 1266 года был провозглашен джагатайским ханом Мубарек шах, сын Кара Хулагу и Эргэнэ, первый из потомков Джагатая, принявший ислам. Этим актом, как указал В. В. Бартольд, монгольский государь впервые утверждался в ханском достоинстве в Средней Азии без назначения со стороны великого хакана²²¹. Может быть, уже тогда или даже позднее территория развалин прежней столицы являлась некоторое время или местом кочевой ханской ставки или одним из рубежей Ахангерана, за которым начинались площади, обращенные под джайляу, что и сохранилось смутным отзвуком в современном названии упоминавшегося кураминского кишлачка, ныне вошедшего в один из ангренских колхозов.

Рис. 43. Схематический план цитадели и шахристана Тункета с прилегающей частью рабада.

О действительном прошлом города Имлака никто из местных жителей ничего не знает. Они передают легендарные предания, что он входил в состав могущественного государства Кайсар Рум, то есть «цесарского Рима», и одно время даже был его столицей, что город занимал обширную площадь и тянулся непрерывно на протяжении с запада на восток чуть ли не в 20 км, начинаясь от меридиана, проходящего

через Кереучи, и до самого кишлака Теляу; что во времена «неверия» (то есть до ислама), когда в Улькан Той-тюбе правил эпический царь Джанадиль, в Имлаке был самостоятельный государь, к которому в гости приезжал и владыка Улькан Той-тюбе; что имлакский потентат для поддержания своей власти имел наемную гвардию из русских и что, наконец, город был взят Хазретом Али, после чего жители были обращены в мусульманство. Встречающиеся в изобилии на всей территории городища камни, употребленные некогда для укрепления нижних частей кладки стен жилых строений, считаются следами осады Имлака пророком Али, который, чтобы вынудить осажденных к сдаче, забросал город камнями с гор. Книжное влияние на возникновение всех этих отрывочных представлений о легендарном прошлом столицы Илака совершенно очевидно, и историческая ценность их потому невелика.

Данные археолого-топографического наблюдения

Несоизмеримо больше подлинных фактических данных по истории Тункета таят в себе его обширные развалины. Современем детальное археологическое изучение Имлака безусловно раскроет не одну страницу запечатленной в его культурных слоях летописи и проносившихся над городом событий. Будут постепенно восстановлены и изначальный момент заселения его человеческим обществом и моменты последова-

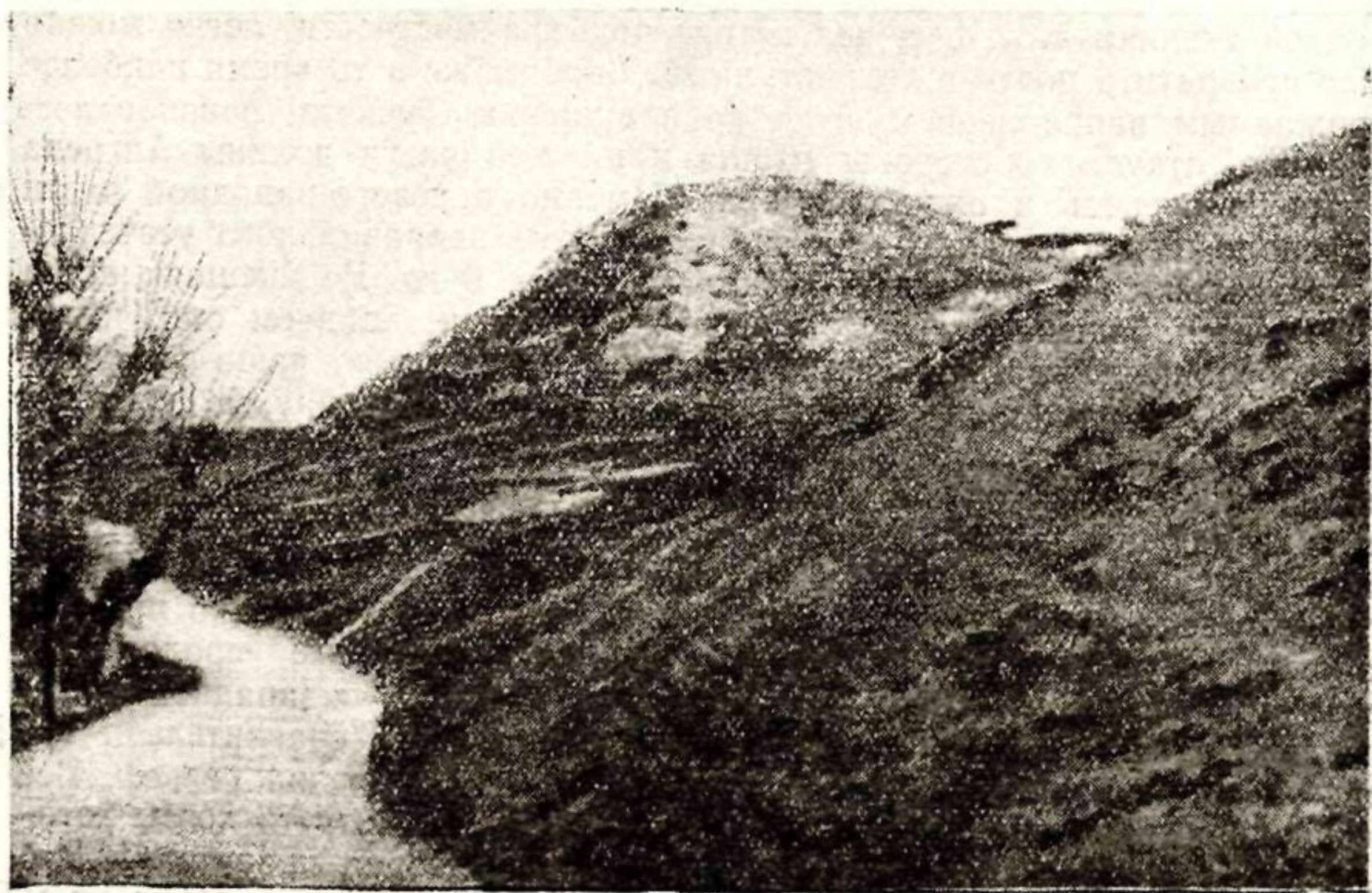

Рис. 44. Тункет. Северный фас стены кухендиза.

тельной смены различных эпох, нашедших выражение в соответствующем изменении внешнего и внутреннего облика всего сложного городского организма и в содержании археологического инвентаря из различных слоев. Пока же в 1934 году удалось провести первую стадию работы в части археологического познания городища.

Узбекистанский Комитет по охране и изучению памятников материальной культуры пригласил топографа, который под моим наблюде-

нием изготовил планшет топографического плана арка, шахристана и части рабада в масштабе 1:2000 с сечением рельефа горизонталями через 1 м²²². Кроме того, топограф изготовил схематический план этой же площади в том же масштабе с условным обозначением некоторых выявившихся археологических подробностей и обошел контурной съемкой в масштабе 1:5000 всю территорию рабада между саями Саукбулак и Атчапар.

Вся площадь городища была подвергнута предварительной генеральной археологической рекогносцировке без проведения каких бы то ни было земляных работ. Новыми археологическими наблюдениями были уточнены мои однодневные впечатления 1929 года, опознаны отдельные элементы города, а благодаря сбору подъемного материала получены некоторые датировочные данные. В течение полевого периода работ 29 отряда ТПЭ мне с В. Д. Жуковым пришлось бывать и проезжать через развалины Тункета в общей сложности шесть раз. Все же полученные результаты археологического наблюдения оказались настолько интересными и новыми, что заслуживают быть опубликованными хотя бы в качестве предварительных выводов²²³.

Городище своей северной частью почти вплотную подходит к современной пойме Ангрена; здесь оплывшая земляная стена города, расположенная на краю речной террасы, производит наиболее сильное впечатление, если смотреть с пролегающей вдоль нее внизу дороги. Уже в X веке мощь фаса стены, обращенного к реке, отмечалась Ибн Хаукалем, как характерная особенность Тункета. В условиях средневековой военной техники этот фас, вследствие рельефа местности, легко можно было превратить почти в неприступный. Вообще же в то время наиболее угрожаемым направлением, судя по планировке Тункета, признавалось западное, откуда со стороны Шаша и нижней части долины Ангрена в первую очередь и ожидался враг. Именно в северо-западной части и расположена цитадель — кухендиз в форме неправильного усеченного треугольника с площадью несколько более 6 га. Ее внешняя стена прерывается башенными выступами — бурджами, причем они, играя роль оборонных фланкирующих выступов, значительно чаще размещены вдоль юго-западной стороны, выходящей на равнину, а следовательно, и более ответственной и более уязвимой, чем северный фас. С восточной стороны к кухендизу примыкал вплотную шахристан; в стене, разделяющей эти две части города, было устроено двое ворот. Наблюдаемый же между пятой и шестой бурджами, считая от западного угла цитадели, разрыв в ее юго-западной стене, который легко принять за место бывших ворот, повидимому, явился позднейшим проломом и первоначально отсутствовал. Значительная площадь в западной части цитадели занята развалинами глинобитных построек сравнительно недавнего времени, искаживших нормальный археологический рельеф. Все же на краю ее, почти в центре кухендиза, легко усмотреть холм, который, по моему мнению, относится к остаткам дворца правителя. Это самая возвышенная точка цитадели с наиболее широким горизонтом наблюдения, и при наличии башни при дворце тут мог быть хороший наблюдательный пункт. С севера к холму примыкает ясно различимая прямоугольная площадь 75×55 м, служившая, возможно, парадным двором диргаха. Портальный вход в него был устроен с южной стороны, и к нему подводили дороги от обоих ворот цитадели. К западу от дворца, почти до стены кухендиза, могло быть отведено место под площадь — регистан, так как здесь всхолмление поверхности очень незначительно.

Рис. 45. Тункет. Юго-западный фас стены шахристана.

Периметр стены шахристана, или первоначального внутреннего города (площадью около 13 га), является продолжением фортификационных сооружений цитадели, вместе с которой он имеет общую длину внешней оборонительной стены несколько менее 1,8 км. Бурджи стены шахристана отстоят друг от друга на больших расстояниях, чем такие же бурджи юго-западной стены цитадели, зато три башенные выступа этого фаса достигают таких размеров, что могут быть приняты за своеобразные бастионы. Самое западное из этих сооружений несомненно прикрывает подступ к воротам, расположенным между ним и углом цитадели. У двух других сооружений также отмечаются перерывы внешней городской стены, а внутрь шахристана от них отходят валы до 50 м длины, как будто являющиеся остатками добавочных оборонительных стен вдоль улиц, подводящих к воротам. Однако слишком близкое взаимное расположение трех ворот в одном фасае заставляет пока, до производства археологических исследований, воздержаться от окончательного суждения о происхождении проломов. Два пункта для возможного местонахождения ворот или проходов намечаются в восточном фасае и столько же в северной стене, причем данные рельефа позволили проследить направление нескольких больших сквозных уличных артерий и тем наметить скелет внутренней планировки города.

Мне удалось сделать наблюдение, что с внутренней стороны к внешним стенам шахристана и цитадели обычно не примыкают развалины построек; очевидно, вдоль них шли улицы, что вполне целесообразно в оборонительном отношении, так как облегчало защитникам возможность быстрой переброски сил к наиболее угрожаемым участкам. Внутри шахристана К. И. Лехнович отметил крупный хауз, место гончарного завода и как бы небольшую, второстепенного значения внутреннюю стену, разделявшую шахристан на две части — восточную и западную. Последнее наблюдение требует, как и ряд других деталей, указанных на схематическом плане, проверки на месте, поскольку упомянутый топограф впервые столкнулся на Сарджайляке со съемкой, сопровождающейся археологическим наблюдением, и легко мог впасть по неопытности в заблуждение. Мной совместно с В. Д. Жуковым зарегистрировано внутри шахристана в восточной, северной и западной сторонах наличие отвалов металлических шлаков, которые, однако, не всегда свидетельствуют об обязательной, непосредственной близости места плавки. Известно, что крупные куски шлаков употреблялись в кладке стен жилых строений вместо кусков камня. В Сайраме мне пришлось наблюдать шлаки, употребленные на выстилку узеньких тротуарчиков вдоль улиц²²⁴. Может быть, шлаковые отвалы, встречающиеся у подножья оплывших городских стен, образовались вследствие размыва последних, а в свое время куски шлаков были подвезены сюда и употреблены при возведении или ремонте земляных стен для придания им большей прочности. Два такие пункта имеются вдоль северного фаса Тункета: один — почти против середины стены шахристана; другой — несколько более 300 м восточнее этого места, у спуска в пойму из рабада. Местонахождение соборной мечети и тюрьмы надо искать где-то в западной части шахристана.

Рабад, или пригород, охватывал шахристан и цитадель с запада, юга и востока. С запада границей рабада можно считать русло Саукбулак-сая, которое, изменяясь, могло уничтожить следы возможно проходившей прежде вдоль него наружной стены. С юга стена рабада обозначается хорошо сохранившимся валом, тянущимся с изломом на протяжении свыше 1,5 км от русла Саукбулак-сая до русла Узун-сая или

сая Атчапар примерно в 1,5 км южнее северного фаса стены шахристана. На этом отрезке в ней имеется несколько разрывов, причем в трех из них, отстоящих друг от друга на равных расстояниях, можно заподозрить следы когда-то бывших ворот. При сооружении стены земля бралась с внешней стороны, почему там образовался не совсем затянувшийся еще и в настоящее время ров. Южнее за стеной вдали виднеется несколько курганов, повидимому, погребального назначения.

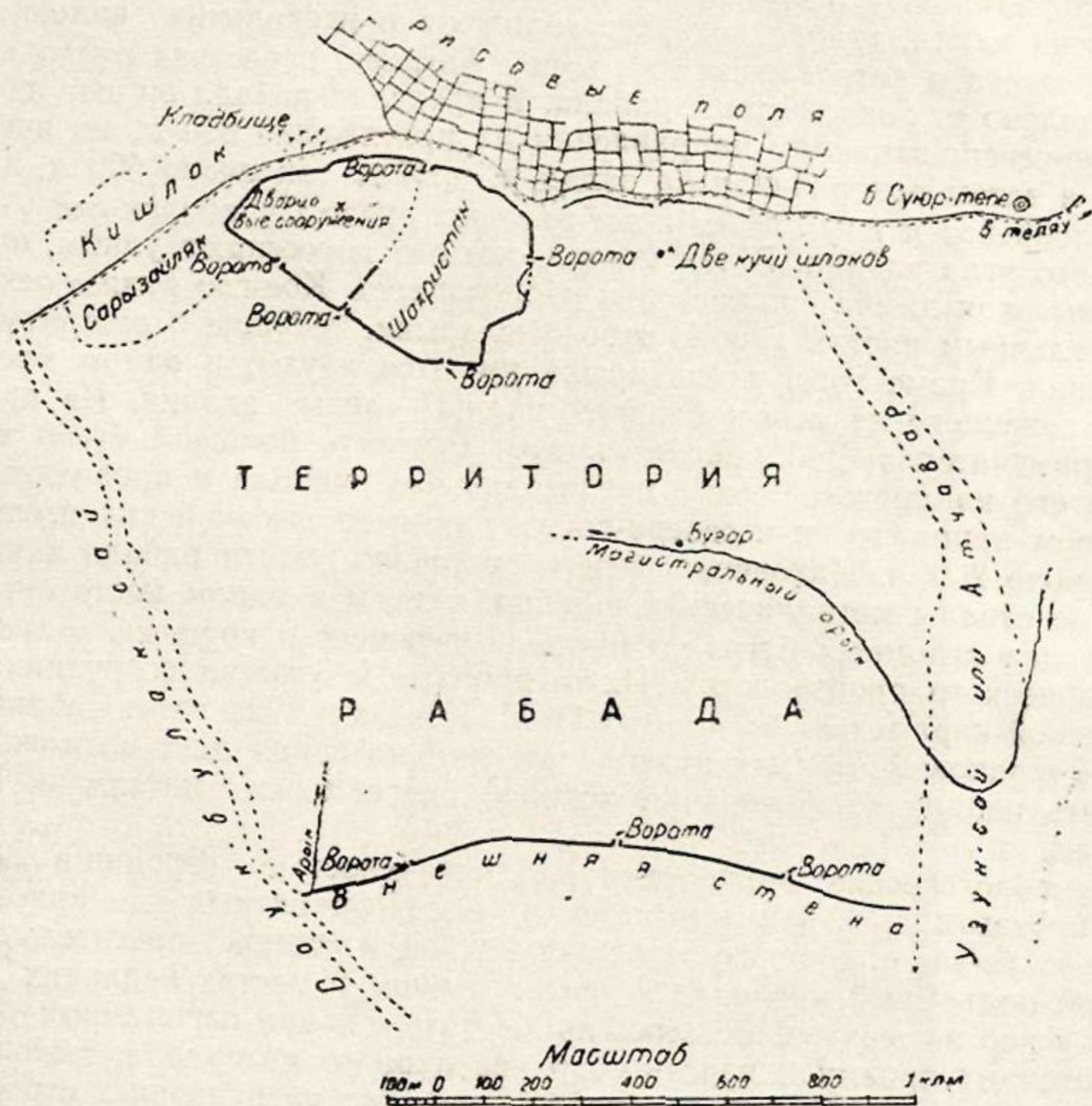

Рис. 46. План развалин Тункета. Глазомерная съемка М. Е. Массона 1929 г.

С восточной стороны естественным рубежом рабада мог бы явиться звраг Атчапар-сая, тем более, что в северной части его широкого ложа отметил свыше десятка отдельных звеньев стены вала на протяжении почти 0,5 км, тянувшихся с севера на юг до большой современной дороги на Теляу. Однако на правом берегу Атчапар-сая имеется ряд распаханых теперь площадей с уничтоженным рельефом былых построек, но явными следами жилья. В этом районе встречается немало фрагментов средневековой домашней утвари, а значительные шлаковые кучи отмечены нами здесь на некотором расстоянии вдоль упомянутой дороги на Теляу. Все это говорит за наличие бывшего тут промышленно-заводского пригорода. С севера стена рабада прослеживается по обрыву речной террасы на протяжении свыше 600 м от сая Атчапар до шахристана. Вблизи стыка со стеной последнего видно место прежних ворот. Возможно, что они были и в других пунктах. Территория современного кишлака и кладбища, примыкающая к цитадели с северо-западной сто-

роны, прежде относилась к рабаду и была занята жилыми кварталами.

Вообще более или менее густо заселенная часть рабада составляет площадь не более 50 га и находится к югу, юго-востоку и к востоку от шахристана в непосредственной близости от него²²⁵. Именно тут располагалась та часть базара, для которой не хватало уже в X веке места внутри шахристана. Вся же остальная территория пригорода была занята по преимуществу дачами — садами, о многочисленности которых в Тункете упоминают письменные источники. Главный столичный магистральный канал, голова которого заложена в нескольких километрах выше Тункета и который питался водой Ангрена, пересекал русло Узун-сая недалеко от южной стены рабада. В пределах рабада он шел сперва в северо-северо-западном направлении на протяжении 800 м, по прямой линии, а затем поворачивал на запад и, пройдя так около 600 м, начал уклоняться к югу, чтобы перейти через русло Саукбулак-сая у юго-западного угла рабада. В тех местах, где его пересекают улицы, широкая и высокая дамба снижается и расползается. Кое-где видны отходящие к главным частям города отводные арыки, текущие в северном направлении. Кроме того, вдоль арыка имеются хаузы; в одном месте у хауза, лежащего на левом берегу, видны следы здания. Из других достопримечательностей рабада следует отметить большой бугор в середине его на правом берегу магистрального канала и проходящий в широтном направлении к северо-востоку от него высокий вал протяжением около 200 м. Наконец, в северо-восточной части рабада имеются большие отвалы металлических шлаков, причем в одном месте они образуют два огромных бугра, свидетельствующих о крупных размерах металлического производства. Их-то впервые и отметил сотрудник геологической карамазарской партии П. И. Князев в 1928 году. Собранный нами в шлаковых отвалах археологический материал дает возможность относить период наиболее интенсивной переплавки металла к IX — X векам.

Археологические наблюдения над поверхностью городища Имлак нами производились в исключительно неблагоприятных для археолога условиях из-за сплошного покрова дикой и сорной растительности. Мелкий подъемный материал встретился лишь в местах недавних копаней и у нор зверьков. Пришлось прибегнуть к давно испытанному среднеазиатскому приему и начать сбор черепкового материала, выковыривая его из дувальных стен позднейших, но уже разрушенных строений. Таким путем были получены фрагменты прекрасной поливной посуды, крупных и мелких корчаг (хумов и хумча), кувшинов, глиняных крышек, светильников, плиток от так называемых «очажков», стеклянной утвари, глиняных «симобкузача» и других предметов, относящихся к IX — XII вв.²²⁶

Монетных находок получить не удалось. Единственной пока известной мне монетой с городища Имлак является медный фельс, осмотренный мной в 1929 году на руках одного жителя кишлака Ханабад в Ахангеране. Сохранность фельса была очень плоха. На А от имени и титулатуры правителя сохранилось только: *سنا الد وله ايلك* — Сина-ед-дауле Илек. Выпускные сведения R также сохранились фрагментарно: от года уцелело слово с числом сотен—четыреста, а от места чекана три буквы — *وكت* то есть вероятно часть слова Тункет. Фельс следует отнести к началу XI века и, повидимому, связать с чеканом монет, выпущенных от имени Мухаммеда бен Али.

Куски жженого кирпича встречались в разных частях городища Имлак, но, чтобы получить полное представление об этом строительном материале некоторых зданий столицы Илака, пришлось применить дру-

Рис. 47. Тункет. Шлаковый бугор. Фигуры людей стоят на границе шлакового отвала.

гой среднеазиатский прием по сбору подъемного материала и отыскать ближайшее современное мусульманское кладбище. Таковое оказалось расположенным к востоку от развалин Тункета за Суюртепе. Здесь из кирпичей, собранных на территории бывшей столицы, сложена ограда мазара некоего святого по прозвищу Канбаба. В ней мной зарегистрированы кирпичи следующих размеров: $31 \times 31 \times 5$ см; $27 \times 27 \times 5$ см; $26 \times 20 \times 5$ см, $33 \times ? \times 4,5$ см; $28 \times 19 \times 5,5$ см; $27 \times 13,5 \times 5$ см; $26 \times 13 \times 4,5$ см.

В Ханабаде лесотехник А. В. Виноградский сообщил нам, что в бытность свою гимназистом он видел привезенные из объезда его дядей лесообъездчиком И. А. Якубовичем две поливные изразцовые плитки. Поскольку последний был лесником Хурданской дачи, расположенной по дороге от Теляу до Алмалыкстроя, возможно, что эти плитки были им взяты с развалин Тункета. Нам, однако, не встретилось на Имлаке ни одного фрагмента изразцовой декорации. Из других строительных материалов следует особо отметить камни в виде рваных кусков и галек иногда значительных размеров, употреблявшихся при кладке нижних частей земляных стен жилых строений и надворных построек. Именно их присутствию отчасти городище Имлак обязано сохранностью своего археологического микрорельефа.

Заключение

Подводя итог разбору всех приводившихся данных письменных источников исторических, историко-топографических, археологических, нумизматических, лингвистических и фольклорных, следует признать вполне доказанным, что развалины городища у кишлака Сарджайляк действительно принадлежат забытой столице Илака — Тункету. Правда, по данным письменных источников, площадь последнего равнялась якобы половине средневекового Бинкета, имевшего в длину и в ширину в пределах стены внешнего рабада будто бы до 6 км, а по данным археологического наблюдения не более 4 км, в то время как размеры городища у Сарджайляка скорее соответствуют $\frac{1}{4}$ площади столицы Шаша. Однако, во-первых, точные размеры Бинкета еще наукой не установлены, хотя, повидимому, площади цитадели и шахристана, вместе взятые, у Ташкента и Имлака примерно равны. Во-вторых, никто из авторов, писавших о Тункете, его не видел. В-третьих, при определении размера столицы Илака легко было впасть в погрешность, поскольку сады рабада, сливаясь с прилежащими кишлаками, мешали четкому восприятию, где начиналась и кончалась условная городская черта (явление, наблюдавшееся в среднеазиатских городах до недавнего времени). В-четвертых, если понимать, что Тункет был равен половине Бинкета по линейным, а не площадным размерам рабада, то это сведение письменных источников почти совпадает с данными археологического наблюдения.

Развалины Имлака в полном соответствии с данными средневековых описаний расположены как раз на левом берегу реки Илака у самой древней поймы. То, что главное русло Ангрена находится сейчас севернее городища почти на 1 км, не имеет значения, поскольку эта река не обладает определенным ложем, а ежегодно меняет его, при этом с тенденцией подмыва правого берега, как это ясно прослеживается по городищу Мунчак-тепе. Весьма вероятно, что Ангрэн одно время в X веке разработал иное главное русло, находившееся в большей близости к Тункету, чем современное.

Среднеазиатские города, восходящие к поре рабовладельческого общества, всегда имеют могучие насыпные цитадели и мощные культурные слои, накопленные до III — IV вв. Для Тункета же характерно отсутствие и того и другого. Кроме того, на городище Имлак нигде не встречено материалов, которые можно было бы отнести ко времени задолго до арабского завоевания. Повидимому, Тункет, не унаследовавший ничего от скелета рабовладельческого города, начал складываться как городское поселение нового типа уже после кризиса рабовладельческой формации. Судя по исключительному обилию в разных местах шахристана и рабада металлических шлаков, его развитие связано с расцветом в Шаш-Илаке горной промышленности в раннем средневековье.

Археологический материал верхнего культурного слоя этого городища может быть отнесен к XII веку и во всяком случае не позднее начала XIII столетия. Очень может быть, что жизнь Тункета, как крупного административного и экономического центра, имевшая и раньше тенденцию к замиранию под влиянием различных пока невыясненных факторов, заглохла на грани XII — XIII вв. еще до монгольского завоевания.

Работа 1934 года является лишь первым этапом в деле научного изучения отысканных и опознанных теперь развалин Тункета. Столица Илака, как один из очередных объектов археологического исследования в Узбекистане, после ряда систематических и солидных раскопок даст несомненно немало интересных и важных фактов для уяснения истории как Ахангерана, так и вообще северных участков Мавераннахра.

МАРШРУТ ТУНКЕТ — КУЛЬ-АТА — ПСКЕНТ

В западном направлении от Тункета тянутся две большие наезженные старые дороги, легко опознаваемые по глубоким, веками протоптанным пропилам в поперечных складках предгорий, далеко отходящих на север в сторону долины. Одна из таких дорог, слегка отклоняясь на юго-запад, ведет к району древних рудников на площади Алмалыка и Накпая и далее к Курган-тепе в кишлаке Джанибек²²⁷. Другая тянется в широтном направлении и на отрезке Тункет — Таш-кишлак приведена в описании маршрута Пскент — Тункет. Далее в западном направлении она пересекает современную алмалыкскую дорогу и по верху речной террасы тянется к кишлаку Куль-ата. То справа, то слева от нее попадаются мелкие погребальные курганы. Вследствие искусственного обнажения у двух из них мне удалось рассмотреть обкладку по низу камнями. В другом месте у такого кургана встретилась половина каменной зернотерки. На обрыве террасы к пойме Ангрена издали видны отдельные тепе.

Кишлак Куль-ата, состоящий из двух частей — верхней и нижней, — расположен примерно в 18 км к западу от Тункета. Своим названием, в переводе означающем «отец озера», селение обязано небольшому и единственному в горах Илака озерку, образованному бьющими из известняков десятью родниками. Его длина примерно 400 м, а наибольшая ширина около 90 м. В верхней его части в полгоре над озером имеются развалины укрепления правильной прямоугольной формы, повидимому, существовавшие уже до арабского завоевания. Из керамики здесь чаще всего попадаются фрагменты крупных хумов. Внизу у восточного угла озера высится холм с искусственной насыпкой, возможно связанный как-то с культом духа вод озера. К западу от холма распо-

ложена на самом берегу озера небольшая роща из крупных тутов и одного гигантского ствола, по определению ботаника П. А. Гомолицкого, *Celtis Australis* или железного дерева. Место это считалось аулиэ — святым. Над ним, на западном берегу озера расположено мусульманское кладбище, функционирующее еще и теперь, но, повидимому, большой давности.

Отсюда озеро отходит в северо-западном направлении. Посреди него имеется более углубленное ложе, а вся остальная поверхность, за малым исключением, поросла камышом. С северной стороны озера видны следы соседнего сая, из которого иногда попадает в озеро весен-

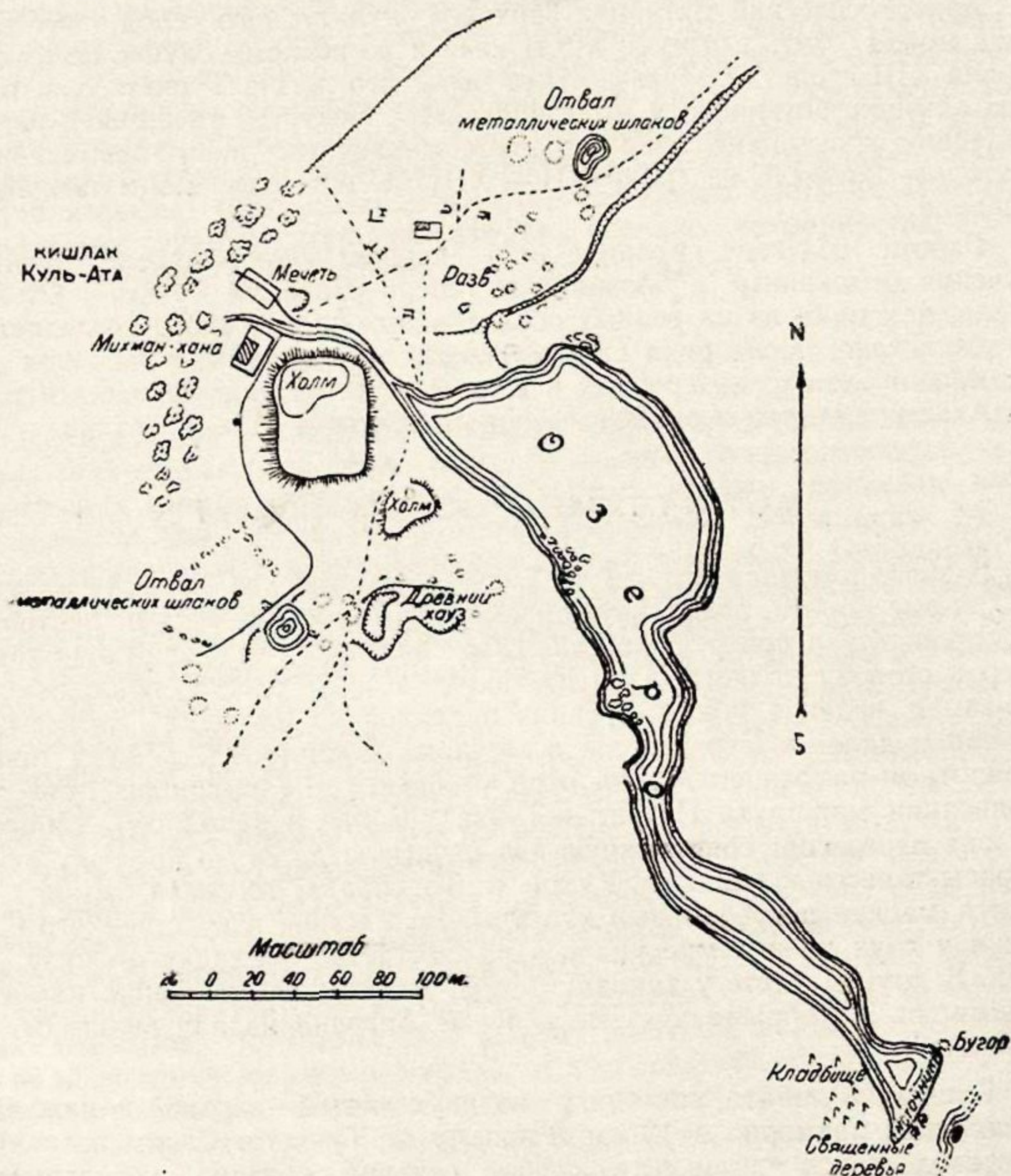

Рис. 48. Тепе Куль-ата.

няя вода. Есть предположение, что озеро образовано искусственно, путем создания запруды вблизи кишлака. Здесь на левом берегу, на гребне естественного отрога до 10 м высоты находятся остатки средневековой цитадели—тепе, площадью более $\frac{3}{4}$ га. В ее северо-западном углу имеется насыпанная еще на 6,5 м платформа, где стояла прежде главная башня, донжон. С вершины тепе ясно различаются три древних дороги, из которых одна отходит в северо-восточном направлении на

Кереучи, другая в юго-восточном — на Тункет, а третья — на юго-юго-запад — в горы. Подъемный материал цитадели содержит по преимуществу фрагменты разнообразной керамики X — XII вв. Они дают представление об обычном средневековом домашнем инвентаре, состоявшем из хумов, куза, глиняных казанов, глазурованной посуды, разноцветной стеклянной утвари, симобкузача, мангалов и т. д.

Территория средневекового городища занимает почти всю площадь современного верхнего кишлака Куль-ата, участок к юго-западу от тепе, а также территорию «старого кишлака», развалины которого расположены к востоку от цитадели. В обресе главного, вытекающего из озера, арыка на большом протяжении прослеживается почти метровый культурный слой, содержащий фрагменты средневековой керамики. Немало их встречается и среди полей западной части кишлака, где некогда довольно густо стояли отдельные дома, следы которых отмечаются теперь камнями из цокольных кладок. При обработке земли дехкане наталкиваются сплошь и рядом на жженые кирпичи и другие остатки старого поселения. В 1929 году в Чарбаге около мельницы был выкопан глиняный хум (объемом на 20 пудов рису) и глиняный же сосуд в форме ведра. По словам населения, в 1932 году при поливке хлопкового поля неподалеку от мельницы было замечено, что вода стала быстро уходить куда-то в землю. Расчистив это место, дехканин обнаружил каменный жернов с дырой посередине, который перекрывал колодец, куда и утекала вода. Внутри кишлака на берегу арыка я видел нарушенное древнее погребение, причем могильная яма была выложена продолговатым жженым кирпичом $28.5 \times 16.5 \times 6$ см. Неподалеку оказались жженые кирпичи-маломерки продолговатой формы, столь типичные для средневекового Шаш-Илака XI — XII вв. По показанию жителей, лет 30 назад в кишлаке был найден клад медных монет и довольно часто встречались целые сосуды симобкузача. Наибольшее количество фрагментов поливной и глазурованной керамики и отчасти стекла, найденных на городище, относится к X — XII вв. Среди них нам попался один кусок с просверленной дыркой, свидетельствующей, что чашка когда-то чинилась.

Специфическую особенность средневекового городища в Куль-ата составляют остатки довольно крупного по своему времени металлического производства в виде развалин плавильных заводов и отвалов металлических шлаков. Последние встречаются и на склонах цитадели, куда они могли попасть при надсыпке платформы во время одного из ремонтов или даже при ее сооружении. Кроме того, к югу от нее метрах в 120 имеется большая куча шлака до 4 м высотой и около 35 м в диаметре, а рядом с восточной стороны расположен котлован древнего пруда — хауза. Подобранные нами в этой куче шлаков фрагменты керамики можно датировать X — XI вв. Вторая куча шлаков, несколько меньших размеров, расположена к северо-востоку от цитадели на расстоянии около 300 м по прямой линии. Всхолмленная крутом местность имеет явные следы былых строений в виде невысоких бугров. При ударе по ним камнем или ногой слышен глухой звук, как бы от находящейся под ними пустоты; это явление наблюдается в Куль-ата и во многих других местах. В ямках на буграх попадаются куски обмазки из гильбута, а из кучи шлаков нами извлечены фрагменты керамики IX—X вв., когда, очевидно, и функционировало здесь металлическое производство.

На основании анализа кулятинских шлаков было высказано мнение, что здесь плавилась полиметаллическая руда из месторождений Алмалык-сая, а может быть и Алтынтопканской группы. В условиях средневековой техники и транспорта первоначальная плавка руд произ-

водилась на местах ее добычи. Однако в районе Куль-ата население упорно отрицает наличие следов древних горных разработок. Геологическая разведка также до сих пор не установила никаких признаков металлических месторождений. Кульятинские же шлаки, вероятно, следует отнести к следам литейного и кузнечного промыслов. По примерному подсчету Б. Н. Наследова, оба шлаковые холма у кишлака Куль-ата содержат до 5000 м³ шлака, в которых заключено до 360 тонн свинца, 240 тонн цинка и 450 тонн меди.

В районе кишлака Куль-ата привлекают внимание также котлованообразные впадины или «хаузы», как их называют жители. Наиболее крупная из них расположена в 1,5 км к северо-востоку от кишлака на правом берегу сая, к югу от большой дороги. Обширная яма, треугольная в плане, если и не вырыта целиком, то во всяком случае искусственно углублена. Около нее имеется бугор. Вода отводилась из сая с помощью специального арыка, место впадения которого отмечается наносным подкосом земли. При сильях вода прорывается иногда и теперь в этот котлован, следы чего мы наблюдали в 1934 году. Повидимому, в средние века для Куль-ата требовалось большее, чем теперь, количество воды и запас ее, накопленный весной после таяния снегов, держался в разных местах в хаузах. Кроме родниковой воды из озера, население пользовалось еще водой из Ангрена, забирая ее с помощью крупного упоминавшегося выше арыка Имлак, протекавшего и дальше Куль-ата в западном направлении. Жители указывают на арыке вблизи селения место, где находятся следы древнего тигермана или водяной мельницы.

Приведенные археологические наблюдения свидетельствуют, что на месте Куль-ата в средние века находился небольшой илакский город, в котором процветало металлическое производство. Как упоминалось выше, к западу от столицы было расположено пять городов, причем, следуя путем исключения, можно допустить, что городище Куль-ата соответствует скорее всего Туккету, который в Худуд ал Алем кратко аттестуется, как городок с большим достоянием.

О последующей его судьбе пока ничего неизвестно. Местные жители, обнаруживая часто скелеты людей на территории городища и не умея анализировать стратиграфию культурных слоев, считают, что древний город погиб от землетрясения. Судя по нахождению небольшого числа черепков глазурованной утвари XIV — XV вв. в районе цитадели, надо считать, что в это время селение было обитаемо. По местному преданию, право на воду из источников Куль-ата дано кишлаку еще при Тимуре, что якобы было отмечено в особом старинном рукописном документе — васика со многими печатями. Этот документ предъявлялся от имени общества при споре двух кишлаков, пользующихся водой из источников. Хранился он на дому у жителя кишлака, мингбаши Кадркула и утрачен в годы басмачества во время разграбления его имущества.

Пока нет никаких данных для утверждения, что поселение непрерывно просуществовало здесь с XIV в. и до настоящего времени. Сравнительно большое количество фрагментов керамики конца XVIII — XIX вв. позволяет лишь говорить, что современное селение Куль-ата насчитывает более чем вековую давность. По преданию, во времена кокандского владычества здесь неподалеку от михман-ханы был устроен небольшой ханский сарай — дворец и при нем разбит обширный сад. Остатками последнего якобы является около десятка крупных карагачей, наполовину засохших и усеянных гнездами аистов. При моем посещении Куль-ата в 1929 году один из гигантских стволов буджун-карагачей лежал на земле. Подсчет его годовых колец показал, что дерево имело возраст несколько более девяноста лет.

Главная дорога в сторону кишлака Мурад-Али проходит сначала через Верхний и Нижний Куль-ата, оставляя справа два тепе, расположенных на краю культурных земель до переезда через арык Таначи. Затем дорога, спустившись в старую пойму Ангрена, поворачивает в юго-западо-западном направлении и идет по нему примерно до Дунгуздак-тепе, причем на краю речной террасы в трех местах видны разного типа тепе с всхолмлениями около них.

Очень высокое Дунгуздак-тепе именуется также Дункульдак-тепе и Кальтакай-тепе. Оно стоит на левом берегу крупного арыка Кур-сай и занимает площадь неправильной формы примерно 230 и 250 шагов в поперечниках. Дугообразная в плане цитадель обращена фронтом к северу и круто обрывается к протекающему с этой стороны арыку. С вершины ее, вытоптанной теперь отдыхающим здесь скотом, открывается широкий горизонт по всем направлениям.

В секторе между южным и северо-западным направлениями на дистанции от 1,5 и до 8—10 км видно немало разбросанных до самых предгорий курганов разных размеров. С юго-западной стороны к цитадели примыкает обширный шлейф, а за его пределами на прилежащих с востока и юга площадях в рельефе чувствуются развалины строений. Дунгуздак-тепе в свое время могло считаться очень сильным укрепленным пунктом, возникшим задолго до арабского завоевания и существовавшим, судя по подъемному керамическому материалу, в X—XI вв.

Далее дорога, поднявшись на речную террасу, пролегает через кишлак, называемый на старых картах как Улькан-кярриз, а на более поздних—Юкары-кярриз и соблаздивший нас своим названием—«кярриз»; под этим термином известны обычно подземные галереи, служившие для вывода на поверхность фреатических вод. Оказалось, что в натуре имеется две группы кишлаков—Юкары-кярриз и Кую-кярриз, а про Улькан-кярриз никто из опрашивавшихся жителей ничего не знал. Название свое эти кишлаки получили от питающего их одноименного арыка, вытекающего из-под земли вблизи Кашка-махалля кишлака Юкары-кярриз. В голове его нет никаких искусственных галерей, а вода поступает из естественного родникового кярриза в старой пойме Ангрена.

Район этот изобилует всякими тепе. Из наиболее крупных нам называли: Караул-тепе, Сафар-тепе, Джаучек-кан-тепе. На пути нашего следования часто попадались и отдельные погребальные курганчики и бугры от развалин строений. Не доезжая 2 км до Мурад-Али, к северу от дороги мы осмотрели местную святыню старого кишлака Кярриз—Шахидмазар. Мазар представляет собой небольшую саклю в одну комнату с плоской и низкой крышей. Почти половину пола комнаты занимает короткая земляная сагана, ориентированная, согласно требованиям ислама, по странам света. В левом от входа углу навалена куча комьев

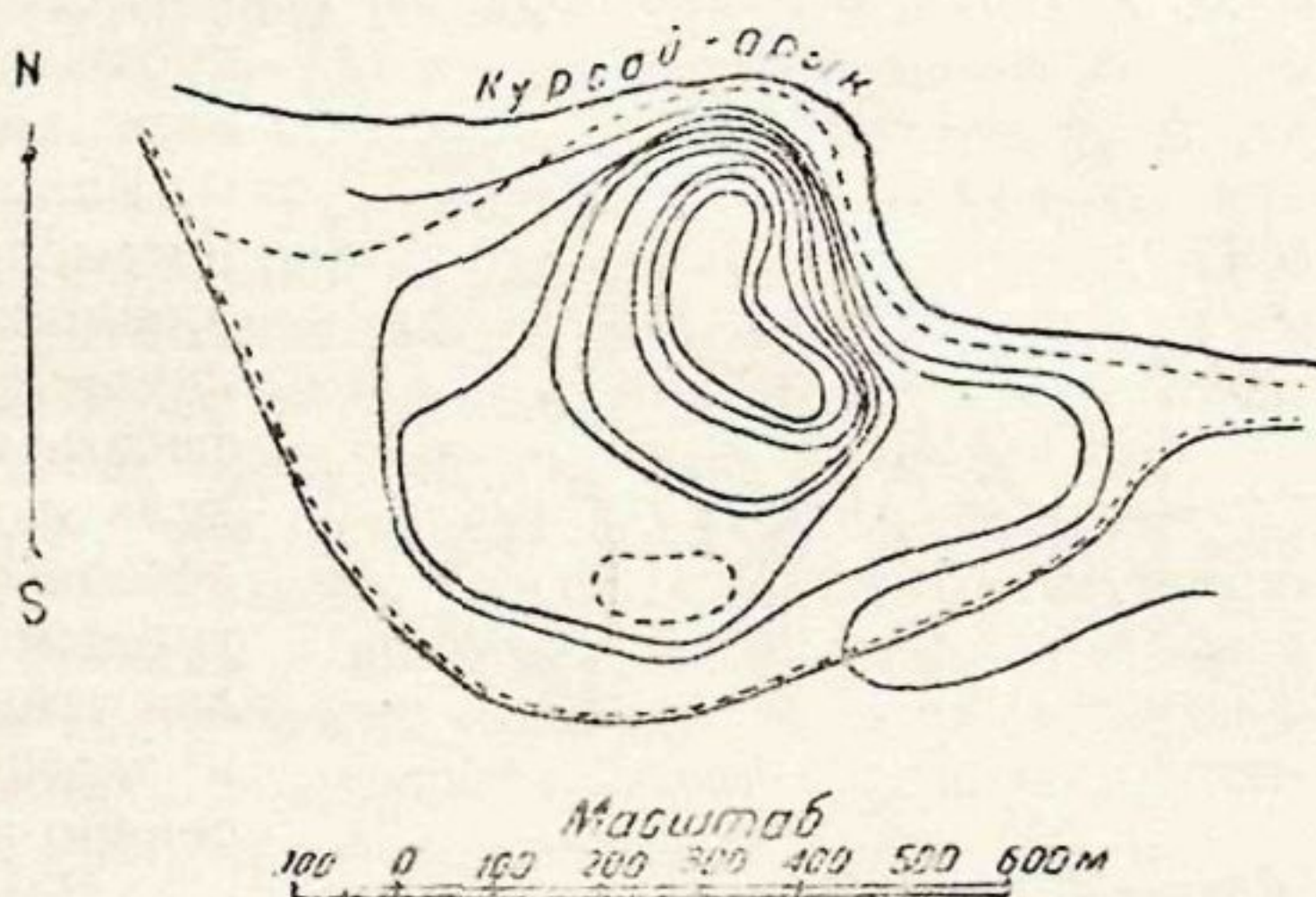

Рис. 49. Дунгуздак-тепе.

земли и ворох вотивных тряпочек. Около саганы лежат два средневековые продолговатые жженые кирпича $27 \times 13 \times 5$ см.

С восточной стороны от кишлака Мурад-Али сохранились развалины дуvalьных стен кургана времени кокандского владычества. Укрепление имеет в плане форму вытянутого прямоугольника с двумя воротами посередине длинных стен. По углам стоят круглые башни — джувахана, а в середине коротких стен — по одному башенному выступу.

Крупное современное селение Мурад-Али лежит на древнем торговом пути, по которому пролегал в XIX в. и упоминавшийся выше почтовый тракт Ташкент — Пскент — Ходженд.

Не доезжая до Пскента около 2 км западнее дороги, в пойме долины Ангрена можно увидеть крупных размеров Ак-тепе. Основание его цитадели в поперечниках по нашим измерениям равно примерно 110 и 120 м. Уклон крутых боков сейчас в оплывшем состоянии около 37° , что очень затрудняет подъем на ее верхнюю площадку, приподнятую над окружающей местностью чуть ли не на 25 м. На поверхности этой площадки видны следы копания, часть которых, по дешифровке В. Д. Жукова, в плане образует как бы семь соединенных между собой

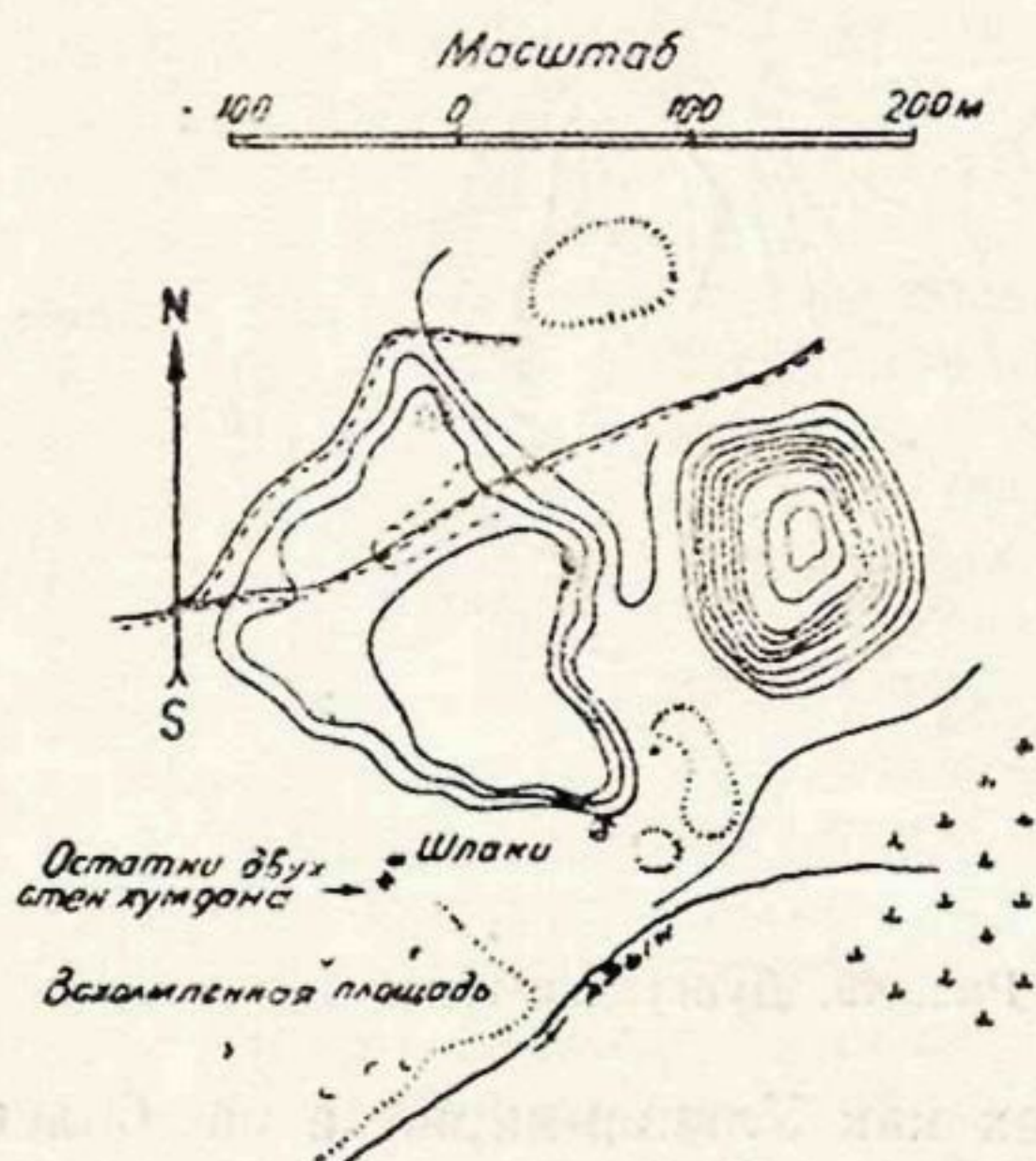

Рис. 50. Ак-тепе близ Пскента.

проходами отдельных комнат при наличии одного большого и одного малого коридоров. С запада от цитадели, несколько отступя, лежит приподнятая же платформа поселения неправильной формы с четырьмя фасадами площадью около 2,5 га. Цитадель и поселение расположены на лёссовых останцах с мощным культурным слоем. Следы прежнего жилья заметны также между цитаделью и платформой поселения и к югу и северо-востоку от них.

Немногие собранные на поверхности фрагменты неглазурованной керамики позволяют считать, что тепе было обжито незадолго до арабского завоевания, а основание его относится к более раннему времени, повидимому, к поре кризиса

рабовладельческого общества. Прилежащие лёссовые останцы и прежде и совсем недавно использовались как материал для кирпичей. Остатки кирпичнообжигательной печи и шлаки находятся к югу от поселения и на возвышенности к северо-востоку от цитадели.

Отрезок дороги от подъема на лёссовую террасу до самого Пскента проходит по неорошенной местности, на которой разбросаны в большом числе могильные погребения разных эпох. Именно здесь производились Узкомстарисом раскопки курганов в 1929 и 1930 годах.

Несколько в стороне от этого маршрута, к востоку от Ак-тепе, примерно в конце четвертого километра новой автомобильной дороги, 29 отряд ТПЭ посетил мазар Богузион-ата. Урочище это носит название «абад». По показанию жителей, когда-то здесь к югу от дороги находился тенистый сад (чарбаг). В обычно почти пустовавший абад на саиль съезжалась масса людей со всех окрестных кишлаков. Теперь здесь давно все заброшено, и от чарбага не сохранилось ни одного деревца. Территория абада покрыта развалинами дуvalьных построек. Самое здание мазара было возобновлено в дореволюционное время из

жженого кирпича европейской формы. Оно представляет собой небольшое перекрытое куполом квадратное помещение, мало интересное в научном отношении. Напротив мазара к северу от дороги расположен далеко выдающийся в долину мыс пскентской лёссовой платформы. На оконечности его гребня высится большой, конической формы, очевидно, могильный курган. С него видны уходящие вдаль редкие одиночные погребальные курганчики меньших размеров, а склоны мыса и отчасти гребень заняты обширным мусульманским кладбищем, которым пользуются иногда и теперь. По преданию, здесь место братской могилы мусульман, убитых в глубокой древности при введении ислама.

МАРШРУТ ТУНКЕТ — ТЕЛЯУ — КАР-ХАНА

Отходившая из Тункета на восток дорога соединяла раньше столицу с провинциальными городками Аблыком и Намудлыком и с многочисленными мелкими населенными пунктами верхней части долины реки Илак. Следы поселений наблюдались нами вдоль нее и на сравнительно коротком отрезке примерно в 10 км.

По выезде из Тункета метрах в 700 от его северо-восточного угла над поймой Ангрена высится конусообразный холм Суйры-тепе. В отличие от других тепе, Суйры-тепе у Тункета не имеет шлейфа, то есть примыкающей к цитадели возвышенной и укрепленной площади. Зато цитадель ее очень высока и достаточно мощна в оборонительном отношении. Благодаря многочисленным норам дикобразов нам посчастливилось получить с тепе несколько фрагментов ранней доарабской керамики и половину небольшой каменной зернотерки. Такие же черепки и куски мелких каменных зернотерок в большом количестве встречаются и на прилегающей с запада и юго-запада площади, которая была занята прежде жилыми постройками селения. К юго-востоку от Суйры-тепе по южную сторону дороги лежит наполовину утопленная в землю круглая каменная зернотерка весом не менее 150 кг.

К востоку от Тункета в отличие от территории, расположенной к западу от него, обнаружено сравнительно мало погребальных курганчиков. Зато вдоль поймы на краю обрыва к Ангрену было встречено несколько пунктов со следами поселений. В кишлаке Ак-тепе, в 6 км от Тункета, имеется довольно большое тепе, которому современное селение обязано своим наименованием.

Нынешнее большое селение Теляу в 1830 году насчитывало едва 80 домов и не имело укрепления²²⁸. Ко времени занятия его царскими войсками там насчитывалось уже около 150 домов, а по другим, несомненно преувеличенным, известиям — около 600. Это был уже как бы небольшой город, обнесенный стеной от 2,5 до 3 км в окружности, но без гарнизона²²⁹. В самом кишлаке Теляу следов древней культуры не пришлось наблюдать, но к востоку от него, километрах в полутора, высится очень крупное и интересное Суйры-тепе с правильной прямоугольной платформой и такой же цитаделью. Собранные здесь фрагменты можно отнести к доарабской керамике, причем среди них есть мелкие черепки от очень изящной тонкостенной утвари.

С востока от Суйры-тепе близко подходят развалины старой русской пограничной крепости Теляу. От нее сохранились следы валов и рвов. В последние годы кокандского владычества здесь где-то была урда или цитадель, в которой жил бек. На ее месте и была устроена русская крепость, представлявшая, по отзыву видевшего ее в 1867 году А. П. Хорошина, в сущности оборонительную казарму, обнесенную отчасти рвом и валом²³⁰. Невдалеке отсюда еще до середины прошлого столетия сохра-

нялись остатки некогда роскошного, по рассказам местных жителей, сада одного из теляуских беков.

В 6 км к юго-востоко-востоку от Теляу имеется урочище Айрытам, на которое, как на место, интересное в археологическом отношении, указывалось еще в 1893 году. Там якобы имеются ряды небольших курганов, в которых жители находили разные предметы и монеты, в том числе и из драгоценных металлов, и переплавляли их у местных ювелиров. По показаниям кураминцев, на Айрытаме при рытье земли однажды были выкопаны три хума. Один из них был будто бы наполнен землей, другой — дорогими камнями (что, вероятно, следует отнести к вымыслу), а в третьем — были человеческие черепа²³¹. Побывать на Айрытаме нам не удалось.

В 6 км к востоку от Теляу, в Якши-кишлаке, одним из жителей было найдено пять медных монет. Место находки оказалось лежащим в пойме Ангрена, среди полей. На дому у нашедшего была только одна монета городского чекана XVI века с неясным обозначением места выпуска.

Примерно к югу от Тункета, в системе Накпай-сая, расположен неизвестный до сих пор объект, представляющий собой группу пещерных помещений, именуемых Кар-хана, то-есть мастерская.

Живописная дорога к Кар-хана идет сначала по Накпай-саю, а затем по ущелью его правого притока Кызата-саю. В тех местах, где ущелье расширяется, лепятся горные кишлачки. Некоторые их постройки, сложенные из кусков сиенита, производят впечатление суровых укрепленных пунктов, как, вероятно, выглядели и некоторые древние тепе в полосе предгорий, обложенные снаружи камнями. Развалины таких построек, встречающихся также по Кызата-саю, выглядят довольно архаичными. На одной из сиенитовых скал имеется высеченный рисунок, напоминающий примитивное изображение козла.

Примерно в 6 км выше впадения Кызата-сая в Накпай-сай нужно подняться метров на 200 вверх по крутой тропе на правый берег ущелья. В обрыве, спускающемся к югу, в лёссе видны следы копания и небольшая пещерка. Тропинка выводит на лёссовую террасу с бугром лёссового останца неправильной округлой формы до 50 м в диаметре. Вершина его покрыта мощным культурным слоем, в некоторых местах достигающим до 6 м толщины и содержащим в себе золу, угли, песок, камни, кости разных животных и фрагменты керамики. Среди последних попадаются разновременные дофеодалные черепки грубой посуды, вылепленной без гончарного круга, наряду с фрагментами от сосудов изящной формовки, хорошего обжига и покрытых желтым ангобом. Без раскопок или хотя бы зачисток нельзя решить, в какой мере этот культурный слой разнороден, накоплен ли он в течение длительного времени на этом месте или появился в результате единовременной насыпки при выравнивании площадки бугра. Следы этого выравнивания можно считать остатки каменной облицовки наружной поверхности бугра, которые кое-где видны в обрезах. Сам бугор прежде был несравненно больше, и до нас дошли далеко не все пещеры, когда-то вырытые в его лёссовой толще и частично заложенные в культурном слое. От некоторых уцелели задние стенки; места других частично, повидимому, обозначаются провалами. Последние встречаются на площади к юго-западу от бугра, где они могут являться следами землянок полукочевников. Сохранившиеся пещерные помещения представляют собой целую систему комнат, соединенных коридорами, проходами и даже лестницами, так как отдельные камеры вырыты на разных уровнях. Это объясняется тем, что в системе пещер при их устройстве не было единого первоначального

чального плана, а появлялись они далеко не одновременно и даже в разные эпохи. Некоторые из них, находящиеся ближе к поверхности, имеют перекрытия, сложенные из отдельных кусков камня.

Главный вход в Кар-хану расположен в северной стороне и снаружи декорирован айваном почти 14 м длины. Коридор, выкопанный уже в лёссе, ведет в просторный сводчатый «зал», имеющий 17 м длины и от 3 до 4 м ширины. Зал много лет служил пятничной мечетью для окрестных жителей. В юго-западной стене его устроена ниша—михраб. В другой нише при нашем посещении маленькой стопкой лежали кораны и другие книги религиозного содержания. Сделанные в лёссе три ступеньки обозначают минбар. Пол был застлан материей, а у михраба вместо намазлыка лежал небольшой платок. Справа от входа расположено помещение со вбитыми в стены колышками в качестве вешалок. Напротив в лёссовой стене зала пробито отверстие, забранное решеткой из деревянных палочек. Просунув сквозь них свечу, мы рассмотрели, что отверстие устроено в лёссовой перегородке, отделяющей зал от небольшой комнаты, посреди которой имеется глиняная сагана, сооруженная, по показанию жителей, над могилой некоего ишана Ишмат Ходжа-хана, сына Мирза Абдулла, сына Мирза Али, считающегося основателем Кар-ханы. В восточной стене помещения с саганой при дрожащем пламени свечи мы различали начало какого-то прохода.

Из большого зала мечети десять широких и до неудобства высоких, постепенно суживающихся ступеней выводят в верхний ярус помещений, проход в которые изолируется навешенной в конце лестницы деревянной дверью. Первое помещение, типа чартока, имеет провалившийся купол; кровля над ним сделана из балок и соломы. В одном из углов устроен очаг. Особенностью этой комнаты является большое количество ниш-ячеек, расположенных в несколько ярусов в верхних частях стен. С запада примыкает глухое помещение, пол которого лежит на три ступени выше; в своде и стенах имеется кое-где кладка из камня. С востока широкая, слегка суживающаяся комната кончается тремя отходящими в разные стороны помещениями. У северного из них кровля провалилась, причем в отверстие проникает теперь свет; восточное же представляет вытянутый коридор с закопченными нишами и отходящую на юг, сложную по плану, очень неправильной формы комнату, свод которой обвалился целиком. В одном месте здесь видны следы каменной обкладки. Южное коридорообразное помещение с загнутым южным концом, где купол сложен из камня, а выход наружу закрыт деревянной двухстворчатой дверью, имеет две глухие боковые камеры справа, а слева поднимающийся вверх, засыпанный теперь проход. На некоторой высоте здесь есть лаз через нишу в помещение, пол которого расположен выше всех других пещер. С восточной стороны бугра есть еще четыре соединяющихся между собой комнаты. В своде одной из них устроено обложенное камнями колодеобразное отверстие, а с западной стороны находится дверь, заложенная комьями земли (гуваля). Хорошо сохранившаяся пещерная комната с очагом и местом для сандала имеется еще в северной стене.

Часть этих комнат в момент нашего посещения была использована под кладовые. Провалившиеся кровли пещер на вершине холма обозначены своего рода легкими деревянными срубами такого же типа, как устраивают над колодцами. Назначение их — преградить доступ скотины, которая могла бы провалиться в отверстия, пасясь на холме. Восточная часть последнего вся скрыта вплотную приставленными каркасными постройками современных, но частью уже разрушенных жилищ. Перед ними остатки, якобы разбитого упоминавшимся ишаном чарбага,

Ходжа-хан, родословная которого известна до третьего поколения. Но на вопросы, в чем заключалась его деятельность и почему бугор называется мастерской, население отвечает неведением. Невольно обращает на себя внимание факт необычайно укромного расположения Кар-ханы в глухом месте, в стороне от дороги, с искусственно задекорированными обычными каркасными постройками входами в пещеру. Недаром до последнего времени о Кар-хане ничего не было известно. Принимая во внимание, что в Илаке среди сельского населения в средние века было немало лиц, принадлежавших к числу последователей сект в «белых одеждах», что еще в XIX веке в Ахангеране, по показанию жителей, существовали тайные общины, руководившиеся особыми ишанами и совершавшие радения, кончавшиеся будто бы «свальным грохом», легко допустить, что в Кар-хане мы имеем одно из помещений, где происходили собрания секты «иштан-салды», якобы унаследовавшей от прежних «чирагкушей» (гасителей светильников) некоторые половые излишества на своих религиозных собраниях. Тогда становится понятным и большое число комнат, и закопченные ниши, и недомолвки населения о назначении Кар-хана. При прямо поставленном вопросе о существовании в Ахангеране секты «иштан-салды» большинство стариков отвечает полным отрицанием, а другие более осторожно и несколько смущенно отмечают, что в настоящее время ее уже нет и что последователи таковой остались только в районе Коканда. Кроме отмеченного еще до революции ферганского не вполне еще выявленного и подтвержденного очага секты «иштан-салды», в 1921 году установлен пункт ее распространения в Каттакурганском и, повидимому, в Джизакском уездах. Теперь в Ахангеране намечается еще одна новая точка, как объект для будущих исследователей вопроса о секте «иштан-салды» и ее особенностях, требующего большого умения и такта при сборе опросных сведений о ней у населения.

МАРШРУТ ПСКЕНТ — КАНКА — БУКА

Небольшой маршрут к западу от Пскента был осуществлен в надежде получить хотя какие-нибудь данные для суждения о том, где с этой стороны примерно могла проходить граница Илака и Шаша.

Пскентское плато мы прорезали в северо-западо-западном направлении. Дорога шла сперва по сильно волнистой местности, во многих местах орошаемой. Изредка и к северу и к югу на горизонте намечались силуэты курганчиков. Километрах в 7 от Пскента, в котловине, ниже дороги, в урочище Аши, мы встретили одноименное тепе с небольшим шлейфом. После того количество видимых с дороги курганных погребений несколько возросло, но все же они попадались редко. Перед колхозом Алимкент справа и слева от дороги стоят два тепе, причем на южном ясно видны следы копания, словно кто-то на его вершине делал окопы. Отсюда по краю Пскентского плато в юго-западном направлении отходит большое скопление курганных погребений «минг-тепе», которые тянутся параллельно дороге чуть ли не на 1,5 км.

При въезде в селение Куль-тепе мы переехали через крупный арык Хан или Кан, на котором производились большие работы. В 1935 году И. А. Анбоев показал мне две монеты из найденного здесь на Ханстрое клада. Они оказались медными дирхемами чекана династии Илеков середины XII в. и биты от имени Мустаафир Сулейман Кадр Тафгач хакана. Год и место чекана на осматривавшихся мной экземплярах отсутствовали.

Наименование селения Куль-тепе, находящегося близ селения Ханават, по ассоциации вызывало в памяти некоторые события, происходившие в Ахангеране в конце XVII — в начале XVIII веков, когда казахским ханом считался Тауке, сын Есыма. Проживавший в приташкентском районе, он воевал с калмыками, нападал и на киргиз и на каракалпаков. По преданию, ставка Тауке (ханабад) была на левом берегу Ангрена на холме Куль-тепе, где ежегодно осенью на 1—2 месяца съезжались казахские баи, причем собрания эти носили характер и судебный и законодательный. Воспоминания об этом до сих пор сохранились среди казахов в выражении: «культобенын басында кунде кенес» (на Куль-тепе собрания происходят ежедневно). Опрос некоторых стариков в кишлаке Куль-тепе в этом отношении ничего нам не дал, так как те решительно не знали происхождения наименования их селения и ничего не помнили о периоде казахского владычества, называя лишь ряд древних тепе, расположенных в пойме Ангрена. Ссылаясь на незнание, они не указали и местонахождения бугра Куль-тепе, которое интересовало нас своим названием, как могущее содержать культурные остатки глубокой древности.

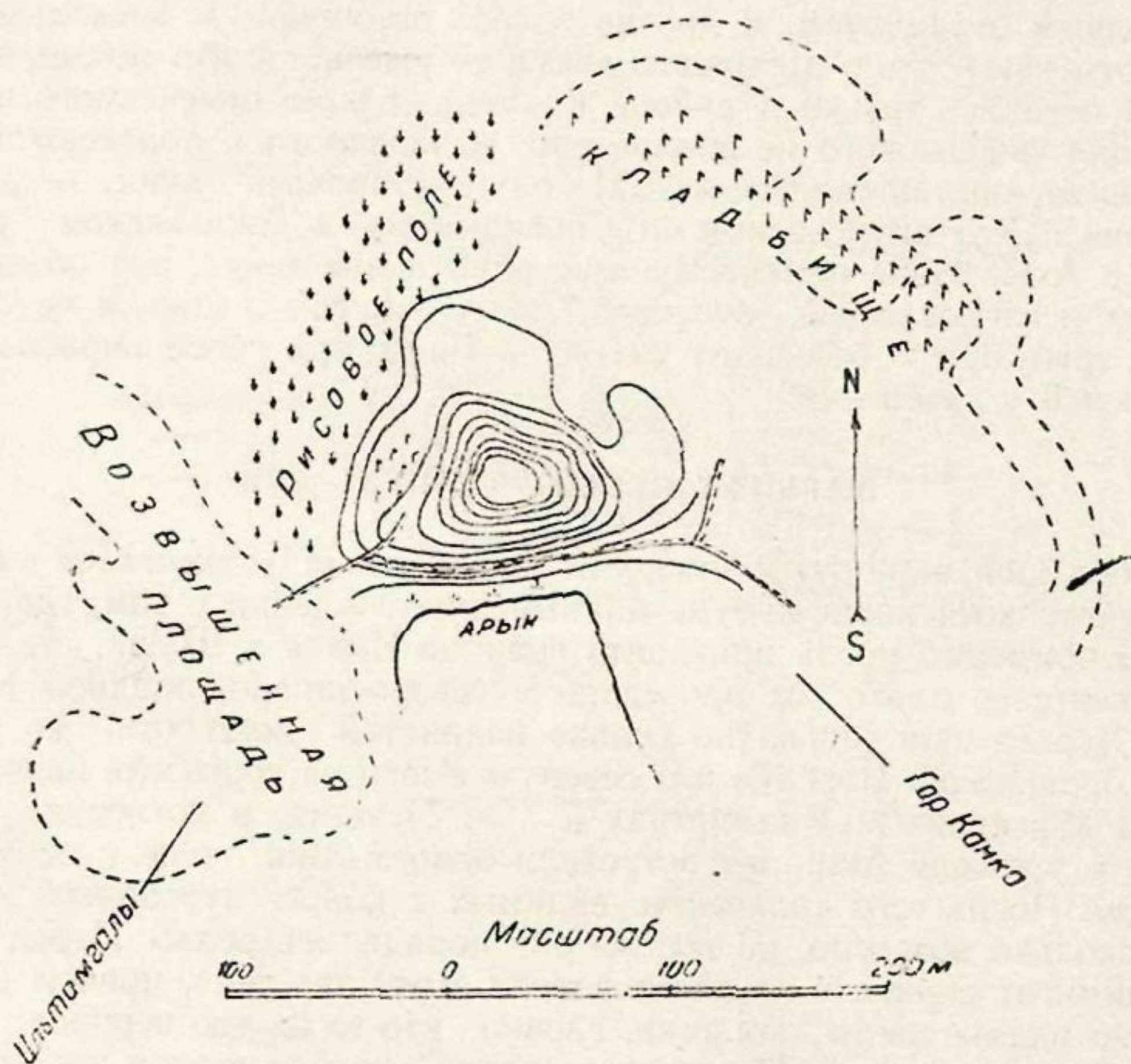

Рис. 52. Тепе Кырк-джанги.

Отсюда наш путь шел в юго-западном направлении почти вдоль современного главного русла реки. До кишлака Ак-курган мы видели несколько тепе разных размеров. В самом Ак-кургане в южной его части над обрывом террасы высится дающее имя кишлаку большое тепе. К нему примыкает возвышенная площадь. В том месте, где ее пререзает дорога, сейчас же за мостом в 1934 году с западной стороны в обресе виднелась кладка кирпичного пола над могилой. Кирпич был разных размеров и в кусках. Сверху в несколько слоев была наложена смазка

из ганча, а затем лежал слой насыпной земли. При обвале свалилась и стояла наклонно полузасыпанная намогильная плита из серого известняка. Кроме частей религиозного текста, виднелся отрывок родословной покойника — «... Давлет-бай, сын Базарбая...», который причисляется к «шахидам», т. е. «погибшим за веру». Судя по форме плиты, характеру работы и почерку надписи, она изготовлена в середине XIX в. Расчистка ее нами не производилась. С поверхности тепе Ак-курган мы взяли половину каменной зернотерки.

Более подробному осмотру было подвергнуто тепе Кырк-джанги или Кызджанги, лежащее в северо-восточной стороне кишлака Ильтамгалы. Высокая цитадель этого небольшого городища почти треугольна в плане. Подъем на нее находился, повидимому, в юго-западном углу. Самое городище занимало возвышенные площади к юго-западу и северо-востоку от цитадели, причем на последней расположено теперь современное мусульманское кладбище. На городище разбросано немало кусков жженных продолговатых кирпичей «шаш-илакского» типа. Сбор подъемного керамического материала, относящегося в основном к XII — XIII вв. и VI—VIII вв., позволяет предположить, что в истории обитания этого тепе было по крайней мере два более или менее длительных периода существования до поселения, возникновение которого относится еще ко времени до VIII в. Именно здесь В. Д. Жуков нашел упоминавшийся богато орнаментированный фрагмент от оссуария овальной формы. Наименование тепе в форме Кырк-джанги население объясняет тем, что здесь когда-то имело место 40 битв. По второму же варианту — Кызджанги обязан своим появлением якобы тому, что здесь было постоянное местопребывание дочери царя Канка, развалины одноименной столицы которого находятся в 3,5 км к юго-востоку от этого тепе и километрах в девяти от впадения Ангрена в Сыр-дарью²³².

История изучения городища Канка

Первые сведения о крупном городище «Ханка» сообщил в своих «Очерках, набросках, воспоминаниях» (СПб., 1883, стр. 80—81) побывавший здесь в 1868 году знаменитый русский художник В. В. Верещагин. Ему рассказывали тогда, что в древности здесь был большой город, окруженный будто бы семью стенами; что названием своим он обязан правителю здешних мест по имени Ка-га-ха, который был «кяфир-падшаурус»; что жизнь тут давно замерла и что на опустевшем городище на памяти стариков устраивались скачки и разные увеселения. В. В. Верещагин отметил, что городище имеет почти квадратную насыпную цитадель в северо-восточном углу, валы от оплывших стен и следы глубокого пруда. На поверхности валялось тогда много костей и обломков глиняной посуды, частично оставшихся от недавно бывшей здесь казахской зимовки, но нигде не было видно никаких следов древних построек. Лишь в одном месте возвышался шест с лоскутом материи, стоявший над одинокой могилой какого-то местного аулиэ, обнесенной недавно сооруженной оградой.

После того городище Канка, как развалины большого сомкнутого укрепления неправильной продолговатой формы с буграми в северном углу, было кратко упомянуто Е. Т. Смирновым в докладе о памятниках материальной культуры в районе Ташкента, зачитанном на заседании Туркестанского кружка любителей археологии 22 января 1896 года²³³.

В марте следующего года он совершил специальную, длившуюся несколько дней, поездку на место, во время которой ознакомился с руинами и произвел небольшие вскрытия, пробуя с помощью двух рабочих

раскапывать вершины бугров и расчищать лисьи норы. Эти поиски дали некоторый археологический материал в виде угля, костей верблюдов, лошадей, рогатого скота, обломков кирпича, фрагментов керамики и стекла, оруденелых остатков каких-то железных предметов и нескольких тонких медных монетных кружков не совсем правильной формы, настолько разрушенных ярь-медянкой, что нельзя было даже рассмотреть, имелись ли на них какие-нибудь надписи.

Что касается определения прочих объектов добычи, то при уровне археологических знаний о памятниках материальной культуры Средней Азии в конце прошлого века Е. Т. Смирнов не был в состоянии дать им какую-нибудь хронологическую датировку и оценку. Находясь же под впечатлением упоминания слова Канка в Авесте и Махабхарате, исследователь, дав сильное описание всему виденному, пришел к заключению, что «основание, жизнь и процветание города Канка» относятся к доисторическому периоду «арийской колонизации Средней Азии»²³⁴.

В 1907 году проездом к развалинам Шахрухии для проверки сообщения, будто там с подмываемого Сыр-дарьей берега падают в реку какие-то бумаги²³⁵, городище Канка осмотрел секретарь ТКЛА ориенталист И. А. Беляев, снял с него фото, а в своем отчетном докладе ограничился признанием «большого археологического интереса» за этим пунктом, который «ждет подробного исследования»²³⁶. Наконец, в 1913 году, по поручению ТКЛА, на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии городище Канка посетил один из членов ТКЛА, упоминающий о нем в своем отчете более лаконично и менее обстоятельно, чем это было сделано Е. Т. Смирновым. Воздержавшись от нового прогноза в понимании развалин Канка и указав со слов Е. Т. Смирнова, что одноименная местность упоминается в Авесте, автор отчета ограничился голым выводом, «что развалины городища Канка в настоящее время представляют больший интерес, чем развалины Шахрухии»²³⁷.

После того до самого 1934 года руины Канка не служили уже объектом исследования, их никто из специалистов не посещал, а в научной литературе констатировалось лишь, что «историческое прошлое и судьбы городища, к сожалению, в должной мере наукой не выяснены»²³⁸. Мрак, сгустившийся над загадочными развалинами в связи с предвзятостью высказанного некогда соображения, что это «одно из древнейших поселений в Азии», «относящееся к доисторическому периоду», был, повидимому, причиной их малой популярности, и очень характерно, что В. В. Бартольд не упоминает о них ни в одном из своих капитальных трудов. Само современное название как бы сыграло роковую роль в истории дореволюционного исследования этого городища, когда, может быть, и неслучайное созвучие с термином номенклатуры из полумифического эпоса глубокой старины мешало восприятию его подлинного бытия в исторической действительности.

Термин «Канка»

Современное окрестное население, состоящее из курамы и причисляющее себя к узбекскому роду Тама, считает, что Канка (или Анка) есть собственное имя могущественного царя, который имел здесь свою столицу задолго до прихода арабов. Родом он был будто бы русский (урус-падша), что, может быть, понимается в смысле неоповедания им ислама. В 2½ километрах к юго-юго-востоку от развалин Канка имеются остатки укрепления теле, которое называют «ош-хана», полагая, что там в свое время помещалась царская кухня, где жили повара

и лица, ведавшие придворным столом, и откуда ежедневно кушанья доставлялись во дворец при городской цитадели. Как ни был, однако, велик и могуществен этот Канка, но, по словам стариков из местного населения, в борьбе с Али он потерпел поражение, и с тех пор его огромная столица стоит в развалинах, среди которых иногда попадаются монеты с изображением на одной стороне портрета самого Канка. Иного значения слова Канка местные жители не знают, унаследовав его вместе с приведенными толкованиями от своих предков.

Выяснение происхождения этого слова могло бы быть небезинтересной темой для лингвиста, так как до последнего времени оно остается загадкой. Чуть ли не сто лет назад Раулинсон высказал свое соображение, что слово «kang» пехлевийского происхождения и значит «небо»²³⁹. В 70-х годах В. Томашек относительно корня «khan» безрезультатно пытался решить, указывает ли он на «варварский гунно-эфталитский источник» или обозначает староиранский иератический термин, который перешел затем к нахлынувшимномадам, почему допускал возможное родство его с уйгурским „käng“ (dim, kängäs, adw känggä) со староузбекским «kan» в значении «широкий», «обширный»²⁴⁰.

Канка или Канга упоминается в Авесте, причем местонахождение ее определяется положением некоей страны Ваиска, расположенной при вратах Кшатросаука, к самому верху священной величественной Канги. В последней, между прочим, имелось какое-то пещерное помещение, в котором туранский владыка приносил свою жертву. Местность Ваиска считалась обиталищем разбойничьего кочевого народа гуннов туранского племени, что, по мнению В. Гейгера, может указывать на северо-восточную часть древнего Ирана, где происходили постоянные столкновения между оседлым населением оазисов и кочевниками степей, и, в частности, на среднее течение Сыр-дарьи. В дальнейшем Канга отождествлялась иногда с «Кандиш» парсийской космогонии Бундегешта и с «Кандиз» Минохиреда, содержащего изложение религиозных вопросов в форме диалога. Оба эти сочинения, относящиеся своей последней редакцией к эпохе сасанидов, как казалось В. Гейгеру, позволяют отыскивать упомянутые пункты «на крайнем востоке иранских земель», поскольку в первом говорится, что Кандиш лежал в восточном направлении на много миль далее озера Вору Каша, а Кандиз — в направлении звезды Сатаваиса (может быть, Антарес или Арктур), на границе Арианваеджа²⁴¹.

Между тем, вряд ли за термином зороастрийской богословской литературы «Kang-diz», то есть «замок Канг» (иногда с эпитетом «чистый») обязательно скрывается реальное содержание. Даже когда такое содержание и могло быть, то разобраться во всех мифологических наслоениях не так просто. Повидимому, чаще всего это просто легендарный пункт (страна, остров, замок) в роде земного рая. Там, например, пребывает сын царя Гуштаспа (при котором жил Зороастр) в ожидании, когда на землю вернется старая культура и когда явится возможность дать Ирану «истинную религию». Таким же в значительной степени фантастическим продолжает оставаться Кандиз и в произведениях средневековых арабских ученых, опиравшихся в своих известиях о нем на представления персов. Так, по словам Бируни, персы считают, что Кандиз — это замок на крайнем востоке, по ту сторону моря, построенный или Кейкаусом или Джемшидом, и что мифический иранский царь Кейхосроу там заставил отказаться от трона своего противника туранского царя Афрасиаба. Масуди приводит, будто Кейхосроу, пройдя ряд государств, прибыл в Китай и там на оконечности

востока построил большую резиденцию по имени Кангдиз, где имели пребывание многие китайские императоры. Характерно, что Фирдауси прилагает название «Канг» то к Вавилону, то к Иерусалиму, то к великолепному «Кангбихишт», лежащему к востоку от Китая и бывшему пределом распространения оружия древнейших сказочных царей Персии. По данным его Шах-намэ, известный железный замок райского Гау-Кангдиз построен легендарным царем Сиявушем. Вместе с тем, Канг — столица туранских царей, в которой Афрасиаб, преследуемый Кейхосроу, нашел себе убежище²⁴².

Поскольку в некоторых арабских источниках река Сыр-дарья носит название Канга или Канкар (в китайской транскрипции Кань-цзе; по древнему произношению — К'ан-ки), Маркварт, отождествив народ *каггар* или *кагар*, упоминаемый у Константина Багрянородного с печенегами, сближал эти термины с именем народа «кенгересов» и делал заключение, что печенеги некоторое время жили около этой реки. В другом месте Маркварт это сближение решительно отвергает на том основании, что канглы появляются на Сыр-дарье лишь в конце XII века и только в качестве наемников. В. В. Бартольд, не считая удовлетворительным эти лингвистические объяснения, со своей стороны отмечал звуковое сходство этих наименований как с Канкай, так и с наименованием шашского города Кенкрак на левом берегу нижнего течения Чирчика в одном фарсах от города Худаинкета²⁴³.

Большой интерес представляет упоминание «канка», как термина для обозначения народа в Махабхарате, этом колоссальном памятнике санскритской литературы, начавшем складываться в V—VI вв., где приводится рассказ Дурьодхана о дарах от разных племен, доставленных царю Юдхиштхира, по случаю задуманного им великого жертвоприношения — асвамеды. Там Дурьодхана видел, «что у ворот дожидались саки, тохары и канка, волосатые люди со лбами, украшенными рогами. Руки их полны дарами: тканями из шерсти, из волокон ранку, из ниток шелка, из волокон дерева патта, множеством материй, тонкотканых одежд из хлопка, из бараньей шерсти, мягкими при прикосновении мехами, длинными мечами с отпущенными лезвиями, большими ножами, железными копьями, секирами, другими острыми топориками видоизмененного типа, напитками, разными благовониями, множеством драгоценных камней»²⁴⁴. В этом рассказе существенно, что канка упомянуты вместе с саками и тохарами, то есть народами, жившими в Средней Азии, и что состав их приношений находится в соответствии с возможной продукцией одной из входящих в нее территорий.

Невольно само собой напрашивается сопоставление народа канка с кочевым владением Кангюй (Kang-kiu, Khang-kiu), история которого вполне еще не выяснена и которое, по отчету китайского посольства Чжан-цяна к юэджам (140—127 г. до н. э.), лежало к северо-западу от Ферганы, то есть примерно располагалось тогда по среднему течению Сыр-дарьи. По малочисленности кангюйцев, у которых насчитывалось до 90 000 войска, они признавали тогда над собой на юге власть юэчжей, на востоке — гуннов. В истории Старшего дома Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.) приведены подробности об этом владении, относящиеся, повидимому, к более позднему периоду, так как число строевого войска у кангюйцев показано уже в 120 000 человек, но военные силы аланов (янь-цай) превосходили их. Не будучи, как будто, вполне самостоятельными (может быть, только номинально и в представлении китайских историков) и находясь от гуннов в какой-то зависимости, а, возможно, только в договорных обязательствах по вопросу о борьбе против китайцев, кангюйцы подчинили себе владения Юни (Ташкент),

Фуму (Кушания), Ги (Бухара), Сусе (Шахрисябз) и Юегень (Ургенч). Затем, как явствует из летописи Младшего дома Хань (25—220 г. н. э.), политическое могущество Кангюя возросло, поскольку ему подчинены стали и аланы. Еще позднее, согласно хронике династии Цзинь (265—419 г. н. э.), главная ставка кангюйцев, располагавшаяся раньше где-то к северу от Ферганы, была перенесена и находилась в округе Шахрисябза. Вскоре же появляются в китайских источниках упоминания среди западных стран владения Кан или Канг (K'ang, Khang). Базируясь на показаниях хроники династии Тан (618—907 г. н. э.), что оно было расположено на южной стороне Зерафшана (На—ми), что к югу от него находился Шахрисябз, а примерно в 100 ли—Иштихан, что иначе оно называется Sa-to-kien, а при династии Юань-Вей именовалось Si-wan-kiп, синологи признают его полную идентичность с округом Самарканда. И если к этому добавить упоминание в истории Северной Вей (386—558 г. н. э.), что династия Кана считалась ветвью династии Кангюя в период Хань, можно, пожалуй, допустить наличие связи между этим фактом и появлением нового наименования для бывшего самаркандского владения. В приводившейся уже истории династии Тан говорится еще, что в эпоху «Yong-hoei» Као-ти (император Као-тсонг), сделал из этой территории Кангюйское губернаторство и дал титул губернатора государю этой страны Фу-ху-ман (иранское Бахман, по Нельдеке, древняя форма Wahnman)²⁴⁵.

Принятое теперь сближение термина Кангюй с наименованием казахского рода канлы или канглы, входящего в состав Старшей орды, по видимому, имеет некоторые основания²⁴⁶, и, вероятно, действительно kang-kiu есть китайская транскрипция названия близкого к имени этого народа²⁴⁷. Хотя на протяжении исторического периода имя канлы упоминалось в разных частях Мавераннахра и даже за его пределами, но ряд известий свидетельствует, что во всяком случае какая-то группа именовавшихся так людей продолжала оставаться на территории бывшего владения Кангюй, к северу от Ферганы, между Таласом и Сыр-дарьей. Немало канглы до сих пор проживают в приташкентском районе, а в долине Ангрена среди курамы имеется род «канлы».

Махмуд Кашгарский (XI в.) приводит, что «Канглы» — это имя великого человека у кипчаков. У Мерварруди (XIII в.) под этим именем фигурирует целый народ. Абул-Гази (XVII в.) происхождение слова «канг» объясняет, как звукоподражательное скрипу телеги, которую додумался сделать один из воинов Огузхана. До того у подчиненных последнему кочевников якобы не было повозок и в языке не имелось соответствующего термина для их обозначения. Изобретателю повозки дали прозвище «канглы», позднее ставшее наименованием племени, родоначальником которого будто бы был он²⁴⁸.

При всех этих сопоставлениях нельзя не заметить наличия некоторого стыка туманных полусказочных данных мифологического эпоса и более достоверных исторических известий, а вместе с тем и не признать, что дошедший до наших дней в народном говоре термин «Канка» сам по себе имеет за собой некоторую приемственную историческую связь с прошлым территории долины Ангрена²⁴⁹. Здесь он бытует в имени загадочного городища, в наименовании близлежащего небольшого озерка Кан или Канка, может быть в имени святого Кан-баба, мазар которого находится к востоку от Тункета, а также в названиях двух крупных магистральных каналов Канарык, из которых один связан с городищем Канка, а второй проходит неподалеку от Той-тюбе, с восточной стороны²⁵⁰. Вместе с тем, если принять во внимание, что на территории Узбекистана имеется ряд развалин, получивших свои современные наи-

менованья не без книжного влияния стихотворного таджикского эпоса в изложении Фирдауси (например, Кушкибарзы в долине Сурхана, городище Афросиаб в Самарканде и т. п.), то, собственно, не было и нет, повидимому, никаких прямых доказательств видеть в названии руин Канка реальную историческую основу и считать его пережитком бывлой географической номенклатуры.

Обследование городища Канка в 1934 году

Таким образом, материал для разрешения загадки о происхождении окутанного таинственностью своего бытия городища Канка должно было дать в значительной степени оно само, на которое мне и В. Д. Жукову удалось попасть 20 июля среди дня, а утром 21 мы выехали уже в сторону кишлака Бука. На непосредственное ознакомление с развалинами нам пришлось уделить всего несколько часов. Все же и при таком беглом ознакомлении мы успели сделать несколько наблюдений, собрать кое-какой археологический материал, провести опрос местных жителей, осуществить в скромных размерах фотофиксацию и снять первый план с городища, а в отношении его самого сделать некоторые новые заключения. Никаких земляных работ мы не производили, но видели следы прежних копаней. Местные жители помнят, что более 30 лет назад²⁵¹ сюда приезжали шестеро русских, которые, будто бы, в поисках золота копали в разных местах городище. Кто они были — установить не удалось. Насколько можно понять из доклада Е. Т. Смирнова, он побывал на городище в 1897 году один и уже застал признаки кем-то производившейся раскопки в верхней части цитадели.

Развалины Канка занимают возвышенную останцовую лёссовую гряду, к которой с северо-востока примыкает неширокая долина по течению одной из бесчисленных речек Кара-су, впадающей в Ангрэн. Городище в этой наиболее ясно оформленной части определяется несколькими площадями, замкнутыми линиями городских стен в виде валов, оползших от времени, но все еще очень внушительных размеров. Уже при первом взгляде ясно чувствуется разновременность происхождения отдельных звеньев существующей системы укреплений в связи с постепенным ростом города.

Первой появилась, видимо, «цитадель», занимающая площадь около 6,5 гектара и имеющая в плане форму неправильного четырехугольника. С трех сторон она окружена рвом, свыше 50 м ширины. Низкое дно рва, благодаря непроточным водам, поросло кугою и камышом и дает теперь приют диким уткам, болотным курочкам и другим птицам. С четвертой самой короткой стороны цитадель круто обрывается к долине Кара-су. Очевидно, это был наиболее ответственный фас в обороне, так как северный угол усилен своего рода «донжоном», от которого остался огромный, площадью несколько меньше одного гектара, далеко видимый насыпной холм, имеющий высоту по вертикали свыше 40 м. В его верхней части в откосах кем-то заложеной траншеи ясно проступает кладка из массивных сырцовых кирпичей, имеющих размеры примерно $60 \times 30 \times 10$ см и относящихся ко времени до середины VIII века. Все говорит за то, что могучий пьедестал — холм, оплывшие бока которого имеют крутизну более 35° , нес на себе когда-то крупное фортификационное сооружение, может быть, даже первоначальный замок правителя. Подъем туда находился в том месте, где примыкает стена северного фаса. От остальной цитадели он отделен особым замкнутым внутренним рвом очень крупных размеров, образовавшимся отчасти за счет вынутой для насыпки пьедестала земли, и, таким образом,

был приспособлен в случае надобности к самостоятельной оборонительной роли даже после взятия цитадели. Внутри последней около западного угла можно наблюдать на значительной площади и в большом изобилии куски и изредка целые продолговатые жженые кирпичи, которые до последнего времени добываются здесь окрестным населением из древних кладок стен какого-то комплекса зданий, возможно, общественного назначения²⁵². Тут же неподалеку, почти на середине южного фаса, расположен выход из цитадели в сторону внутреннего города, пройдя который только и можно было попасть в крепость. По существу описанная «цитадель», ставшая таковой только в раннем средневековье, является ядром еще рабовладельческого города, в котором упоминавшаяся башня — «донжон» площадью в 1 гектар была первоначальным арком. Постепенный рост города отмечен следующими двумя рядами стен.

Средневековый внутренний город, или шахристан (условно обозначенный мной цифрой I), с трех сторон охватывающий цитадель, занимает, включая «цитадель», вытянутую с юго-востока на северо-запад

площадь, около 45 га, в неправильном периметре которой можно грубо насчитать шесть направлений стен. Северный угол его занят постройками современного кишлака, а вблизи западного, может быть, располагалась городская площадь, регистан. На остальной территории видны следы нескольких водоемов — хаузов. Это была густо населенная торговая и ремесленная часть города, где постройки из жженого кирпича встречались лишь изредка. Если не считать излома северо-западного фаса, то общий план шахристана I довольно пассивен в смысле фланговой обороны, а стена его, по сравнению с цитаделью, имеет меньшую высоту²⁵³. Быть может, это показывает, что площадь «шахристана I» была ограждена стеной еще в дофеодалную пору. В ней было устроено четверо ворот. Одни из них были расположены у северного угла цитадели, входившей во

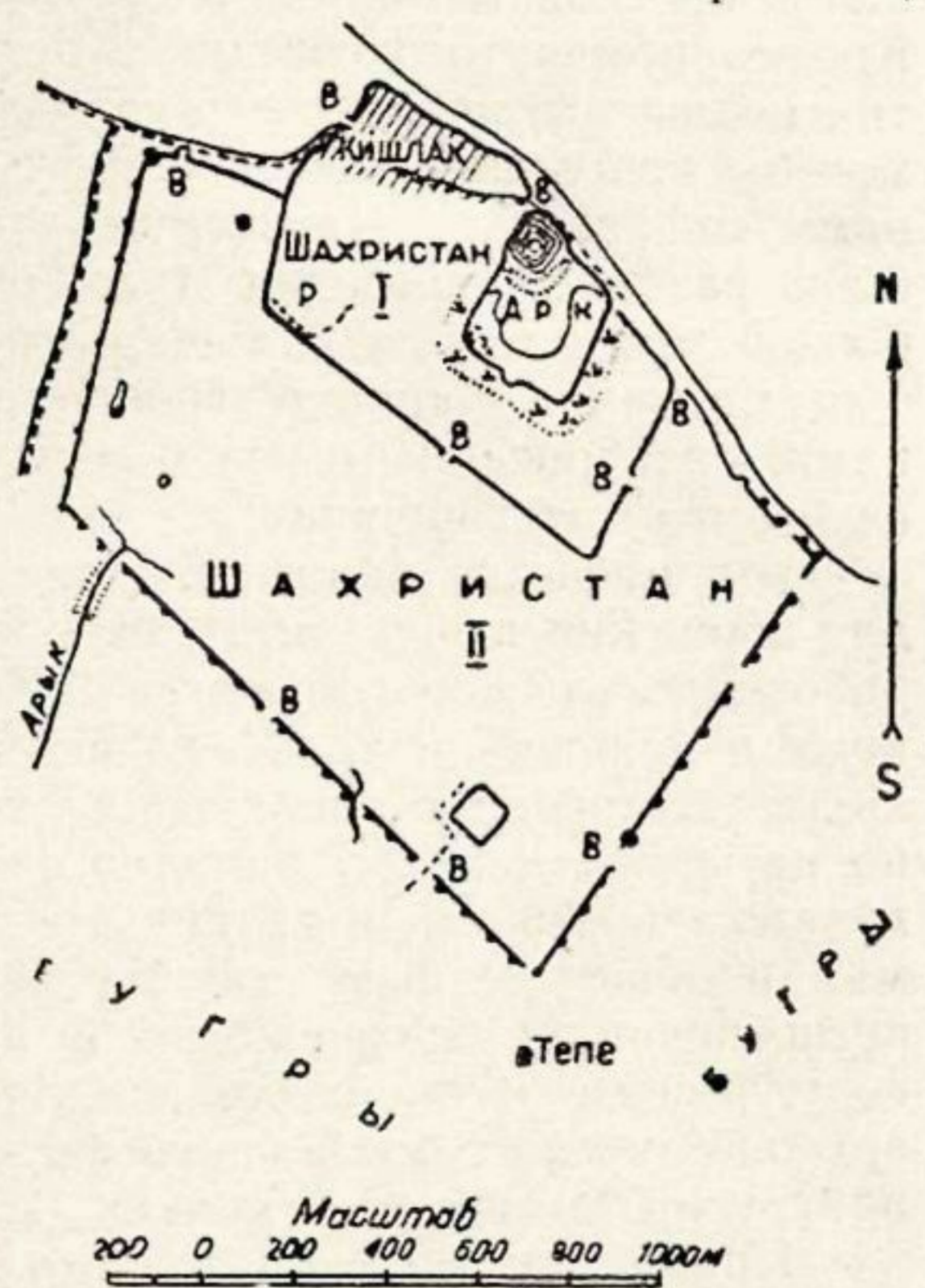

Рис. 53. Схематический план городища Канка (Харашкент)

внешнюю оборонительную линию города своим северным фасом. Вторые находились в западной части, причем их пологим спуском, тянувшимся снаружи вдоль стены, пользуются и доныне жители кишлака Канка. Двое других были проделаны с южной и восточной сторон и в отличие от трех первых являлись внутренними, поскольку вели в былой пригород, частично слившийся позднее с первоначальным шахристаном в связи с ростом города и ставший постепенно главным центром развившейся ремесленной промышленности и торговой деятельности. Этот пригород, в свою очередь, был обнесен новым полукольцом стены, образовав внешний город шахри-бирун (или шахристан II), имеющий площадь около 1,25 км² и примыкающий к шахристану I с восточной, южной и до половины западной сторон. К эпохе

сооружения стен внешнего города, которые несколько ниже, чем стены шахристана I, в местную практику крепостного строительства, видимо, прочно вошел прием фланговой обороны в одной из начальных форм; почти на всем протяжении через разные промежутки устроены крупные башенные фланкирующие выступы. Вблизи восточных ворот и в северном углу башенные выступы достигают таких крупных размеров, что их можно с некоторой натяжкой назвать своеобразными бастионами. Наконец, кроме сомкнутой ограды, к оборонительным сооружениям, может быть, следует причислить и ряд развалин внешних укреплений, словно форты разбросанных с разным удалением по территории былой городской округи и позднейшего пригорода феодальной эпохи. Вероятно, в свое время это были отдельные замки. Следов стены дофеодальной городской округи нами не установлено. На протяжении стены внешнего города (шахристана II) было устроено, повидимому, шестеро ворот. Наблюдаемые теперь кое-где проломы могли быть или вспомогательными выходами-калитками или позднее пробитыми щелями. Двое ворот примыкало к стенам шахристана I. Из остальных обращают на себя внимание восточные, как будто имевшие два проезда. Кроме упомянутого соседнего бастиона, неподалеку от этих ворот, против южного угла внешнего города, высится бугор с руинами, который мог бы исполнять роль внешнего форта. Внутри покрытого развалинами «шахристана II» заслуживает упоминания прямоугольная площадь размером примерно 1 га, обнесенная стеной и расположенная в южной части города. Площадь же бывшего пригорода последней эпохи существования Канка обозначается бесчисленными буграми и развалинами, разбросанными на большом протяжении к юго-востоку, югу и юго-западу от городища.

Что касается водоснабжения, то, помимо упоминавшейся Кара-су, для орошения города и его окрестного района был выкопан еще в пору рабовладельческого общества большой канал, носящий название Канарык и бравший начало из Ангрена на расстоянии 25 км от Канка²⁵¹. Непосредственно в город вода входила особой магистральной канавой по насыпной дамбе у западного угла внешнего города и разбиралась мелкими арычками и глиняными трубами водопроводов по частным домам и общественным хаузам. В 1931 году колхозники возобновили арык, починили древнюю дамбу и пропустили на территорию городища воду, в связи с чем создалась угроза исчезновения при разбивке полей археологического микро-рельефа, в котором запечатлен сложный лабиринт улиц, тупичков и мелких кварталов древнего города.

Природные условия и короткий срок наблюдения не благоприятствовали успешному сбору подъемного материала. Тем не менее, к концу пребывания отряда на городище в нашем распоряжении оказалось некоторое число фрагментов различной глиняной домашней утвари: корчаг, хумов, разнообразных кувшинов, крынок, тарелок, блюд и т. п. Все они принадлежат преимущественно к предметам VI—VIII и IX—XI вв., лишь немногие относятся к более ранней поре; только два—три черепка может быть следовало бы датировать более поздним временем. Судить, насколько эти последние являются характерными или случайными для городища, — пока не представляется возможным. В разных местах нам попались кусочки тонкостенной разноцветной стеклянной посуды. Вещественный намек на ее местное производство в виде застывшей оплывной стеклянной капли был еще в сборе Е. Т. Смирнова. Ему же в свое время удалось найти принадлежавшую какому-то сосуду стеклянную ножку в виде лапки саджи или бульдурука. Зато нам больше повезло в смысле монетных находок, обнаруженных ребятиш-

ками кишлака Канка на городище. Из них нами получено было пять монетных медных кружков:

1. Небольшая описанная выше медная кангюйская монета III — начала IV вв., найденная на «цитадели», т. е. на территории рабовладельческого города.

2. Медный фельс X века династии саманидов, плохой сохранности.

3. Два фельса конца X века, чекана династии илеков с именем Илек-ал-Джалил-хана. Биты в Фергане в 380 г. х. (990/1 г. н. э.).

A. В середине: الله | محمد | رسول الله | ايليگ | الجليل

R. кругом. مما امر به الامير الحليل المويد العدل ايده الله

В середине, в маленьком кружке из точек внутри большого круга как бы по сторонам равностороннего треугольника لا اله الا الله وحده | الاشرىك له

кругом: بسم الله ضرب هذا الفليس بفرغانه سنه ثمانين وثلثمائة

Монеты принадлежат, несомненно, Илеку Насру и являются новыми неизвестными вариантами его чекана.

4. Фельс конца X века. Чекан династии Илеков с именем Тегин-ал-Джалила. Бит в Фергане, в 386 г. х. (996 г. н. э.), плохой сохранности. В кружке пробита дырка для ношения.

Монета принадлежит тому же Илеку Насру, что и две вышеприведенные. Подобные ей экземпляры известны по прежним описаниям.

Заключение

Этим ограничивается перечень наших наблюдений и известных пока находок²⁵⁵. Несмотря на их недостаточность, по ним все же можно сделать некоторые новые выводы относительно городища Канка.

1. Прежде всего развалины действительно поражают своей мощью и свидетельствуют о принадлежности их к очень крупному городскому центру.

2. Город принадлежал к Шашу; это видно отчасти из того, что его главная оборонительная линия обращена в сторону Илака, отчасти же из того, что намечающаяся теперь граница между этими двумя областями проходила где-то восточнее Канка.

3. Он сложился уже до VIII века, и, возможно, его «цитадель» была первоначально ядром города рабовладельческой формации.

4. Если принять во внимание найденный в 1930 году несколько южнее в Дальверзине упоминавшийся клад медных кангюйских монет того же типа, что и монетка III — начала IV вв. с городища Канка²⁵⁶, то в этом можно видеть намек на развитие в этом районе и в частности в городе Канка торгово-денежные отношения с монетным обращением еще в пору кануна кризиса рабовладельческого общества.

5. Находка фрагмента гробика-оссуария на Кыркджанги-тепе позволяет допустить, что и в районе Канка была распространена та разновидность маздеистического культа, при которой употреблялся оссуарный способ погребения при вероятном господстве здесь в определенный период зороастризма.

6. В последний период своего существования Канка был типичным торговым феодальным городом с некоторыми особенностями плана, унаследованного от скелета города предшествующей формации.

7. Наличие относительно большого числа на поверхности фрагментов керамики IX — XI вв. и монетные находки X в. позволяют считать,

что расцвет Канка приходился именно на этот период, после которого наступила эпоха упадка и запустения.

8. Если учесть наличие не очень убедительных и, может быть, случайных черепков более позднего времени, то нельзя отрицать возможности периодов некоторого оживления города и после XI века.

Но если так, то очевидно, что средневековая географическая литература не могла хотя бы вскользь не упомянуть о таком крупном городе, как Канка. Однако такого наименования на территории Шаш-Илака у средневековых авторов нет. Более древние письменные источники также не содержат в себе сколько-нибудь достоверных сведений о наличии здесь города с подобным именем, и мы не знаем, как давно этот термин в качестве собственного имени городища вообще вошел здесь в употребление²⁵⁷.

Для района нижнего течения Ангрена у Истахри и Ибн-Хаукаля приведен дорожник от Бенакета на Бинкет (Ташкент); причем говорится, что от Бенакета, расположенного при Шашской реке (Сыр-дарье), на расстоянии фарсаха находился город Харашкет [خرشکت] от которого через такой же промежуток стоял Худаинкет (город госпожи). От последнего считалось три фарсаха до Шутуркета (города верблюдов), лежавшего на правом берегу Чирчика и бывшего третьим по величине городом в Шаше. Отсюда до Бинкета было 5 фарсахов²⁵⁸. При наложении этого маршрута на карту, пользуясь уже точно установленными пунктами, становится совершенно очевидным, что крупные развалины современного Канка соответствуют средневековому Харашкету, что в переводе может значить «город куланов» или диких ослов. Известно, что он был вторым по величине городом Шаша²⁵⁹, но, к сожалению, не сохранилось никаких его описаний. И даже немногим упоминаниям этого города не повезло как в смысле точности передачи текста при переписке, так и в воспроизведении самого начертания²⁶⁰. К числу таких сильно искаженных передач относится соответствующее место в дорожнике Ибн Хордадбега (IX в.) и выписка из Ибн Хаукаля в одной из рукописей Абу-л-Феда, по которым, не говоря уже об извращении самого имени, Харашкет указывается на берегу Сыр-дарьи²⁶¹. Якут, дав в своем знаменитом словаре принятую теперь наукой транскрипцию и огласовку, упоминает несколько лиц из числа жителей Харашкета, составивших себе имя в области мусульманского богословия, и для одного из них, Абу Саад-ал-Хасан, сына Мухаммеда, сына Сахл ал Фарси, указывает дату смерти 340 г. х. (951/2 г. н. э.)²⁶².

МАРШРУТ КАНКА—БУКА

Установив, что взамен «таинственного» города Канка налицо мощные развалины Харашкета и что район, тяготеющий к нему, выходил за пределы Илака, мы повернули от Канка на восток, не осмотрев за недостатком времени бугров Ак-тепе и Бабур-тепе, находящихся отсюда к югу на пути в средневековый Бенакет. По опросным сведениям, внутри Ак-тепе имеется еще особое Мамуд-тепе, а к северу от кишлака Байгулы расположено большое тепе, которое, по преданию, возвел для своего жилья в древности некий ишан, боявшийся наводнения.

Путь в сторону Пскента мы сделали по новой дороге, проходящей через селение Джелаир и Джеттыру, между которыми, как нам говорили, имеется Шахид-мазар, представляющий собой земляной холм, изрытый внутри ходами и пещерами со сложными в некоторых поме-

щениях кирпичными саганами. Показанное нам на месте тепе, стоящее среди полей, имело сравнительно небольшие размеры. В полгоре виден был срез склона и следы обвала. Выяснилось, что недавно свод над входом обвалился, и проникнуть в глубь тепе без производства работ по расчистке нельзя, вследствие чего пришлось ограничиться только внешним осмотром. Черепкового материала получить у Шахид-мазара не удалось. По словам местных жителей, в холме действительно было несколько помещений и в одном (а по другому показанию, и в прочих) имелись надгильные сооружения и даже какой-то деревянный «экипаж» или паланкин²⁶³. Что представляет собой тепе Шахид-мазара, до вскрытия и подробного изучения утверждать трудно.

Между селениями Джалаир и Бука встретилось несколько тепе; некоторые из них главным фасом своих оборонительных сооружений были обращены на восток в сторону коренных земель Илака. Можно предполагать, что такая ориентировка укреплений была вызвана или ожиданием с этой стороны набегов кочевников с гор, или необходимостью укрепить проходившую где-то здесь границу Илака и Шаша в тот период возможной феодальной борьбы между этими областями, о котором до нас не дошло письменных известий. Интересно отметить, что ряд таких укреплений-тепе (Курган-тепе, Атчавар, Огуз-тепе и др.) тянется к югу от Куль-тепе до пересечения с букинской дорогой.

Большое современное селение Бука имеет высокий насыпной бугор. На его верхней, почти прямоугольной площадке размещается 42 двора, и проложено в разных направлениях несколько узеньких улочек. Здесь прежде была центральная и главная укрепленная часть древнего города. Снаружи склоны тепе кое-где сохраняют следы кладки из крупных сырцовых кирпичей дофеодального типа $60 \times 30 \times 10$ см. Сами склоны плывут и осыпаются, в связи с чем современные сакли, поставленные у края для предохранения от обвала, покоятся на толстых балках, положенных на отдельных крупных размерах камнях. С южной стороны в основании тепе обнаружился подземный коридор, доступ в который без расчистки был при нашем посещении невозможен. Добытые мной из нижних слоев основания тепе фрагменты крашеной керамики без глазури отличаются тонкостью черепка, изяществом работы и могут быть отнесены к утвари первых веков н. э. За год до нашего посещения в этом тепе был якобы найден медный кумган с монетами, но о дальнейшей судьбе клада никаких сведений нет. Возможно, что к числу таких же местных находок следует отнести и тот интересный бронзовый светильник с тремя носиками для фитилей, украшенный надписями, выражающими благопожелания, который был приобретен в Буке в 1896 г. и тогда же поступил в музей ТКЛА²⁶⁴.

На расстоянии 250 м к северу от тепе, на кладбище имеется скромное сооружение Шахид-мазара из квадратного жженого кирпича ($25 \times 25 \times 5$ см, $26 \times 26 \times 5$ см), среди которых немало брака, пережиги, недожиги и кусков. Мазар состоит из одной комнаты, перекрытой провалившимся теперь куполом. Внутри него две земляные кучи обозначают могилы, между которыми растут три недавно посаженные деревца. Здание сооружено в прошлом столетии. Дальше, за кладбищем, в том же направлении, в 200 м от мазара, в карьере, из которого добывают глину на кирпичи, И. А. Анбоев обнаружил в 1934 году на глубине около 2 м от поверхности слой с черепками глазурованной и неглазурованной посуды. Из целых предметов здесь были найдены интересная глиняная крышка без глазури и пара небольших сфероконических сосудов (10 см высоты) со скромным тисненым орнаментом. Оба эти

сосуда, или симобкузача, принадлежат к керамическому браку и интересны, между прочим, тем, что внутри них за время лежания в земле успели образоваться мергелистые конкреции.

Кроме фрагментов керамики и стеклянной утвари, в упомянутом слое находились куски керамических и стеклянных шлаков. Один черепок белой поливы с оливковым орнаментом имеет дырку, служащую явным доказательством, что посуда подвергалась починке. Весь осмотренный мной комплекс находок из культурного слоя этого карьера можно датировать X—XI вв.

Рис. 54. Бука. Бронзовый чираг XI—XII вв. из собрания Музея истории АН УзССР.

К этому же времени относится керамический материал, собранный И. А. Анбоевым в отвале, который образовался при проведении дороги от тепе Буки в сторону участка хлопкового пункта. Помимо фрагментов стеклянной и разнообразной глиняной утвари, тут встречаются шлаки и трехлапчатые прокладки-сипоя, с помощью которых в печах устанавливались для обжига стопки чашек и тарелок. Очевидно, культурный слой заключал в себе частично содержимое отвала от хумдана. Особо заслуживает упоминания найденное здесь же ушко от каменного стеатитового сосуда, принадлежащего к числу объектов, импортировавшихся из Хорасана или Хорезма²⁶⁵.

Из всего изложенного устанавливается, что на месте селения Бука прежде был средневековый илакский город, возникший еще в пору рабовладельческого общества. Как уже отмечалось выше, Истахри и Ибн Хаукаль в промежутке между Чирчиком и Ангреном и к востоку от столичной дороги отмечали три илакских города: Бискет, Самсирек и Хумрак, причем взаимное расстояние между ними равнялось примерно

одному переходу, то есть несколько более 12 км²⁶⁶. Из того, что Хумрак упомянут после Самсирека и что он в форме Хумбарак приведен автором Худуд ал Алем в группе шашских городов²⁶⁷, можно заключить, что он находился дальше Самсирека от Пскента и где-то вблизи шашилакской границы. Учитывая, кроме того, что расстояние от Буки до Пскента равняется как раз одному переходу, легко отождествить городище Буки с Самсиреком. О нем автор Худуд ал Алем говорит в ошибочной транскрипции Самисабрак и дает лишь общую характеристику, называя его цветущим и благоустроенным городком²⁶⁸. В 907 г. х. (1501/2 г. н. э.) в Самсиреке располагался лагерь на несколько дней отряд тимурида Бабура. Что речь тогда шла именно о Самсиреке вблизи Пскента, явствует из дальнейшего текста Бабур-намэ, где говорится, что хан, выйдя во главе армии из Ташкента, продвинулся до Пскента и Самсирека²⁶⁹. Таким образом, еще в XVI веке Бука была известна под своим средневековым именем. Когда вошло в употребление современное название, пока неизвестно, но, вероятно, много времени спустя после того, как старое поселение пришло в упадок в пору кризиса XVIII века и на его месте возникло без всякой преемственности новое. Наименование Самсирека сохранилось в созвучном названии современного кишлака Самсирек Карасуйского района, расположенного в 6 км к югу от Паркента (средневековый Фарнкент), то есть на территории средневекового Шаша²⁷⁰. Как мне говорили, на левом берегу Ангрена выше Аблыка есть еще другой одноименный аул Самсирек.

По пути из Буки в Пскент через Аттарык-тепе мы отметили несколько тепе. Вскоре же после подъема на Пскентское плато километрах в четырех-пяти от Буки мы пересекли группу могильных курганов, тянувшуюся на протяжении почти одного километра. Курганы больших размеров мы видели кое-где и далее к северу от дороги.

МАРШРУТ ОТ КАРАТАГ-АТА ДО КУРАМИНСКОГО ХРЕБТА

Почти в самом начале полевых работ нам удалось проделать в течение двух дней 70-километровый горный маршрут вглубь илакских гор. Крайним его пунктом было поле древних рудников на месторождении Алтын-топкан.

Путь вдоль гор Каратаг-ата привел к долине Кара-кия, которая выглядела очень нарядно, так как сай нес еще много воды. Перед самым спуском в долину, севернее дороги, на гребне хребтика, у кишлачного кладбища мы нашли фрагменты средневековой керамики. Некоторые из них были снесены водой даже на дорогу. Очевидно, здесь было древнее поселение. За перевалом Кара-бель в широкой возвышенной котловине, выложенной белыми известняками ферганского яруса, на большом протяжении встречаются в огромном количестве перебитые крупные ископаемые раковины *Gryphaea Esterhazyi* Rav., именуемые населением «муг-тырнак», что в переводе значит «когти мугов». Муги или маги, как частично отмечалось выше, по представлению коренного населения, были народом, исповедывавшим религию огнепоклонников и оказавшим арабам при завоевании упорное сопротивление. Легенды наделяют их таким гигантским ростом, что переход через Сыр-дарью вброд в любом месте не представлял для них затруднений. Несмотря, однако, на свои знания и силы, муги не были в состоянии противодействовать распространению ислама и в отчаянии так царапали скалы, что у них отскочили ногти, остатками которых и считаются упомянутые ископаемые устрицы²⁷¹.

После спуска с плато Умбеты мы проехали небольшой кишлачок, на территории которого сохранились явные следы древнего поселения и укрепленного пункта, размещавшегося на надсыпанном естественном бугре. К западу от перевала Ак-бель нам было показано в южной части хребта Калканата, почти на гребне отдельно стоящее крупное старое дерево, которое пользуется почитанием у окрестного населения. Основание его обложено камнями, а ветви густо увешаны вотивными тряпочками. Это один из многих примеров пережиточных верований в духа дерева, которые были столь распространены в карамазарском районе. Следуя далее, мы кое-где видели издали муг-таши, сложенные из рваных камней, с могильной камерой выше уровня земли. Не доезжая до Сардоб-сая (в европейской литературе фигурирующего в ошибочной транскрипции — Сардап), вдоль одного гребня мы видели выложенную из рваных же камней «дорожку», выведенную изломанной линией, причем рядом стоял один муг-таш.

Рис. 55. Наскальная надпись близ селения Курганча.

Спустившись в скалистое ущелье Сардоб-сая и двигаясь по нему в восточном направлении к селению Курганча, мы отметили в двух местах металлические шлаки, очевидно, снесенные водой с более верхней части долины. Свое наименование современное селение Курганча, лежащее на правом берегу сая, получило благодаря развалинам укрепленного пункта, расположенного в восточной части селения в 200 м от русла реки. Они занимают господствующее положение над прилегающей частью долины. Верхняя площадка прямоугольного в плане возвышения платформы Курганчи равна примерно 400 м², причем башня, судя по остаткам, была расположена с западной стороны. Таким образом, наиболее сильный фас укрепления показывает, что враг в первую очередь ожидался с равнины Ахангерана. Бока Курганчи во многих местах срезаны при проведении арыка, а у западного края видны следы траншее-

образного копания. Как говорили жители, здесь были как-то выкопаны два хума крупных размеров и другие старинные предметы. Большинство собранных нами черепков керамики можно отнести к предметам домашнего производства незадолго до VIII века. Меньше попало нам фрагментов утвари IX — X вв. (в том числе кусок стеклянного сосуда), которые характеризуют собой продукцию городских ремесленников. Местное население ничего не знает о прошлом Курганчи, но связывает ее существование с деятельностью рудников Алтын-топкан. Напротив селения, на обрывистом левом берегу Сардоб-сая, к юго-западу и западу от правобережной Курганчи виден силуэт бугра, также именуемого Курган-тепе. Большие руины Курганчи, как нам говорили, находятся в сае Кара-кия.

К северо-западу от селения Курганча на большой древней дороге, проходящей мимо кишлачного кладбища, почти у перевала мы осмотрели отмеченную еще в 1928 году надпись, выполненную арабским шрифтом. Она высечена на гранитной скале, плохо сохранившей свою поверхность, причем часть текста, вследствие разрушения скалы, навсегда утрачена. Надпись состоит из шести строк таджикского текста и по палеографическим данным может быть отнесена к XIII — XIV вв. Она почти аналогична с текстом надписи, также сильно попорченным, на одной сиенитовой скале на правом берегу Алмалык-сая, несколько выше мечети селения Джанибек²⁷². Сопоставление обоих текстов привело меня к установлению чтения ряда отдельных слов, дало возможность выяснить, что текст не имеет исторического содержания, а заключает таджикское лирическое трехстишие и обращение от имени писавшего лица. Нет сомнений, что обе надписи более или менее одновременны, составлены, по видимому, одним и тем же лицом и высечены, очевидно, на оживленной в то время дороге. Несколько ниже скалы с надписью мы видели развалины муг-таша, а выше, на зигзаге дороги, издали заметили или остатки такого же муг-таша или каменного кутана для овец.

Выше селения Курганчи по одному из саев, являющемуся левым притоком Сардоба, нам попались в двух местах металлические шлаки, причем в одном случае оказалось, что тут же имеются и следы места, где производилась некогда плавка и где стояла рудоплавильная печь. На склонах здесь кое-где и сейчас еще уцелела арча. На гребне одного из отрогов мы отметили тут наличие еще одного муг-таша.

Поднявшись по крутому склону на зубчатые скалы, мы осмотрели северо-западную группу древних горных выработок месторождения Алтын-топкан, расположенных на сравнительно большой высоте (около 1800 м). Здесь в древности находились наиболее значительные после Кан-и Мансура рудники Илакских гор. Выработки в известняках имеют характер камер разнообразной формы и различного объема, от нескольких кубических метров до нескольких тысяч. В зоне раздробленного гранита здесь наблюдаются следы работ в виде разносов или расселин, достигающих иногда ширины до 5 м. Около некоторых рудников нами обнаружены фрагменты керамики IX — X вв. Наличия ясных следов самого поселения в этой части Алтын-топкана мы не установили, может быть потому, что они не сохранились из-за крутизны склона. Вероятнее всего, рудничная колония была тут в восточной части площади у ската, где чаще, чем в других местах, попадаются черепки глиняной утвари. В отвалах выработок, кроме черепков, встречаются сильно окисленные медной зеленью кварцевые или баритовые кусочки, создающие в первый момент впечатление разрушенных медных археологических объектов.

V. ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ СТАРОГО АХАНГЕРАНА

Из всего изложенного нельзя не сделать заключения, что археологическое изучение территории Илака только что начинается. Написанной истории его не было и нет. Письменные источники исключительно скудны и, вероятно, не все еще выявлены, а потому и не использованы. Сравнительно невелико и количество установленных по Илаку археологических факторов. Вот почему и общие представления о прошлом Ахангерана, построенные на новом, конкретном, но отрывочном материале, могут быть даны пока лишь как силуэты. Тем не менее, вряд ли было бы справедливым отрицать известную пользу для дальнейшей исследовательской деятельности хотя бы и такого характера провизорных обобщений, считая их преждевременными лишь вследствие недостатка предварительной описательной и аналитической работы над письменными документами и вещественными памятниками, на осуществление которых потребуются, несомненно, многие годы.

Туманнее всего наши представления о развитии доклассового человеческого общества в Илаке. Редкость населения на его территории, неразвитость производства, значительное подчинение человека внешней природе явились отчасти причиной того, что от этой поры не могло остаться особенно большого количества следов и остатков деятельности человека, которые, к тому же, еще предстоит в основном выявить. Археологически мы только-только начинаем отмечать для II и начала I тысячелетий до н. э. пребывание людей, владевших орудиями и оружием из бронзы, знакомых с пшеницей и занимавшихся первобытным рыболовством на берегу Сыр-дарьи, охотой, скотоводством и земледелием в горах и долинах Илака. Это они, повидимому, явились строителями городища Караташ, а также авторами некоторых древнейших высеченных на скалах рисунков. Ими же оставлена небольшая часть самых древних каменных курганов «муг-ташей» и, может быть, некрополи с несколькими рядами вертикально поставленных камней, напоминающие в миниатюре бретанские алиньеманы (например, кладбище на левом берегу Карамазар-сая ниже современного одноименного селения, известное под названием Кырк-кыз). Многочисленные древние погребения, совершенные по несвойственному исламу ритуалу, послужили основанием для современного географического термина Карамазар, в буквальном переводе «черная или темная могила», что в переносном смысле следует понимать как «враждебная, чуждая могила» или место погребения «неверных». Это наименование носят здесь два селения, сай и вся юго-западная оконечность Кураминского хребта, то есть бывших гор Илака.

Не более четко можно говорить и о классовом обществе в Аханге-

ране на отрезке времени до VIII века н. э. Как отмечал уже В. В. Бартольд, название области Илак не встречается ни в старых китайских источниках, ни в истории арабских завоеваний²⁷³, равно как там нет и никаких сведений собственно о ней. Таким образом, в реконструкции прошлого приходится использовать в основном данные археологических наблюдений как по Илаку, так и по другим районам Средней Азии и в силу специфики самих вещественных документов оперировать с недостаточным количеством фактов социального порядка. Учитывая тесную связь Илака с Шашем, вряд ли при этом следует допускать большое отставание в процессе развития общества в Ахангеране по сравнению с прочими областями Мавераннахра только на том основании, что область эта находилась как бы несколько в стороне от крупных исторических путей, по которым проходили народы и двигалась торговля. Одним из характерных явлений в истории Ахангерана было почти постоянное сосуществование на его территории оседлого земледельческого хозяйства, основанного на искусственном орошении, с кочевым скотоводческим, что сопровождалось развитым обменом между ними. Одновременно между общинно-родовой аристократией кочевой и оседлой были не только конкуренция и борьба за противоположные интересы, но, как и в других местах, иногда, очевидно, наблюдалась тенденция к политическим объединениям кочевья и земледельческих территорий.

В пору расцвета в Средней Азии рабовладельческого общества Ахангеран входил в состав коренных земель Кангюйского владения. К этому времени относится большинство курганных погребений местных долинных «минг-тепе» и горных «кара-ташей» с инвентарем, напоминающим таковой же с Никифоровских земель под Ташкентом. Этот инвентарь принадлежал людям, проживавшим в поселениях, которые состояли в основном как будто из полужемлянок, в чем можно будет окончательно убедиться после археологических вскрытий. В это время в стране существовали уже разной величины города, часть которых появилась, возможно, в конце первого тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствуют некоторые кладки зданий на городищах из крупных сырцовых кирпичей дофеодалного типа, отмеченные в разных пунктах Илака. На это намекают сложные скелеты городищ Той-тюбе — Нукета и Канка — Харашкета, где средневековые города унаследовали некоторые элементы от городов дофеодалного периода. Вероятно, в эпоху рабовладельческого строя происходило создание силами рабов той ирригационной системы, которая в основном использовалась в эпоху феодализма. Находки медных кангюйских монет своего чекана III — начала IV вв. указывают на наличие развитых торгово-денежных отношений с монетным обращением на местных рынках. Вообще же археологический материал из Ахангерана не дает пока четкой исторической картины времени рабовладельческого общества, его кризиса и выхода страны из него. С двумя последними эпохами, во всяком случае, связано большинство из имеющихся теппе.

С образованием в VI веке обширного тюркского каганата, включившего в свой состав и Ахангеран, усилилось интенсивное проникновение тюркских слов в местную географическую номенклатуру, в десятом веке уже изобиловавшую тюркскими названиями (Аблыг, Намудлыг и др.). К концу рассматриваемого времени стали проявляться дальнейшее усиление процесса отделения ремесла от сельского хозяйства и начало развития ремесленно-торговых городов. Это в свою очередь должно было сопровождаться борьбой между аристократией и демократическими элементами городов, в то время как в кочевых хозяйствах протекала борьба между аристократией и демократическими элементами племенных объединений. Перед арабским завоеванием в Илаке было крупное землевла-

дение; это можно усмотреть из текста Худуд ал Алем, свидетельствующего, что дехканы Илака «в древности», то есть до завоевания области арабами, принадлежали к «мулюки атраф», или правителям-феодалам с определенной политической властью.

Если в первое время после арабского завоевания во всей Средней Азии отмечается упадок и задержка процесса феодализации, то со второй половины VIII в. наступает перелом и намечается интенсивное развитие феодальных отношений. Одновременно с организацией государств с местными династиями в IX — X вв. проводится увеличение хараджа, то есть той ренты-налога, которая являлась основной формой эксплуатации масс. Намечается «икта» — право на получение части государственного налога²⁷⁴. Происходит слияние интересов местной аристократии с интересами главарей, сначала завоевателей арабов, а затем тюркских наемников. Владение землей сосредоточивается в руках военно-чиновничьей аристократии. А обострившиеся внутри общества противоречия приводят к возникновению крестьянских волнений, о наличии которых в Илаке можно предполагать по упоминавшемуся выше известию, в котором говорилось, что в X веке среди сельского населения области больше всего «людей в белых одеждах». Ремесло способствует окончательному формированию ремесленно-торговых городов, где промышленность и торговля концентрируются в основном в бывших пригородах. Так, по Макдиси, из Шаша, часть товаров которого, очевидно, приходится на продукцию Илака, вывозили высокие седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки, кожи, плащи, молитвенные коврики, наплечники, хлебное зерно, прекрасные луки, иголки низшего качества, хлопчатую бумагу, ножницы²⁷⁵. Основной экономической базой Илака, как и прежде, оставалось сельское хозяйство и скотоводство, однако весьма видная и более крупная роль, чем за предшествующий период, принадлежала горному промыслу.

Следы горного промысла в горах Илака сохранились в виде тысячи древних заброшенных рудников, сотен мест, где производилась выплавка руд, в виде развалин рудничных колоний и руин городов с мощными шлаковыми отвалами. Исследования 1934 года наглядно показали, что по сравнению с Карамазаром, в расположенном к северу от Ахангерана Чирчик-Ангренском районе Чаткальских гор древняя горная промышленность была развита значительно меньше. Как уже приходилось мне отмечать, в IX — X вв. функционировало наибольшее количество из известных теперь древних рудников, причем объектом добычи являлись металлические и нерудные полезные ископаемые. Многие из них начаты были разработкой за много столетий до того. Так, например, открытое в 20-х годах нынешнего столетия на правом берегу Ангрена, выше селения Турк, у кишлака Джигиристан месторождение огнеупорной каолиновой глины было известно уже по крайней мере около 2 000 лет назад, на что указывают сосуды, сделанные из нее без гончарного круга и встречающиеся в курганных погребениях первых веков до и после начала н. э. Из Кураминского района через Аблык высокосортная «гильбута», то есть тигельная глина, вывозилась еще в середине прошлого столетия до присоединения к России в другие районы, где шло изготовление своеобразного типа среднеазиатской «фаянсовой» посуды «чини», например, в Самарканд²⁷⁶. Давно, повидимому, также был известен из окрестностей Аблыка кровавик, «дюша», употреблявшийся в качестве огневой краски для окрашивания деревянной посуды и позднее деревянных кереге казахских юрт, а также «магил» (перекись марганца), добывавшийся около кишлака Заркент и дававший краску грязнофиолетового цвета²⁷⁷. На большую давность разработок

у кишлака Намданек в урочище Иски-курган поделочного камня «ак таш», из которого по преимуществу вырезали печати, указывают следы специального тамошнего культа некоего Ак-ата (буквально «Белого отца»), являющегося, несомненно, пережитком одухотворения этого минерала. Еще в прошлом столетии весной на поклонение «могиле Ак-ата» из долины Ангрена приходило немало народа²⁷⁸. О добыче в районе илакских гор соли, жернового камня, квасцов, аметистов, змеевика и особенно широко популярной на Востоке бирюзы — подробно излагалось в других моих специальных работах.

Не меньшее значение имела и разработка рудных месторождений, среди которых, по ориентировочному подсчету Б. Н. Наследова, около 86% вынутых в древности в горах Илака руд приходится на долю свинцово-серебряных разработок. По свидетельству средневековых писателей, серебряные месторождения Илака уступали в X веке только прославленным в то время афганским рудникам Панджхира. Судя по отвалам и размерам выработок в их сохранившейся части, можно думать, что объем вынутой горной породы превосходит здесь количество рудной породы, извлеченной некогда на Кайнаре. По местному преданию, в Чаткальских горах когда-то было сосредоточено изготовление серебряных вещей²⁷⁹. Среди доставленных мне в 1934 году П. И. Князевым древних черепков имелся один тонкостенный фрагмент дофеодальной керамики, подобранный им в отвалах в Чаткальских горах. Возможно, что работы там велись и до VIII в.

Несомненно, в более крупных размерах, чем это представлялось до последнего времени, производилась разработка золота, о добыче которого в горах Илака упоминают Истахри, автор Худуд ал Алем, Ибн Хаукаль и некоторые позднейшие компиляторы. В связи с этим предплагалось, что вскрывавшийся в 1933 году коридорообразный проход, пробитый некогда в конгломератовой толще обрыва старой террасы Ангрена у развалин городища Имлак, является старой штольней для добычи золота. При осмотре его 29 отрядом ТПЭ выяснилось, что современное устье этой обширной галлерей (имеющей около 33 м длины при максимальной ширине 4,5 м и высоте до 2 м) выходит на обрыв, по склону которого на расстоянии 6,5 м протекает сейчас арык. В южном конце галлерей становится более узкой и остается нерасчищенной. Судя по ее расположению в непосредственной близости от внешней городской стены столицы (примерно в 100 м)²⁸⁰ и по направлению в сторону дворца, эта галлерей могла служить убежищем для обитателей дворца и, может быть, была соединена с ним подземным ходом, выход наружу которого за стены города, очевидно, был заложен и в свое время держался в секрете. Если же эта галлерей является действительно штольней, то надо предположить, что разработка золота в ней могла быть допущена или до того, как тут были возведены крепостные стены города, или после его опустения. Окончательно вопрос этот получит разрешение после расчистки всего прохода.

В письменных источниках содержится указание, что в горах Илака разрабатывалось какое-то редкое в то время ископаемое «зульфар»²⁸¹, но в источниках ничего не говорится о месторождениях меди и железа, добыча каковых происходила в меньших масштабах по сравнению с серебро-свинцовыми рудами. О большом спросе на железо в IX веке со стороны халифата можно судить по тому факту, что, согласно Ибн Хордадбеку, в 827 году тахирид Абдаллах должен был внести халифу натурой с подчиненных ему земель, между прочим, 1300 сегментообразных кусков кричного железа²⁸². Очень возможно, что на изготовление тех ножиц и иголок, которые экспортировались из Шаша в другие районы.

частью шла и илакская руда. По некоторым данным можно судить, где именно происходила ее добыча. Но о развитии в Ахангеране железной промышленности ни в коем случае не могут свидетельствовать те пресловутые пудовые крицы железа, которые по недоразумению с 1928 года прочно вошли в научную литературу, как находки из долины Ангрена, хранящиеся в Ташкентском музее. На самом деле в горно-геологическом отделе этого музея имелась тогда только одна сильно разъеденная железная болванка в форме штыкового железа, весом около 18 кг, которая была найдена в 1926 году не в долине Ангрена, а в Казахстане одним из местных жителей на склоне горы против станции железной дороги Тюлькубас, ниже старых горных выработок. Не свидетельствует об исключительно интенсивной выплавке железной руды и самое название долины Ахангеран, которое обычно переводится термином «кузнецы», но которое правильнее толковать, как «рудных дел мастера». Это наименование встречается первоначально в двусложном названии реки Илака «Дарьо-и-Ахангеран» в письменных источниках с XIII века, то есть много времени спустя после того, как миновала пора наиболее оживленной за феодальное время металлорудной промышленности.

Кризис последней, в первую очередь по линии серебра, наметился уже, должно быть, с конца X века и был вызван совокупностью еще не совсем выясненных причин экономического и социального порядка²⁸³. Несомненно, сказывались истощение рудников и трудность отыскания новых месторождений, доступных средневековой технике. Не могло не влиять и изменение в политической ситуации, когда с XI века вслед за завоеванием страны тюрками и приходом к власти караханидов все труднее становилось получать рабов-тюрок для работы в горнорудных предприятиях. В новом удельном государстве без централизаторских тенденций дальнейшее развитие пошло по линии феодальной раздробленности, причем основой военноленной организации являлась «икта». По археологическим данным, грань XII — XIII вв. была критической в жизни некоторых илакских городов, в том числе и столицы Тункета.

Вслед за первыми годами монгольского завоевания, когда часть Ахангерана и Карамазарских гор была обращена под летовки армии и отдана улусу Джелаир, наступил резкий экономический упадок страны. Но в конце XIII — в начале XIV вв. в ней, по археологическим признакам, замечается новое оживление (отразившееся, между прочим, в появлении надписей на скалах в горах и в культурных наслоениях некоторых городов, как, например, в Куль-ата, Пскенте). При установившихся формах эксплуатации в рамках военно-феодального государства, наряду с ростом влияния военно-феодальной аристократии, растет значимость в городской феодальной аристократии, что нашло наивысшее выражение в государстве Тимура и тимуридов в конце XIV — в начале XV вв. Как известно, в 1392 году был восстановлен пришедший в упадок в XIII столетии находившийся около древнего устья Ангрена город Бенакет, получивший после реставрации наименование Шахрухии (ныне развалины Шаркия). Непрерывные феодальные войны характерны для всего отрезка времени в течение этих столетий. Между прочим, на равнине Илака между Ахангераном и Чирчиком, именовавшейся в XV веке Лай, в 1365 году разыгралась трехдневная битва войск мавераннахрских эмиров Хусейна и Тимура с вторгшейся из Моголистана армией эмира Ильяс Хаджи. Войска мавераннахрских эмиров, несмотря на свое численное превосходство, потерпели страшное поражение. Оба эмира после этого вынуждены были бежать за Аму-дарью, предоставив врагу Самарканд и все земли к северу от него.

Памятники старины последующих столетий в меньшей мере являлись объектом нашего археологического изучения. Наиболее вырази-

тельно запечатлен сделанными наблюдениями период кризиса первой половины XVIII века, сопровождавшийся вторжением калмыков и определенными этническими сдвигами. Последствиями этого политического, экономического и социального кризиса явились: упадок ирригационной сети, резкое сокращение площади культурных земель, уменьшение числа населения, запустение многих ранее обжитых пунктов и заболачивание низины Ахангерана.

Во второй половине XVIII века создались условия для выхода страны из кризиса, и наметилось усиление стабилизовавшегося Кокандского ханства, которое и подчинило себе в 1810 году долину Ангрена, до того входившую в течение нескольких десятков лет в состав самостоятельного Ташкентского владения. С этого времени наиболее характерными явлениями следует признать: рост влияния городского и сельского байства, а также духовенства, успешно концентрировавшего в своих руках обширные вакуфные имущества; дальнейшее закрепощение крестьян; усиление экономических связей с Россией, с Бухарским и Кокандским ханствами, ведшими между собой борьбу за обладание Ура-тюбе, Джизакским и Ташкентским районами.

В таком состоянии находилась долина Ангрена, когда произошло присоединение Средней Азии к России в середине XIX века.

За тысячелетие, протекшее с X века (о состоянии Илака, в котором мы ориентированы в данный момент благодаря наличию письменных источников лучше, чем за предыдущие и многие последующие столетия), в долине Ангрена произошел ряд изменений географического и экономического порядка.

Прежде всего, теперь четко выявился факт, что главное русло Ангрена проходило в X веке южнее Пскента, а устьем считалось место, где теперь подходит к Сыр-дарье сухой лог Гиджигена. В связи с этим становится очень вероятным предположение, что для орошения земель по современному северному руслу уже тогда часть воды кооптировалась из Чирчика, подобно тому, как она поступает теперь через проток Кара-су.

Высказывалось мнение, что в четвертичное время болотистая территория занимала довольно обширное пространство вверх по Ангрену до начала подъема на Ангрэнское плато, то есть примерно до селения Турк. Но геологический процесс давно уже пошел на убыль, а заболачивание некоторых культурных земель нужно признать самостоятельным, от него непосредственно не зависящим явлением и отнести за счет деятельности человека и многократных нарушений правильного функционирования ирригационной системы в результате тех или иных причин.

При проезде по Карамазарским горам, предгорьям и отчасти по долине Ангрена создается впечатление, что в средние века в районе было больше поверхностно текущих вод. На это намекают остатки развитых арычных систем, следы мест водосливов, где стояли когда-то мельницы-тигерманы у очень маломощных ныне саев, иногда даже остающихся безводными большую часть года. В горах обращают на себя внимание валяющиеся у сухих логов крупные изношенные мельничные жернова, очевидно, приводившиеся в движение водой, которая протекала в свое время с достаточной быстротой по руслам этих саев. В настоящее время очень трудно решить, объясняется ли это явление уменьшением вообще водных ресурсов, изменением режима вод или более сложным сочетанием ряда причин. Отсутствие учета гидрологических и гидрометеорологических факторов за прошлые эпохи неизбежно должно привести к необходимости проработки этого вопроса коллективом специалистов с участием историков и археологов, могущих привлечь исторические источ-

ники и археологические наблюдения²⁸⁴. Одновременно следовало бы собрать и критически просмотреть также устные показания «старожилов». Ахангеранские кураминцы еще в прошлом столетии рассказывали предание, что когда их предки поселились на Ангрене, то воды в реке было много больше, и объясняли уменьшение ее бесхозяйственной порубкой лесов в горах ради выжигания угля, который еще деды и отцы выгодно сбывали в Ташкент и ферганские города²⁸⁵. Об этом же, но в другом варианте мы слышали в 1929 году от жителей горного селения Далана, которые говорили, что предки их поселились на Далана-сае при Худоярхане (то есть в третьей четверти прошлого столетия), покинув прежнее местожительство вследствие пересыхания питавшего их там родника. Согласно легенде, воды в прежние времена по району было больше и через Далана-сай (в котором сейчас количество воды измеряется «одним тигерманом»), можно было переезжать на лодке, что, разумеется, нужно относить за счет явного преувеличения. В памяти старожилов сохранились еще слова какой-то давно умершей старухи-кураминки, предсказывавшей, будто бы, что из-за чрезмерной порубки леса внуки и правнуки будут испытывать недостаток в воде и убеждавшей своих единоплеменников не увлекаться углежжением.

Истребление человеком лесов отмечается и в других районах Средней Азии. Так, например, по словам Табари, арабские войска в 730 году не хотели проходить через селение Мухтарику, лежавшем на пути из Кеша (в долине Кашка-дарьи) в Самарканд, так как склоны гор в этой местности были покрыты тогда густым лесом, очевидно, с сухостоем, и можно было опасаться, что тюрки зажгут его и погубят отряд в огне. В настоящее время, как известно, северный склон этих гор безлесен, но, судя по опыту у перевала Тахта-карача, легко поддается искусственному облесению. В илакских горах истребление лесов началось очень давно. Как наглядно убеждает найденный мной в верховьях Бурачар-сая шлак с запекшимся арчевым угольком и такая же находка П. И. Князева в Чуянбук-сае, в отрогах Чаткальских гор, в древности выплавка руды в этом районе производилась именно на древесном угле из этого дерева. Несомненно, что пора наиболее продуктивной деятельности здесь средневековой горной промышленности была одновременно и периодом весьма интенсивного уничтожения арчевых зарослей, причем истребление их в районе рудоплавильных заводов заставляло переносить последние на новые места. О размерах углежжения можно судить по огромному количеству встречающихся в Карамазаре и Ахангеране старых углеобжигательных ям, которые всегда устраивались на месте порубки леса. Наблюдения 29 отряда ТПЭ дают основания сделать заключение, что в средние века горные леса спускались значительно ниже и доходили в Кураминском хребте до широты кишлаков Накпай и Джанибек. Из этого можно в свою очередь сделать вывод, что отступление современной границы горных лесов в течение последнего тысячелетия вызвано, может быть, не столько природными факторами, сколько деятельностью человека и является следствием «исторических», но не «естественных» причин.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таковы в общих чертах некоторые дополнительные результаты, полученные 29 отрядом ТПЭ при изучении средней части Ахангерана в связи с историей там горного дела. В дальнейшем разведочные исследования района в историческом отношении с производством раскопок должно идти под углом зрения более углубленного выяснения вопроса аграрной истории, социальной структуры городов, ремесленной промышленности и классовой борьбы; при этом следует уделить больше внимания этногенезу и систематическому накоплению новых фактических данных. Только таким путем на конкретном материале с охватом и позднейших эпох будет восстановлена подлинная история развития человеческого общества на этом до сих пор мало изученном участке УзССР. Было бы весьма желательно подвергнуть подобной же археологической рекогносцировке прилежащую с севера и востока территорию так называемого Джетгыкента и верхнего течения Ангрена, входивших частью в состав Илака, частью в состав Шаша, что позволило бы, между прочим, замкнуть с этой стороны древние границы упомянутых округов и полнее осветить прошлое этих районов.

П Р И М Е Ч А Н И Я*

1. Ибн Батута [23], стр. 286
2. М. Е. Массон [148].
3. Д. М. Граменицкий [51]; Заметка [55], Н. С. Лыкошин [75], стр. 15—16.
4. См. [68], [69] и [73].
5. Протокол ТКЛА [80], стр. 22.
6. Протокол ТКЛА [81], стр. 36.
7. ОАК за 1882—1888 гг. [61], стр. XII.
8. Le Strange G. [108], p. 483.
9. В. В. Бартольд [91], стр. 169, 172, 173, 174 и 175.
10. А. А. Семенов [123], стр. 127.
11. В печати о моих работах в Той-тюбе 1928 года упоминает только И. И. Умняков [128], стр. 26.
12. Результаты моей поездки по Карамазарскому району 1929 года отражены в следующих работах: [131], стр. 48; [133], стр. 200; [142], стр. 71; [144] стр. 215.
13. Насколько мне известно, у одного из сотрудников Дальверзинстроя был еще один целый бронзовый кинжал из числа находок при земляных работах на этом канале. До сих пор видеть самый предмет не удалось.
14. Геродот [1], стр. 114.
15. Страбон [2], стр. 523.
16. По показанию жителей Ташкишлака, в верховьях Саукбулак-сая имеется древний медный рудник (мискан).
17. Массон М. Е. [139], стр. 98. Прежнее толкование в археологической литературе слова „муг“, как „монгол“, следует признать ошибочным. См., например, Труды VI археологического съезда в Одессе 1884 года, т. 1, стр. CVIII.
18. О муг-хане в Северной Фергане в Моголтау см. [87], стр. 233, 234 и [72], стр. 27.
19. Обилие сооружений из камней, приписываемых мугам, населением объясняется тем, что эти последние вынуждены были выцарапывать камни из скал, так как от безделья у них начинался под ногтями зуд, вызываемый паразитными червями. За когти муга выдаются крупные ископаемые ракушки *Gyrphaea Eszterhazyi*, за остатки легендарных червей—кремневые заполнения *Turitela*
20. Фото могильной камеры типичного карамазарского мугташа см. Путеводитель экскурсий в Карамазарские горы, III Всесоюзный геологический съезд, Л., 1928, табл. II, рис. 5, после стр. 12.
21. В момент раскопок Пскентского могильника преобладало представление, что вскрываемые курганы скифо-сарматские. На докладах в Наркомпросе УзССР в Самарканде в 1930 году и в Узкомстарисе в Ташкенте в 1933 году производитель работ утверждал, что все виды обнаруженных погребений относятся к „домусульманскому времени“ и даже более или менее отдаленному от момента арабского завоевания Средней Азии. См. [№ 137]. Однако некоторое время спустя было установлено, что встреченные в одном из погребений монеты принадлежат чекану конца XIII или самого начала XIV вв.; этим временем следует датировать и сопровождаемые ими курганные погребения. По определению руководителя работ М. В. Воеводского, другие типы раскопанных пскентских курганов относятся к V—VIII векам.

* Цифры в прямых скобках обозначают порядковый номер списка цитируемой в тексте литературы.

22. Описание поездки Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году см. [28], стр. 19.
23. 1870 год, как дата первого открытия каменных баб в Средней Азии, указан В. А. Мустафиным, который, может быть, не без желания польстить „начальству“, приписал это генералу Колпаковскому. См. Мустафин В. А. [86], стр. 30. Эта дата вошла затем в широкий обиход.
24. В. В. Григорьев [44], стр. 112.
25. М. Е. Массон [136], стр. 9, № 7.
26. Изображение блюда см. Я. И. Смирнов [110], табл. XXV; № 53, Орбели И. А. и Тревер К. В. [146], табл. 4. Описание сцены с признанием во всаднике изображения Варахрана V (420—438) см. Орбели И. А. [121], стр. 150. Новое определение блюда и выписку из письма Херцфельда см. Тревер К. В. [134], стр. 19—23.
27. Массон М. Е. [151], стр. 66.
28. Его же [158], стр. 13—14.
29. Протокол ТКЛА [99], стр. 7, Остроумов Н. П. [104], стр. 36.
30. Подробные результаты моего обследования тойтюбинского кладбища оссуариев в 1928 году намечено изложить в специальной монографии. Находка их представляет интерес уже тем, что тогда впервые были вскрыты эти глиняные гробы в присутствии специалиста. До того обстановка нахождения их была только однажды зафиксирована при обнаружении оссуариев в еврейском квартале Самарканда в 1899 году. Вирский М. М. [90],
31. При новых земляных работах, проводившихся весной 1937 года совхозом № 13 по расширению уступов верхней части каньона Ислахат-арыка, были вновь встречены овальные оссуарии, часть которых оказалась разбитой в процессе откопки. К месту находки для регистрации Узкомстарис направил научных сотрудников Я. Гулямова и Т. Миргиязова, в присутствии которых было произведено вскрытие трех групп оссуариев того же типа захоронения, что был установлен здесь в 1928 году.
32. Массон М. Е. [152].
33. Специально занимавшийся исторической географией арабского халифата Г. ле Стрендж, между прочим, ошибочно считал, что в состав области Илак входили земли только к югу от Ангрена и до изгиба Сырдарьи ниже Ходженда. Le Strange, G. [101], p. 483.
34. Худуд ал Алем [10], стр. 24а.
35. Парк [پارک] или Фарк [فرک]. Прежние чтения европейскими ориенталистами—Турк [ترك] и Барк [برک] основаны были, как доказал М. С. Андреев, на неправильной пунктуации. Наименованием своим Парк обязан, по объяснению средневековых авторов, одноименному селению, находившемуся у гор, откуда берет начало эта река. Тюркское название Чир (уменьшительное Чирчик) встречается в письменных источниках с конца XIV в.
36. Истахри [6], ۳۱۶۵; Ибн Хаукаль [12], ۱۶۱۶
37. О развалинах Бенакета см. И. А. [113], стр. 112—123.
38. Худуд ал Алем [10], 24а.
39. Хашарт—очевидно, народное название Сыр-дарьи, переданное греческими авторами в форме Яксарт, наряду с которым у классических авторов употреблялись термины Силис и Танаис. У восточных средневековых писателей обычно встречается книжное наименование—река Сейхун. Реже она носит название Кангар или Канкар (что, очевидно, соответствует китайской транскрипции Кань-цзе). Кроме того, она иногда называлась по имени области Шаша—Шашской, или по имени отдельных крупных городов ее бассейна—рекою Узгенда, Ходженда, Бенакета и позднее Шахрухии. В китайских источниках II в. до н. э. она именуется Янь-шуй (?); в средние века—Ио-ша, Юй-хо, Юе; позднее—Хо-шан, Гусянь, Хо-гань-мулянь (мулянь—транскрипция монгольского „мурен“, что значит река). Современное название Сыр имеется уже на карте России времени Иоанна Грозного, составленной в 1562 г. На карте Сибири, изготовленной в 1701 году Семеном Ремезовым, она названа „р. Сырт“. Происхождение наименования реки „Сыр“, встречающегося лишь в позднейшей литературе, пока не выяснено. Ходжендские таджики называли Сыр-дарью просто „рекой“—Дарью или Дайра.
40. Описание современного Заркента см. Маллицкий Н. Г. [120], стр. 72—74. В 1926) году мне приносили 30 парфянских драхм Синатрука (77—70 г. до н. э.

- и Фраата Ш (70—37 г. н. э.), якобы найденных в медном кувшине в Заркенте. Сведения о находке пока подтверждения не получили. Массон М. Е. [128], стр. 285, прим. 7.
41. Одноименный город Намданек приводится в списке городов Шаша у Макдиси [11], ۱۰۷ и ۲۶۵, но без указания его местоположения.
  42. Худуд ал Алем [10], 24 а.
  43. Истахри [7], р. 266.
  44. Идриси [18], р. 207.
  45. Истахри [6], ۳۳۲.
  46. Ибн Хаукаль [12], ۳۷۹.
  47. Бартольд В. В. [91], стр. 174.
  48. Н. Г. Маллицкий высказал предположение, что название средневекового Хатункета сохранилось в наименовании современного кишлака Хатынайлык, см. [117], отд. оттиск, стр. 6. Поскольку от Бинкета до Хатункета было два фарсаха, или 12 км, то едва ли этот город можно помещать на месте кишлака Хатынайлык в горах Карджантау у Сайлыка. По тем же соображениям трудно сблизить его и с кишлаком Ходжакент на левом берегу Чирчика, хотя там имеются следы поселения с многовековым существованием.
  49. Кроме городов и городков в Чирчик-Ангренском районе, было еще большое количество селений, о которых мы почти ничего не знаем. К числу, должно быть, наиболее крупных принадлежало упоминаемое у Самани и у Якута селение Шехах, которое по созвучию напоминает современное название кишлака Сокак. Сближение этих пунктов затрудняется тем обстоятельством, что о местоположении селения Шехах нет никаких данных.
  50. Бартольд В. В. [118], стр. 174—175.
  51. Умняков И. И. [128], стр. 26.
  52. Истахри [6], ۳۱۶۶
  53. Ибн Хаукаль [12], ۱۶۱۶
  54. Петровский Н. Ф. [70], стр. 6—7. В. В. Бартольд считал, что не одному переходу, а одному дню пути (то есть от 30 до 48 км) равнялось протяжение площади, на которой были расположены четыре шашских и три илакских города. См. его [91], стр. 175.
  55. Худуд ал Алем [10], 24 а
  56. См. приписку рукой Х. М. Френа на стр. 266 экземпляра книги W. Ouseley [7], принадлежащей Отделу восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР.
  57. О местонахождении Хашта см. Массон М. Е. [142], стр. 50.
  58. Le Strange, G. [96]. р. 483.
  59. Худуд ал Алем [10], 24 а.
  60. Бабур [25], р. 212.
  61. О кишлаке Хас в прошлом столетии Е. Т. Смирнов писал: „возобновление земледелия по Дальверзину относится к недавнему времени; вместо истребленного (узбекского) населения, сохранившегося только в селениях Хас и Токачи (на берегу Сыр-дарьи), орошенные земли заняты киргизскими (читай казахскими) родами юз и чанышкул и частью курамы. Смирнов Е. Т. [64], стр. 121.
  62. Подробный разбор монет клада и выводы см. Массон М. Е. [132], стр. 85—87 № 12; отд. оттиск, стр. 5—7.
  63. Массон М. Е. [132], стр. 89, № 28; отд. оттиск стр. 9.
  64. Бабур [25], р. 208 и 209. Дехкет упоминается также на стр. 213, 214, 215.
  65. Массон М. Е. [131], [142] и [144].
  66. Кудама [5], ۷۶, пер. стр. 159.
  67. Тюркское название города Атлык (آتلق) в долине Таласа транскрибировано у Макдиси как Атлах (اطلح). Макдиси [11], ۲۶۳ и ۲۸۵. Ср. Махмуд Кашгарский [17], 1,9
  68. Ср. приводимую ниже народную этимологию названия кишлака Сарджайлык.
  69. См. [68] и [73].
  70. Бируни [13] 1,298; Бартольд В. В. [115], стр. 140.
  71. Махмуд Кашгарский [17] 1, ۳۲۹ (название дано в расшифрованной транскрипции как تاش کند)
  72. Белазури [4], 421; Бартольд В. В. [115], стр. 140.
  73. Макдиси [11], ۱۰۷ и ۲۶۵

74. Худуд ал Алем [10], 24 б.
75. Бартольд В. В. [91], стр. 174, прим. 6.
76. Граменицкий Д. М. [57] См. также Лыкошин Н. С. [75]. Отд. оттиск стр. 20—21
77. Протокол ТКЛА [78], стр. 19.
78. Упомянутые чугунные предметы имелись в коллекциях А. А. Семенова, Б. Н. Кастальского, И. Т. Пославского, А. И. Добросмыслова. Большое число таких чугунных изделий попало и в Ташкентский музей. Разоблачение их подлинного не археологического происхождения было произведено мной в 1923 году, после чего они были переданы в этнографический отдел по принадлежности.
79. Пославский И. Т. [108], стр. 39—45 с приложением 4 таблиц описываемых предметов утвари.
80. Остроумов Н. П. и Аничков И. В. [94], стр. 13.
81. Худуд ал Алем [10], 24 б.
82. Хорошхин А. П. [43], стр. 26.
83. Из-за вспышки в тяжелой форме эпидемии малярии в конце XIX века в Той-тюбе вымерло очень много жителей, и число дворов сократилось на 250. Так, в 1891 году в этом кишлаке насчитывалось 2150 дворов, а в 1901 году их было около 1900. Габбин [95], стр. 10.
84. Потанин Н. И. [32], стр. 265.
85. Вельяминов-Зернов В. В. [38], стр. 112.
86. Один из вариантов этой легенды, облеченный в литературную форму с ущербом точности передачи самой фабулы, помещен в альманахе „Средняя Азия“; см. Айдаров М. [71], стр. 136—150. Извлечение см. Смирнов Е. Т.; [77], отд. оттиск стр. 6, прим. 2.
87. Граменицкий Д. М. [51]; заметка [55]. Содержание последней заметки частью в вольной передаче и с опущением ряда подробностей приведено у Лыкошина Н. С. [75], стр. 15—16.
88. Н. Маев упоминает между прочим находки с Иски Той-тюбе, поступившие в Ташкентский Музей от П. Е. Курковского. Принимал ли последний участие в раскопках Д. М. Граменицкого или добыл эти объекты самостоятельно—неизвестно. Маев Н. [54].
89. Емельянов Н. [62].
90. Судьба всех предметов, найденных Султаном Пиримкуловым на Улькан Той-тюбе, остается невыясненной. Возможно, что они в свое время и поступили в Ташкентский музей, но затем утратили паспортизацию еще в дореволюционное время.
91. ОАК [61], стр. LXII.
92. Возможно, что этот кувшин поступил в Ташкентский музей, так как в 1900 году в числе его экспонатов значился кувшин серой глины с перегорелыми зернами пшеницы; найден в большом Тойтюбинском холме. Остроумов Н. П. и Аничков И. В. [94], стр. 18.
93. В делах ТКЛА за 1905 год имеется письмо учителя Той-тюбинской русско-туземной школы И. Поршакова на имя Н. П. Остроумова о препровождении какой-то монеты, найденной на холме Тойтюбинского района.
94. Смирнов Е. Т. [77], отд. оттиск, стр. 6. Сообщение о поездке секретаря ТКЛА И. А. Беляева в Той-тюбе и Шаркия. См. протокол ТКЛА [106], стр. 35.
95. Протокол ТКЛА [81], стр. 36.
96. План этот упомянут в описании коллекции ТКЛА со следующей аннотацией: „План холма в окрестностях с. Той-тюбе (Ташкентского уезда), поражающего своими огромными размерами и формой, указывающей на его назначение для стратегических целей. В этом холме местными жителями в разное время делались раскопки, сопровождавшиеся находками разных древностей“. Остроумов Н. П. и Аничков И. В. [94], стр. 12—13.
97. При нашем посещении Улькан Той-тюбе на этом кладбище женщины, тогда еще обычно ходившие в большинстве под паранджой, справляли весеннюю гулянку „сумалак“, по имени специально изготовленного для этого кушанья. Не прикрытые по этому случаю чачванами, одетые в яркие платья, они под звуки бубна, хлопанья в ладоши, с прибаутками поодиночке, парами и вчетвером исполняли грациозные танцы.
98. Массон М. Е., [145], стр. 10., прим. 14; Насыри Хосроу [14], стр. 91, Таджикский текст; стр. 250, французский перевод; его же [15], стр. 195; Вяткин В. Д. [125], стр. 17.
99. К югу от современного селения Той-тюбе, к западу от большой пскентской дороги имеется большой бугор. Обвал с одной стороны обна-

ружил два погребения. В одном скелет лежал вытянутым с севера на юг, в другом—покойник был положен головой на запад, ногами на восток. Отсутствие у него кисти левой руки невольно вызвало подозрение, не являлось ли это клеймом прежнего суда, каравшего уличенных в воровстве отсечением пальцев и запястья. Датирующих материалов археологического порядка на этом бугре обнаружить не удалось.

100. Массон М. Е. [132], стр. 90; отд. оттиск, стр. 10.
 101. Истахри [6], ۳۳۲ .
 102. Идриси [18], р. 207.
 103. Кастальский Б. Н. [107].
 104. Орбели И. А. и Тревер К. В. [146], табл. 44—47, текст стр. XXXIV—XXXV. Близкое по сюжету изображение имеется также на ложчатой серебряной чаше, изображенной на табл. 58. текст стр. XXXVI. Смирнов Я. И. [110], табл. X, № 79; XIV, № 77; XV, № 78; XVI, № 80; XVII, № 81. Орбели И. А. [119], стр. 9.
 105. Протокол ТКЛА [79], стр. 19.
 106. Протокол ТКЛА [81], стр. 36; Остроумов Н. П. и Аничков И. В. [94], стр. 13, где под № 26 значится „План бугра Имиш-казы в степи, влево от Той-тюбе“.
 107. Худуд ал Алем [10], 246.
 108. П. А. Гомолицкий в 1928 году сделал сбор фрагментов древней керамики в 6 км к северо-востоку от Уразаевки в Таш-сае.
 109. Об „очажках“ см. Вяткин В. Л. [125] стр., 52—56.
 110. Истахри [6], ۳۳۱; Ибн Хаукаль [12], ۳۸۶; Худуд ал Алем [10], 246, где явно ошибочно написано Шакокаб (شکاکاب) вместо Шакокет; Макдиси [11], ۲۶۵
 111. Якут [20], 1, стр. 463; III, стр. 245; Бартольд В. В. [91], стр. 175.
 112. Худуд ал Алем [10], 246.
 113. См. [68].
 114. Протокол ТКЛА [109], стр. 46.
 115. Вельяминов-Зернов В. В. [38], стр. 112. К середине XIX века расположенное западнее селения Кара-хтая селение Унгут имело свои оборонительные укрепления уже полуразрушенными.
 116. См. [73], стр. 9, прим. редакции.
 117. Массон М. Е. [145], стр. 14—15.
 118. Фото обоих сооружений Кайнара см. Путеводитель экскурсий в Карамарские горы, III Всесоюзный геологический съезд, Л., 1928, табл. 1 под анонимным заголовком—Купол „гумбез“ над родничком, прав. берег р. Ангрена.
 119. С именем Мадали-хана местное население связывает также проведение ахангеранского Хан-арыка (правильное Кан-арыка), голова которого лежит выше Той-тюбе.
 120. Происхождение названия „тимур дафтар“ местное население объясняет преданием, что в старину особо важные государственные документы в целях лучшей сохранности и долговечности писались на стальных листах.
 121. Кузнецов П. Е. [93], стр. 42; отд. оттиск, стр. 12.
 122. ТВ [105].
 123. Бабур [25], р. 211, 212, 217.
 124. Для сравнения можно указать на исключительное обилие мазаров в Сайраме. См. Массон М. Е. [126], стр. 23—42.
 125. См. [42], стр. 90.
 126. Терентьев М. А. [46], стр. 16.
 127. Якуб-бек Кашгарский по своему происхождению связан с Ахангераном, так как его отец Лятиф-шакосы был жителем селения Пскент. Во втором десятилетии прошлого столетия Лятиф по распоряжению кереучинского бека был отправлен в ссылку в местность Кана Андижанского уезда, где у него и родился будущий „бадавлет“ и правитель Кашгара. После смерти кокандского правителя Омар-хана Лятиф вернулся в Пскент, где и умер, оставив малолетнего Якуб-бека на попечение дяди. В Кереучи Якуб-бек начал самостоятельную жизнь, причем в начале своей карьеры исполнял обязанности слуги у кереучинского мингбаши Гадай-бая.
 128. Вельяминов-Зернов В. В. [38], стр. 112; его же „Исторические известия о Кокандском ханстве“, Труды восточного отделения РАО, часть II, стр. 27, примечание.

129. Потанин Н. И. [132], стр. 272.
130. Массон М. Е. [148].
131. Хорошхин А. П. [49], стр. 78.
132. См. [73], отд. оттиск, стр. 9.
133. Протокол ТКЛА [80], стр. 22.
134. См. [82], стр. 5.
135. Бартольд В. В. [91], стр. 172. До того В. В. Бартольд высказывал мнение, что Тункет находился на берегу Ангрена, повидимому, несколько восточнее нынешнего тракта из Ташкента в Ходженд. См. его [74]. стр. 14.
136. Le Strange, G. [101], p. 483.
137. Бартольд В. В. [115], стр. 142, где написано „местоположение главного города Илака, Тункета. . . до сих пор не определено“.
138. См. Геологический вестник, т. V, № 1—3, Л., 1926, стр. 67.
139. Массон М. Е. [131], стр. 53—54; его-же [133], стр. 204—205.
140. Отчасти в этом следует искать и причину малой популярности Тункета и Илака, о чем можно судить хотя бы по отсутствию их в словарном составе *Enzyklopaedie des Islam*.
141. Последнее начертание относится к XI в. Махмуд Кашгарский [17], 1, 111
142. У Кодрингтона ошибочно приведено начертание *توكتا ايلاق*; см. *Codrington*, O. [98], p. 147.
143. В отличие от большинства классических географов древности Птоломей установил деление на 22 климата.
144. Якут [20], 1, ۱۶۲۲; Абу-л-Феда [22], p. 222. Илак опущен В. В. Бартольдом в его перечне селений в окрестностях Бухары. Бартольд В. В. [91]. стр. 123—133.
145. Эрдманн О. П. [33], Лекция 23 от 6/XI—1841 г.
146. Эти же координаты даны Бируни и „городу Шаш“. Абу-л-Феда [22], p. 221.
147. *Meuendorff*, G. [20], p. 498. См. также карту на вкладном листе.
148. *Codrington*, O. [98], p. 137 и 147.
149. Бабур [25], p. 209, примечание.
150. Макдиси [11], ۳۱۶۶.
151. Бартольд В. В. [10], стр. 17, прим. 7.
152. Гардизи [16], стр. 89, пер. 114.
153. Ибн Хордадбех [3], ۲۹, прим. i.
154. В. Л. Вяткин считал, что Винкерд находился на левом берегу Чирчика значительно выше устья. См. Вяткин В. Л. [92], Протоколы ТКЛА год V, стр. 156—159. В. В. Бартольд сперва помещал Винкерд на левом берегу Чирчика. (См. Бартольд В. В. [91], стр. 170—171), а затем на левом берегу Сыр-дарьи (см. его-же [115]; стр. 139—140). Мои соображения об его местонахождении именно на левом берегу Сыр-дарьи см. Массон М. Е. [145], стр. 18.
155. Истахри [6], ۳۳۶—۳۳۸.
156. Там же, ۳۳۷, прим. i, тотчас под строкой.
157. Ибн Хаукаль [12], ۳۹۹.
158. Макдиси [11], ۳۱۶۲.
159. Массон М. Е. [142], стр. 74.
160. Кудама [5], ۲. V; пер. 159.
161. Там же, ۲. A, пер. 159.
162. Ибн Хордадбех [3], ۲۷, пер. 20.
163. Кудама [5], ۲. V, пер. 159.
164. Якут [20], 1, ۱۶۲۱.
165. Худуд ал Алем [10], стр. 24 б
166. Ибн Хаукаль [12], ۱۶. ۱۶.
167. Истахри [6], ۳۱۶۱۶.
168. Ибн Хаукаль [12]. ۳۸۸.
169. Худуд ал Алем [10], стр. 24а, и 24б.
170. Истахри [6]. ۳۳۲.
171. Ибн Хаукаль [12], ۳۸۹.
172. Там же [12], ۳۸۸; цитата Истахри см. Якут [20], 1,9.

173. Худуд ал Алем [10], стр. 246. Транскрипция В. В. Бартольда, если она только не является типографской опечаткой, — تنكت بخارتان в указателе стр. 37. Может быть, правильнее было бы читать „бухарион“, но при чем тут „жители Бухары“, остается также неясным.
174. Макдиси [11], ۲۷۷.
175. Ибн Хаукаль [12], ۳۸۹.
176. Цитаты из Ибн Хаукаля в труде Абу-л-Феда [22], р. 222 под словом Тункет.
177. Идриси [18], р. 207. Между прочим, Идриси помещает Илак в четвертом климате.
178. Якут [20], 1, ۹۰۰.
179. Там же [20]. ۱۰۲۱.
180. Ибн ал Асир [21], р. 225. М. Рейно в примечании 3 на той же странице отметил, что это лицо упомянуто в труде Ибн ал Асира Kamī, т. X, стр. 165 и в словаре Якута [Index, стр. 743].
181. Эрдманн О. П. [33], лекция 23 от 6/XI 1841 г.
182. Тизенгаузен В. Г. [35], стр. 35; его же [48], стр. XXX. В последнем труде на стр. XXVII автор пишет, что „Шаш, нынешний Ташкент, служил при халифах и саманидах для обозначения обширной области в Мавераннахре, главным городом которого был Бинкет или Тункет“. За 20 лет до этого он же совершенно точно отмечал, что Тункет является столицей Илака.
183. S o d g i n g t o n, O, [98], р. 190.
184. О рудничном чекане в римскую эпоху и в новое время см. Массон М. Е. [130]; стр. 39, прим. 1; отд. оттиск, стр. 2.
185. B a r t h o l o m a e i, J [40], 1, р. 72.
186. Марков А. К. [83], стр. XXVII.
187. Его-же [66], р. 23—24 Dirhem anonyme frappé à Maaden l'an 300 l'égire (912—913 de J. C.).
188. Об аббасидском чекане в Мааден еш-Шаш см. Массон М. Е. [142], стр. 73 и прим. 313 на стр. 95—96. Там же отмечены ошибочность отнесения к чекану Мааден еш-Шаш дирхемов халифа Амина 194 г. х. [809] 10 г. н. э. и неправильное чтение на дирхемах чекана Мааден еш-Шаш 180 г. х. вместо 190 г. х.
189. Марков А. К. [76], стр. 99, № 41.
190. Подробнее с приложением картограммы см. Массон М. Е. [144].
191. О технике чекана монет в Средней Азии см. Массон М. Е. [135].
192. Среди дирхемов нумизматического отдела Эрмитажа с обозначением места чекана „рудник Шаша“ в 1931 году мне удалось опознать несколько фальшивых монет, принадлежащих возможно местной продукции. Между прочим, в 1929 году я нашел на территории рудничного поселка у крупнейшего серебряного рудника илакских гор „Кан-и-Мансур“ медный фельс типа саманидского чекана. На А под калимой стоял знак شو. От круговой легенды уцелело „которые приказал (выбить) шах Исмаил, сын Ахмеда“. R—обычный, но текст круговой легенды искажен до неузнаваемости. При внимательном изучении этого фельса удалось установить, что матрицы А и R резались разными мастерами и что кружок этот следует отнести к продукции средневекового фальшивомонетчика. Очень возможно, что появление необычного на легендах монет Исмаила титула „шах“ объясняется также вольностью фальшивомонетчика. О чекане фальшивых монет в Средней Азии см. Массон М. Е. [135].
193. F g a e h n. С. М. [31], № 154 и 177; Тизенгаузен В. Г. [35], стр. 140 и 147; Трутовский В. [63], стр. 44 и 46; Марков А. К. [76], стр. 125.
194. Истахри [6], ۳۳۳
195. Де Гуге предложил понимать под местоимением „в нем“—„в Бинкете“ (то есть в области Шаш), о котором речь идет ниже (примечание к соответствующему тексту Ибн Хаукаля [12], ۳۷۹), что не совсем, пожалуй, удобно, и, кроме того, находится в противоречии с последующим текстом, где упоминается монетный двор именно в Илаке, а не в Шаше.
196. Ибн Хаукаль [12], ۳۷۹. Де Гуге, приведя в основном тексте слово Илак, в примечании 1 указывает, что в двух вариантах вместо آيلاق стоит سڪ (без пунктуации), в каковом начертании он предпо-

- лагает Бинкет. Между тем, при наличии варианта **آبلاق** правильнее было бы допускать под **سك** один из видов начертания Тункета.
197. Худуд ал Алем [10], стр. 246.
198. Противоположная точка зрения наиболее четко сформулирована В. Г. Тизенгаузенем, который писал: „Бинкет, или Шаш, имя которого преимущественно перед другими городами встречается на саманидских дирхемах, был, вероятно, главным монетным двором при саманидах“. Тизенгаузен В. Г. [35], стр. 35.
199. Интересно отметить факт наличия серебряных монет, выбитых в одном и том же 305 г. х. с обозначением Шаша и Тункет-Илака, что свидетельствует о одновременности работы на тункетском дворе разными штампами. Вместе с тем, нельзя забывать, что до нас дошли и дирхемы, чеканенные в одном и том же году в Шаше и в Бинкете.
200. На некоторых арабских фельсах встречается слово **واف**, обозначающее, как вполне установлено, полновесность и доброкачественность монеты. См. **K a g a b a s e k, I. Die angeblichen Leo-Münzen.** Тизенгаузен В. Г. [48], стр. XIX, примечание. Быть может, не исключена возможность, что в некоторых случаях в легенде монет начертано не **واف**, а **ورق** для обозначения принадлежности к определенной категории денежных кружков медного чекана.
201. **F g a e h n C. M.** [29], стр. 45—46, изображение № 14.
202. Лерх П. И. [52].
203. Бартольд В. В. [91], стр. 212—213.
204. Так, например, в 220 г. х. (835 г. н. э.) сто серебряных дирхемов в Бухаре стоили 85 дирхемов гитрифи, а в 522 г. х. (1128 г. н. э.)— даже 70 этих низкопробных дирхемов. Об их чекане см. Наршахи [8], ۱۶۳-۱۶۶; его же [9], стр. 48—50; Лерх П. И. [52], стр. 60—74. (Две редакции соответствующих мест текста Наршахи).
205. Истахри [6], ۳۱۱۶.
206. Ибн Хаукаль [12]. ۳۶۳ [упоминает гитрифи и мусейяби],
207. Макдиси [11], ۳۱۶. Приведена легенда о первоначальном происхождении низкопробных дирхемов, по которой три брата, Гитриф, Мухаммед и Мусейяб, овладев Мавераннахром, стали чеканить монеты со своими именами. Легенда приведена и у Самани [10],
208. Бартольд В. В. [91]. стр. 210—211.
209. Ибн Хордадбех [3], ۳۷—۳۹; пер. 27—28. Хорезм, Кодар и часть городов тюрок уплачивала подать низкопробными дирхемами хорезми. О них см. Массон М. Е. [151].
210. Тизенгаузен В. Г. [48], стр. 77—80. Подробный экскурс о толковании упомянутых знаков на арабских монетах.
211. Тизенгаузен В. Г. [67], стр. 230—231 с рисунком А монеты.
212. Марков А. К. [76], стр. 198. Слова **بوغرا خان** видимо, остались непрочитанными, так как приведены без пунктуации и не даны в русском переводе.
213. Массон М. Е. [123], стр. 287—288.
214. Марков А. К. [76], стр. 218 и 219. Дорн еще раньше издал описание одного экземпляра, подобного упомянутому А. К. Марковым под № 193, но с неполной датой—39? г. х. См [37], стр. 54. **D o r n, V.** [33] s. 715
215. Худуд ал Алем [10], стр. 24а.
216. Бартольд В. В. [91], стр. 243; его же [118], стр. 14; его же [74], стр. 14.
217. Бартольд В. В. [91], стр. 289.
218. Один из дирхемов 410 г. х., несущий титулатуру Адод-ед-дауле Джугра-тегин, имеет начертание места чекана **توك** (см. Марков А. К. [76], стр. 232, № 263), которое можно читать Тукет или Нукет. Однако, возможно, мы имеем здесь, как и думал в свое время А. К. Марков, не столь уж редкий случай искажения текста при изготовлении штампов; и вероятно, эта монета также относится к Тункету. Близкий же по созвучию небольшой илакский городок Тукет писался без „вау“ (**تكت**) и едва ли может претендовать на собственный чекан.
219. Марков А. К. [76], стр. 252, 267, 268, 271 и 272.
220. Маллицкий Н. Г. [129], стр. 11, примечание.
221. Бартольд В. В. [84], стр. 128.
222. Это третий подробный топографический план развалин древних городищ Средней Азии, специально снимавшийся в более или менее крупном

- масштабе с археологическими целями. Первый сделан был со средневекового шахристана Самарканда, Афросиаб по инициативе Н. И. Веселовского военнотопографическим отделом в 1885 году в масштабе 25 сажен в одном дюйме с соответствующим сечением горизонтали. Второй был изготовлен по моей инициативе Средазкомстарисом в 1927 году с Арка города Бухары в масштабе 1 : 100.
223. Предварительные сообщения о городище Имлак, кроме упоминавшихся моих работ, приводились в следующих статьях: М. М. [143] и Воробьев В. [138].
224. Массон М. Е. [126], стр. 25, отд. оттиск, стр. 3.
225. На схематическом плане граница густо населенной части рабада обозначена пунктиром.
226. За „симвокузача“ по традиции сохраняется название „бомбочек“, поскольку наиболее популярной гипотезой об их назначении долгое время была бомбяная теория. Последняя по времени работа, подробно освещающая историю этого вопроса, принадлежит М. В. Борзову. См. его [155], стр. 37—66.
227. Массон М. Е. [148], стр. 12—29.
228. Потанин [32], стр. 284.
229. Вельяминов-Зернов В. В. [38], стр. 113.
230. Хорошхин А. П. [43], стр. 29.
231. См. [68].
232. Предварительную публикацию о городище Канка см. Массон М. Е. [141], стр. 109—120.
233. Смирнов Е. Т. [77].
234. Протокол ТКЛА [88], стр. 136. На этом заседании Е. Т. Смирнов сделал доклад о своих исследованиях развалин Канка. Содержание этого сообщения было опубликовано в газете „Туркестанские Ведомости“ [96], а затем перепечатано в приложении к протоколу № 4 заседания ТКЛА от 11 декабря 1900 года.
235. Аналогичные слухи возникали несколько раз; причем мне говорили, будто в воду падали не только отдельные листы, но даже целые рукописные книги. Очень может быть, что и произошел подобный случай, так как интенсивный процесс размывания территории Шахрухии происходит в течение многих лет. Весной 1905 года в обнажившемся после обвала обрыве обнаружались остатки строений, в связи с чем туда выезжал действительный член ТКЛА П. А. Комаров. См. [102]. По ошибке вместо Шахрухии в сообщении указан бугор Канка, в действительности отстоящий отсюда на расстоянии 9 км. Вместе с тем, это недоразумение способствовало появлению небольшой газетной статьи Н. Ф. Петровского с выдержкой из труда W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum* [59]. Из другой газетной заметки [103] явствует, что П. А. Комаров будто бы относил все развалины городов в долине Ангрена и по правому берегу Сыр-дарьи „к тому мусульманскому периоду, который предшествовал монгольскому завоеванию“. Такое огульное определение не соответствует действительности и, вероятно, не должно быть приписываемо самому П. А. Комарову, а отнесено за счет газетного искажения.
236. Протокол ТКЛА [106], стр. 35.
237. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, [113], стр. 122—13.
238. Семенов А. А. [123], стр. 127.
239. Reinaud, M. *Geographie d'Aboulfeda*, t. I, Paris, 1848, p. CCXXIII.
240. Thomaschek, W [56]. s. 135—136.
241. Geiger, W. [59], 52, § 9.
242. Подробный разбор упоминаний термина „Kangdiz“ см. в предисловии M. Reinaud, *Op. cit.*, p. CCXX—CCXXIV.
243. Бартольд В. В. [89], стр. 245—246.
244. Fauche, H [41], 512, стихи 1847—1850; Григорьев В. В. [44], стр. 135—137.
245. О Кангюе и Кан см. Бартольд В. В. [124], стр. 7—9; Bretschneider, E. [111], p. 59. Иакинф Бичурин [34], стр. 238—240; Chavannes, E. [97], p. 132—136.
246. Бартольд В. В. [84], стр. 76. Бронников Н. А. [116], стр. 6—7.
247. А. П. Чулошников полагал, что наименование „канглы“ получилось от прибавления к географическому термину приставки „лык“ „для указания места происхождения народа“ (подобно современным—„кашгарлык“, „ташкентлык“ и т. п.) и что в древности существовала река по имени Кан или Канг. См. Чулошников А. П. [122], стр. 12.
248. Абулгази [27], стр. 16.
249. Прежние исследователи, стремившиеся приурочить Канг к какой-нибудь географической территории и находившиеся под сильным влиянием пута-

ных и далеко не вполне историчных сведений о нем в древних эпических творениях, по-разному разрешали этот вопрос, Так, Лассен считал народ „канка“ за обитателей Восточного Тибета; В. В. Григорьев полагал, что страна Канг находилась в пределах Восточного Туркестана; Раулинсон за „Канг“ принимал Таш-курган в Сарыкольском округе; в то время как по Юсти „Канка“ соответствует нынешнему Ташкенту или какому-нибудь близкому к нему месту; наконец, ряд авторов не прочь бы отождествить Канг с Согдианой, опираясь на вышеприведенное известие о владении Кан в истории династии Тан.

250. Н. Г. Маллицкому местное население объясняло происхождение наименования Кан-арык от слова „кан“—кровь, так как, когда после прорытия русла канала вода в него не пошла, то принесли в жертву раба, что якобы и возымело тотчас свое магическое действие. По сообщению Я. Гулямова, в Хорезме слово „кан“ служит для обозначения множества (кан кой—много баранов), а в Бухаре оно употребляется в качестве термина при наименовании больших арыков; например, Кан Абу Муслим—большой магистральный канал Абу Муслима.
251. Показание дано одной старухой, определившей время по сопоставлению с моментом постройки у нее во дворе сарая, которого не было еще, когда приезжали русские копать городище.
252. Продолговатые жженые кирпичи с городища Канка имеют размеры: $28 \times 14 \times 4$ см, $26 \times 13 \times 3,5$ см и др.
253. По обмеру В. Д. Жукова, высота остатков оплывших стен шахристана по северному фасаду с наружной стороны равнялась 12 м по вертикали.
254. Е. Т. Смирнов, на основании устных показаний, полагал, что в летнее время, когда в воде ощущался сильный недостаток, ее кооптировали из Чарчика по каналу Большая Карасу, спускали в русло Ангрена, перехватывали плотиной, впускали в водоприемник канала Кан и его руслом доводили до окрестностей Канка.
255. Один член ТКЛА сообщает о доставлении кем-то в Ташкентский музей в до-революционное время найденных на городище Канка нескольких сосудов симобкузача.
256. О кладе из Дальверзина см. Массон М. Е. [136], стр. 9.
257. Наименование „городище Афрасиаба“ в приложении к развалинам средневекового самаркандского шахристана, по мнению В. Л. Вяткина, вошло в употребление по крайней мере около 200 лет назад. Вяткин В. Л. [125], стр. 3.
258. Упоминания Харашкета см. Истахри [6], ۹۲۳ и ۳۱۶۱۶. Подробнее сведения Ибн Хаукаля [12], ۳۸۵ и ۳۸۹. Макдиси [11], ۱۶۸ и ۲۶۱۶. У последнего содержится только одно упоминание в перечне городов без всяких подробностей.
259. О Харашкете см. Бартольд В. В. [91], стр. 170; его же [115], стр. 142.
260. В результате мы имеем ряд искаженных иногда до неузнаваемости вариантов начертания названия Харашкета, а именно: حرسنك، حسر، حوسكت، حرسنك، حوسنكت، حوسنكت، حرسنك، حرسنك، حرسنك, установленные при издании текстов арабских географов. Мне думается, что под حركت Худуд ал Алем следует понимать опять же Харашкет, тем более, что Харахкет упомянут после Бенакета и перед Шутуркетом. Худуд ал Алем [10], стр. 24 г.
261. Ибн Хордадбех [3], ۲۷, „в“; пер. стр. 20, примечание 1.
262. Якут [20], II ۱۶۲۲.
263. Очень может быть, что в подземном помещении Шахид-мазара хранились деревянные носилки (тахти-раван или маофа), подобные находившимся в Дахбиде при мазаре Махзума Агзама. Меньшие из них считались принадлежавшими самому этому шейху, скончавшемуся в середине XVI в., а большие—его потомку в 7 колена Мусаходже, скончавшемуся несколько более ста лет назад. Ср. Веселовский Н. И. [65], стр. 87.
264. Протокол ТКЛА [81], стр. 36. Позднее ошибочно считалось, что этот бронзовый светильник доставлен из развалин древнего Бенакета. См. Остроумов Н. П. и Аничков И. В. [94], стр. 22, № 63.
265. О хорезмском месторождении поделочного камня и о вывозе оттуда в средние века каменной утвари см. Макдиси [11], ۲۸۸; ал Омари [24], стр. 220 и 242; Массон М. Е. [140], стр. 95—96. Каменная утварь могла поступать также из Афганистана [из окрестностей Кабула] и Ирана [окрестности Мешхеда].

266. Истахри [6], ۳۱۴۱۴; Ибн Хаукаль [12], ۱۴۱۴.
267. Худуд ал Алем [10], 246.
268. А. Шпренгер, ошибочно расчленив термин Самсирек на две части, полагал, что отдельно существовал город Сам и другой *سرك*, чтение которого он установить не решился. См. [70], стр. 23.
269. Бабур [25], р. 213 и 217; о кольцевой облеве монгольской армии на окрестности Самсирека см. р. 218.
270. Первые сведения об ауле Самсирек см. Терентьев М. А. [46], стр. 16. В 70-х годах аул Самсирек имел 97 домов и 672 жителя.
271. Массон М. Е. [139], стр. 98. См. также примечание 19 настоящей работы.
272. Массон М. Е. [148], стр. 28.
273. Бартольд В. В. [115], стр. 142.
274. Якубовский А. Ю. [150].
275. Макдиси (11), г.
276. Гильбута привозилась из Кураминского района в Самарканд для нужд кустарной керамической промышленности примерно до 1863 года, когда один кокандец открыл новое месторождение этой каолиновой глины в горах Карнак-тау, между Бухарой и Самаркандом, примерно в 150 км от последнего города. Некоторое время спустя гильбута стала поступать с этого более близкого месторождения, что значительно снижало транспортный расход. Гребенкин А. (50). Не выдержав конкуренции с фаянсовыми предметами фабричного производства, в большом числе забрасывавшихся в Среднюю Азию русскими торговыми фирмами, местное производство посуды „чини“ или „ялгон-чини“ (псевдо-китайская посуда) давно уже замерло, а вместе с этим оказалось заброшенным и месторождение высокосортного сырья.
277. Краузе И. И. (45), стр. 208.
278. Смирнов Е. Т., [53].
279. Маллицкий Н. Г. [120], стр. 73.
280. Сарджайлякцы утверждают, что прежде они продвигались по пещерештольне в северном направлении почти на километр и слышали шум в тех местах, где она проходила под дорогами. Участившиеся случаи обвалов прекратили якобы посещения этой пещеры.
281. Из слов Макдиси можно заключить, что илакский „зульфар“ (обладающий свойством улетучиваться) получался здесь при обработке серебро-свинцовой руды и принадлежал к числу элементов, редко встречающихся в чистом виде. Макдиси [11], ۳۲۶
282. Ибн Хордадбех [3], ۳۹ пер. 28. Этот натуральный налог вносили те годные для военной службы молодые тюрки, которые почему-либо не несли порученной им охраны пограничной полосы по течению Сыр-дарьи ниже Ташкента от набегов кочевников.
283. Кризис привел к резкому сокращению масштаба работ, но добыча руды продолжалась и позднее. В частности, на месте крупных плавок по Караул-саю в 1929 году мной собраны фрагменты керамики, которые можно отнести даже к концу XII—началу XIII вв.
284. Массон М. Е. [149], стр. 7—8.
285. Смирнов Е. Т. [77], стр. 15.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- V в. до н. э. Геродот. История в 9 книгах, том 1, перевод с греческого Ф. Г. Мищенко. М., 1888 1
- I в. до н. э. Страбон, География Страбона в 17 книгах, перевод с греческого Ф. Г. Мищенко. М., 1879 2
- IX в. н. э. Ибн Хордадбех Обейдаллах *كتاب المسالك والممالك* BGA v. VI. Lugduni Batavorum, 1889. 3
- IX. (ум. 892 г.) Белазури Абу-л Хасан Ахмед б. Яхья. *Liber expugnationis regionum auctore al Belapsori* Ed. M. l. de Goeye. Lugduni Batavorum, 1886 4
- X в. [928] Кудама, в одном томе с текстом Ибн Хордадбеха. BGA, v. VI 5
- „ [930—933] Истахри, Абу Исхак Ибрагим *كتاب مسالك الممالك* BGA. v. I. Lugduni Batavorum, 1870 6
- „ „ (иранская версия) Ouseley, W. The oriental Geography of Ibn Haukal. London, 1800 (В действительности иранская версия сочинения Истахри *كتای مسالك* ошибочно приписанная Аузли Ибн Хаукалю) 7
- X (XII) в. [959] Наршахи *مسمى تاریخ نرشخی* [бухарское литографированное издание], Новая Бухара, ۱۳۲۲ 8
- „ „ „ История Бухары, перевод с иранского Н. [С]. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, 1897. 9
- X [982] Худуд-ал-Алем, рукопись Туманского, иранский текст, изд. под ред. и с пред. В. В. Бартольда, Л., 1930 10
- „ [985] Макдиси *كتاب احسن التقاسيم في معرفة الاقاليم* BGA, v III. Lugduni Batavorum, 1906 11
- „ [987] [8] Ибн-Хаукаль *كتاب المسالك والممالك* BGA, v. II. Lugduni Batavorum, 1873 12
- XI в. [ум. 1048] Бируни. Абу Рейхан Мухаммед б. Ахмед *Alberuni's India*, english edition by E. C. Sachau. I. London, 1888 13
- „ [1045] Насир-и-Хусрау, *سفر نامه ناصر حسر وعلوی* Publié. traduit et annoté par Charles Schefer. Publication de l'Ecole des langues orientales vivantes. II-eme serie, vobum premier. Paris 1881 14
- „ „ „ Сафар намэ. Книга путешествия, перевод Е. Э. Бертельса, М.—Л., 1933 15
- „ [1050] Гардизи Абу Сеид Абд-ал-Хайя б. Зохак. Иранский текст в труде В. В. Бартольда. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894, ЗАН, VIII серия по историко-филологическому отделению т. 1, № 4, СПб, 1897. 16
- „ [1073/4] Махмуд Кашгарский. *كتاب ديوان لغات الترك* т. I—۱۳۳۳; т. II—۱۳۳۵ 17
- XII в. [1155] Идриси Абу Абдаллах Мухаммед. *Géographie d'Edrisi. Traduit de l'arabe en français par P. Amédée. Jaubert. Tome II. Paris, 1840* 18
- XII в. [1166] Сам' ани. Выдержки из текстов, приведенных в труде В. В. Бартольда „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ ч. 1, СПб., 1898. 19

XIII в. [1216—1219] Якут. كتاب معجم البلدان I. Leipzig. 1924; II. Leipzig, 4]1 7	20
" [12386 Ибн-ал-Асир (по извлечению из текста Абу-л-Феда)	21
XIV в. [1321] Абу-л-Феда. Géographie d'Aboulfepa traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes par M. Stanislas Guyard. T. II, seconde partie. Paris, 1883	22
" [30-е годы] Ибн Батута. Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe, accompagné, d'une traduction par C. Defrémery et le Dr. V. R. Sanguinetti. T. II Paris 1854	23
" [ум. 1348/49] ал-Омари Абул Аббас Ахмед б. Фадлаллах (по извлечению из труда Тизенгаузен) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб., 1884	24
XVI в. Бабур. Memoires de Baber. Traduits pour la première fois sur le texte djagatai par A. Pavet de Courteille, Tome premier. Paris, 1871	25
" Хафиз Таныш شرف نامه شاهي (Абдулла-намэ). Рукопись XVI века Гос. публичной библиотеки УзССР, инв. № 2207, из коллекции Шереф Жан-Махзума	26
XVII в. (1603—1663) Абул-Гази богадур-хан. Родословная туркмен, перевод А. Туманского. Ашхабад, 1897	27
XIX в. [1800] Описание поездки Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году Вестник РГО, 1851, часть 1, книга 1	28
" [1819] F r a e h n, C. M. Novae Symbolae ad rem numariam muhammedanorum ex Museis Pflugiano atque Manteufeliano Petropoli nec non Nejebowiano Casani. Petropoli et Halis Saxonum, 1819	28
" [1820] M e y e n d o r f f, G. Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820. Paris. 1826	30
" [1826] F r a e h n, C. M. Recensio numorum muhammedanorum Academiae imp. scient. Petropolitanae. Petropoli, 1826	31
" [1829] Потанин Н. И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина 1830 года. Вестник РГО, 1856, ч. XVIII, кн. 6, СПб. 1857	32
" [1841/2] Эрдманн О. П. Азиатская нумизматика. Лекции, читанные в 1841/2 учебном году в Казанском университете. Рукопись в 5 тетрадях, прилежащая М. Е. Массону	33
" [1851] Иакинф Бичурин. История народов, обитавших в Средней Азии в древние времена, часть III, СПб. 1851	34
" [1853] Тизенгаузен В. (Г). О монетах саманидов. ЗАО, т. VI, отд. 1, СПб., 1853	35
" [1855] Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана, ТВО, часть II, СПб., 1855	36
" " D o r f, V. Ch. M. Fraehnii Nova supplementa ad recensioem numorum muhammedanorum Academiae imp. scient. Petropolitanae. Petropoli, MDCCCLV	37
" [1856] Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Кокандском ханстве, Вестник РГО 1856, часть XVIII, кн. 5, СПб., 1856	38
" [1861] Венюков М. Карта Кокандского ханства, составленная по современным сведениям (1861), ЗРГО, 1862, кн. 1, СПб., 1862	39
" [1862] B a r t h o l o m a e i, I. Troisième lettre. F. Soret sur des monnaies kouficees inédites, trouvées en Georgie. Bruxelles, 1862	40
" [1864] F a u c h e, H. Le Maha-Bharata, traduit, complètement pour la première fois du sanscrit au français. Vol. II. Paris, 1864	41
" [1865] Черняев М. Донесение генерала М. Черняева командирующему войсками Оренбургского края от 28/IX 1865 г. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, 1865 год, ч. II, 20, Т., 1914.	42
" (1867) Хорошхин А. П. От Ташкента до Коканда, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876	43
" (1872) Григорьев В. В. О скифском народе саках, ТВО, часть XVI, СПб., 1872	44
" " Краузе И. И. Заметка о красильном искусстве туземцев русского Туркестана, Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки, вып. II, М., 1872	45
" " Терентьев М. А. Города, кишлаки и аулы Кураминского уезда, Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. 1, СПб., 1872	46

XIX в. (1873) Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан, вып. II, СПб., 1873	47
Тизенгаузен В. (Г). Монеты восточного халифата, СПб., 1873	48
(1873) Хорошхин А. П. Очерки Ташкента, ТВ, 1873, № 19. (См. также его же, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876)	49
(1874) Гребенкин А. О гончарном производстве в Зеравшанском округе, ТВ, 1874, № 8	50
(1875) Г(раменицкий Д. М.) Заметка (о древностях в Туркестанском крае), ТВ, 1875, № 22	51
(1875) Лерх П. И. Монеты Бухархудатов, ТВО, часть XVIII, СПб., 1875—1909	52
С(мирно)в Е. (Т), Очерки Кураминского уезда, Кишлак Намданек, ТВ, 1875, № 47	53
(1876) М(ае)в Н. Заметка о Ташкентском музее, ТВ, 1876, № 28	54
* * * (б. п.) Иски Той-тюбе, ТВ, 1876, № 21	55
(1877) Thomaschek. W. Centralasiatische Studien. Sogdiana. Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Philosophisch—Historische Classe. Band LXXXVII, Wien, 1877	56
1879 Г(раменицкий Д. М.). Заметка о древних урочищах Туркестанского края, ТВ, 1879, № 12	57
(1881) D o r n, B. vber die Mënzen der Ileke loder ehemaligen Chane von Turkistan. Mélanges Asiaticques, tires du Bulletin de l'Académie imp. des Sciences de St. Petersburg. T. VIII, b. 56. St.—P., 1881	58
(1882) G e i g e r. W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlanger, 1882	59
(1884) Тизенгаузен В. (Г). Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, СПб, 1884	60
„(Раскопки М. И. Веселовского в Той-тюбе 1884 года), ОАК за 1882—1888 г., СПб, 1891	61
(1885) Емельянов Н. Меры по воспреещению производства археологических раскопок в крае, ТВ, 1885, 34	62
(1886) Трутовский В. Каталог восточных монет, Московский публичный и Румянцевский музей, Нумизматический кабинет, вып. III, М. 1886	63
(1887) Смирнов Е. (Т). Сырдарьинская область, СПб., 1887	64
(1888) Веселовский Н. (И). Дагбид, ЗВО, т. III, вып. 1—2, СПб., 1888	65
(1891) Марков А. К. Registre général des monnaies orientales. Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du ministère des affaires étrangères. VII. St.-Pet., 1891	66
(1892) Тизенгаузен В. (Г). Нумизматические новинки, ЗВО, т. VI, СПб, 1892	67
(1893) Андреев М. С. Местности в долине р. Ангрена, интересные в археологическом отношении, ТВ, 1893, № 46.	68
„Его же. Местности в долине р. Ангрена, интересные в археологическом отношении: 1) кишлак Канджигалы (Ташкентского уезда), 2) Айрытам. ИОАИЭКУ, т. XI, вып. VI, Казань, 1893	69
(1894). Петровский Н. Ф. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений, Т., 1894	70
(1895) Айдаров М. Покорение города Джанадила богатырем Али. Средняя Азия, альманах, научно-литературный сборник с календарем на 1896 г., Т., 1895	71
(1896) Андреев М. С. Исторические заметки о Ходженге. Справочная книжка Самаркандской области на 1896 год, вып. IV, Самарканд, 1896	72
„Его же. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении, Журнал „Среднеазиатский вестник“, Т., 1896, май. Есть отд. оттиски	73
„Бартольд В. В. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии, журнал „Среднеазиатский вестник“, Т., 1896, июнь, Есть отд. оттиски	74
„Лыкошин Н. С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения ТКЛА, Журнал „Среднеазиатский вестник“, Т., 1896, июль. Есть отд. оттиски	75
„Марков А. (К). Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, СПб., 1896	76
„Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях г. Ташкента, Средняя Азия, Сборник статей, Т., 1896, Есть отд. оттиски	77
„Протокол заседания ТКЛА от 26/II 1896, Т., 1896	78

XIX в. (1396)	Протокол заседания ТКЛА от 1/VI 1896 года, Т., 1896	79
"	" Протокол заседания ТКЛА от 3/VI 1896 года, Т., 1896	80
"	" Протокол заседания ТКЛА от 26/VIII 1896 года, Т., 1896	81
"	" Отчет о деятельности ТКЛА за 1 год его существования, журнал "Среднеазиатский вестник". 1896, декабрь. Есть отд. оттиски	82
"	(1897) Марков А. (К). Каталог джелаиридских монет, СПб., 1897	83
"	(1898) Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья, Памятная книжка семиреченского областного статистического комитета на 1898, II, Верный, 1898	84
"	" Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1, Тексты, СПб., 1898	85
"	" Мустафин В. А. Каменные бабы. Протоколы ТКЛА год III. Т., 1898	86
"	" Рудановский К. А. (Сообщение о "циклопических" постройках — мугхана в Фергане), Протоколы ТКЛА, год III, Протокол № 5, от 11/XII 1898 года, Ташкент, 1898	87
"	" Прокол ТКЛА, № 4 от 16/XI 1898 года. Протоколы ТКЛА, год III, Т., 1898	88
"	(1899) Бартольд В. В. Новые исследования об орхонских надписях, ЖМНП, 1899, № 10, часть СССХХV, отд. 2	89
"	" Вирский М. М. Древние глиняные гробы, Протоколы ТКЛА, год IV, Т., 1899	90
XX в. (1900)	Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, часть II. Исследования, СПб., 1900.	91
"	" Вяткин В. Л. К исторической географии Ташкентского района, ТВ, 1900, № 101, Перепечатка в Протоколах ТКЛА, год V, Т., 1900	92
"	" Кузнецов П. Е. О таджиках Ташкентского уезда, ИТОРГО, том II, вып. 2, Т., 1900. Есть отд. оттиски	93
"	" Остроумов Н. П. и Аничков И. В. Описание археологических и нумизматических коллекций, принадлежащих Ташкентскому музею и ТКЛА, Т., 1900	94
"	(1901) Габбин. Исследование поделочного леса Ташкентского уезда, СПб., 1901	95
"	" Смирнов Е. Т., Развалины города Канка, ТВ, 1901, № 2, 4, 6, 10, 13, 16 и 17, Перепечатано в Протоколах ТКЛА, год V, Ташкент 1901	96
"	(1903) Chavannes, E. Documents sur les Tou Kiue (Turcs) occidentaux. Сборник трудов орхонской экспедиции, VI, СПб., 1903	97
"	(1904) Codrington, O. A manual of musulman numismatics. London, 1904	
"	" Протоколы заседания ТКЛА от 12/XI 1904 года Протоколы заседаний ТКЛА, год IX, Ташкент, 1904	98
"	(1905) Петровский Н. Ф. Заметка (о бугре Канка), ТВ, 1905, № 57.	99
"	" Le Strange G. The lands of the Eastern Caliphate Cambridge, 1905 (1930)	100
"	" (Находка археологических предметов благодаря размыву Сыр-дарьи в Ташкентском уезде, бугор Канка), Заметка, ТВ, 1905, № 54	102
"	" (О времени, к которому относятся развалины городов по Ангрени и Сыр-дарье) Заметка, ТВ, 1905, № 66.	103
"	(1906) Остроумов Н. П. Новые данные о глиняных погребальных урнах, Протоколы ТКЛА, год XI, Ташкент, 1906	104
"	" (Холм Пушти-Мамед возле Пскента). Заметка, ТВ, 1906, № 53	105
"	(1907) Протокол заседания членов ТКЛА от 11/IV 1907 года, Протоколы ТКЛА, год XII, Т., 1908	106
"	(1908) Қастальский Б. Н. Биянайманские оссуарии, Самарканд, 1908, Отд. изд. Перепечатка в Протоколах ТКЛА, год XIII, Ташкент, 1909	107
"	" Пославский И. Т. О находках в Ханабаде и вообще в районе нижнего течения р. Чирчика, Протоколы ТКЛА, год XII, Ташкент, 1908	108
"	" Протокол 3 ТКЛА от 17/XII 1908 года, Протоколы заседаний ТКЛА, год XIII, Ташкент, 1909	109
"	(1909) Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденных преимущественно в пределах Российской империи, СПб., 1909	110
"	(1910) Bretschneider, E. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. II. London, 1910	111
"	" Историко-сравнительный этюд о каменных бабах. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, в. XXII, Оренбург, 1910	112

XX в.	(1913) Отчет о поездке в Шахрохию и местность Канака, Протоколы заседаний ТКЛА, год XVIII (ошибочно напечатано «семнадцатый»), Ташкент, 1913	113
"	(1913/14) Современные успехи спелеологии и спелеологические поездки по Туркестану 1913 и 1914 гг. ИТОРГО, т. XI, вып. 2, Ташкент, 1915, Есть отд. оттиски	114
"	(1914) Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., (1914). Отд. оттиск из журнала «Лесное хозяйство»	115
"	" Бронников Н. А. Кангюй, Канглы или Кан и юэчжи. К исторической географии русского Туркестана, ЗМАИ, том XXXV, М., 1914	116
"	(1915) Маллицкий Н. Г. Ташкент. Исторический очерк, Известия Ташкентской городской думы, Ташкент, 1915, № 1 и след. Есть отд. оттиски	117
"	(1922) Бартольд В. В. История Туркестана. Труды Туркестанского государственного университета, вып. II, Ташкент, 1922	118
"	" Орбели И. (А). Временная выставка сасанидских древностей, П., 1922	119
"	(1923) Маллицкий Н. Г. Из области таджикского фольклора. <i>الاسكندرية</i> Сборник ТВИ, Ташкент, 1923	120
XX в.	(1924) Орбели И. А. Сасанидское искусство, Восток (журнал), М.-Л., 1924. кн 4.	121
"	Чулошников А П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, часть I, Оренбург, 1924	122
"	(1925) Семенов А. А. Материальные памятники арийской культуры Средней Азии. Таджикистан, Сборник статей, Ташкент, 1925	123
"	(1927) Бартольд В. В. История культурной жизни в Туркестане, АН СССР, Л., 1927	124
"	(1928) Вяткин В. Л. Афросиаб — городище былого Самарканда, Самарканд—Ташкент, 1928	125
"	" Массон М. Е. Старый Сайрам. Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, Есть отд. оттиски	126
"	" Его же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг. Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928. Есть отд. оттиск	127
"	" Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии, Исследование, ремонт, реставрация, 1920—1928 гг., Ташкент, 1929	128
"	(1930) Маллицкий Н. Г. Ходжентский округ, Учебное пособие по географии Таджикистана, часть II, Ташкент—Сталинабад, 1930	129
"	" Массон М. Е. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии, Бюллетень САГРУ, № 2, Ташкент, 1930	130
"	" Его же. Историческая археология на службе геологической разведки «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1930, № 2.	131
"	" Его же Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии. за 1928 и 1929 гг., «Научная мысль», Самарканд—Ташкент, 1930. Есть отд. оттиски	132
"	(1931) Его-же. Археология на службе социалистического строительства. Новые пути археологии Средней Азии, Всеукраинская ассоциация востоковедов-марксистов, Червоний Схід, Харьков, 1931, № 1—2	133
"	" Тревер К. В. Резной аметист из собрания Эрмитажа, Сообщения ГАИМК, Л., 1931, № 2	134
"	(1933) Массон М. Е. Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом, Материалы Узкомстариса, вып. 4, Ташкент, 1933	135
"	" Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах, материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933	136
"	" Протокол 1 заседания Комитета Узкомстариса при СНК УзССР. от 26/I и 1/II 1933 г.	137
"	(1934) Воробьев В. Уголь, радий, золото. ПВ., 1934. № 252	138
"	" Массон М. Е. Из исторического архива палеонтологии Средней Азии, «СОНАТ», [Ташкент], 1934 № 1—2.	139
"	" Его же. К истории добычи асбеста в Средней Азии, «За недра Средней Азии», Ташкент, 1934, № 4.	140
"	" Его же Загадочное городище Канка. Из результатов работ 29. отряда ТПЭ, СОНАТ, [Ташкент], 1934, № 10—11	141
"	" Его же. Из истории горной промышленности Таджикистана, ТПЭ, Материалы экспедиции 1933 года, вып. XX, Л., 1934	142
"	" М. М. Прошлое долины Ангрена, ПВ, 1934, № 188	143

XX в. (1935)	Массон М. Е. К истории горной промышленности Карамазара, Труды Таджикостанской базы АН СССР, вып. IV, Л., 1935	144
"	" Массон М. Е. Проблема изучения цистерн сардоба. Материалы Узкомстариса, вып. 8, Ташкент, 1935	145
"	" Орбели И. А. и Тревер К. В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы, М.-Л., 1935	146
"	(1936) Борзов М. В. Проблема древности сифилиса в Средней Азии, Ташкент, 1936	147
"	" Массон М. Е. К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка, ТПЭ, Труды экспедиции, вып. XXXVII, М.-Л., 1936	148
"	(1937) Его же. Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии, Ташкент, 1937	149
"	" Якубовский А. Ю., Ирак на грани VIII—IX вв. Черты социального строя халифата при Аббасидах, Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г., Труды ИВАН, XXIV, М.-Л., 1937	150
"	(1938) Массон М. Е. К проблеме открытия алфавита древнего Хорезма, СОНАТ, 1938, № 6.	151
"	(1939) Его же, Рисунки на скалах, „Пионер Востока“, Ташкент, 1939, № 4	152

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

- АН—Академия Наук СССР.
 BGA—Bibliotheca Geographorum Arabiorum.
 ГАИМК—Государственная академия истории материальной культуры.
 ЖМНП—Журнал Министерства народного просвещения.
 ЗАН—Записки Академии Наук.
 ЗАО—Записки Русского археологического общества.
 ЗВО—Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
 ЗМАИ—Записки Московского археологического института.
 ЗРГО—Записки Русского географического общества.
 ИВАН—Институт востоковедения Академии Наук СССР.
 ИОАИЭКУ—Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
 ИРГО—Известия Русского географического общества.
 ИТОРГО—Известия Туркестанского отдела Русского географического общества.
 Л—Ленинград.
 М—Москва.
 ОАК—Отчет Археологической комиссии.
 П—Петроград.
 РАО—Русское археологическое общество.
 ПВ—Газета „Правда Востока“, Ташкент.
 РГО—Русское географическое общество.
 САРГРУ—Среднеазиатское районное геолого-разведочное управление.
 СОНАТ—Социалистическая наука и техника, Орган Комитета Наук УзССР.
 СПб—Санкт-Петербург.
 Т—Ташкент
 ТВ—Газета „Туркестанские Ведомости“,
 ТВИ—Туркестанский восточный институт.
 ТВО—Труды Восточного отделения Русского археологического общества.
 ТКЛА—Туркестанский кружок любителей археологии.
 ТПЭ—Таджикско-Памирская экспедиция.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
9	4 снизу	столицы	столице
15	Рис. 5	Рабат при замке Мухинан	Замок Мухинан
17	Рис. 6	Замок Мухинан	Рабат при замке Мухинан
32	6 снизу	جَد غَل	چده غَل
34	13 снизу	جنکى شوخ روى	جنکى و شوخ روى
36	16 снизу	يتلح	ايتلح
Таблица 1 (после стр. 36).	11 ряд, 4 строка снизу	42° 30' ; جکت	42°30' ¹⁴⁶ زجکت
72	13 снизу	42° 30'	42°30' ¹⁴⁶
74	8 сверху	الساش	الشاش
80	20 снизу	بع	بخ
80	17 снизу	خ	بخ
113	10 снизу	الحليل	الجليل
124	16 снизу	в городской	и городской
130	9 снизу	اطلح	اطلخ
134	22 снизу	شو	سو
135	28 снизу	Кодар	Кудер
138	18 сверху	Карнак-тау	Карнап-тау
139	9 сверху	auctore al Belapsori	auctore al Beladsori
139	22 снизу	التقاسيم فى محرفه	التقاسيم فى محرفه
140	2 сверху	4] 1 7	1867
140	3 сверху	[2386	(1234)
140	24 снизу	imr	imp
140	18 снизу	lettre F. Soret	lettre á m. F. Soret
141	22 сверху	vber die Menzen... Ioder	Über die Münzen... oder
142	31 снизу	manuei	manual

